

Ирина
Барихова

БОЖЬЕ
БЛАГОСЛОВЕНИЕ

P29p
Б24

Ирина Барихова

БОЖЬЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Стихи и проза

Издательство

• ЛИЯ •

МУК «ЦБС»
г. Ярославля

Ярославль

2007

Центральная библиотека
им. М.Ю. Лермонтова
Фонд краеведения

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

-156041-4

УДК 882-1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44
Б 24
ISBN 5-86895-081-х

Баринова И.
БОЖЬЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ. Стихи и проза.
В авторской редакции. Ярославль: издательство
«ЛИЯ», 2007. – 224 с.

Сборник стихов и прозы включает произведения разных лет, созданные талантливой ярославской поэтессой, членом Союза писателей России Ириной Бариновой. Некоторые произведения публикуются впервые, дополняя многим знакомую творческую биографию очень интересного, лиричного и широко признанного автора.

Книга рассчитана на массового читателя.

ISBN 5-86895-081-х

© Баринова И.Е., 2007
© «ЛИЯ», 2007

ВОЗДУХ ПОЭЗИИ

Как-то удалось услышать фразу: «Поэт стихи не пишет – он стихами дышит». Подумалось: а ведь точно! Рифмованные строки могут быть хорошими и даже очень, но ... до поэзии не дотягивать. Таких стихов много. И даже очень. Гораздо больше, чем поэзии.

Настоящую поэзию воспринимаешь не умом, не сознанием, а чувствами, душой, нутром. Она, как весенний, летний, осенний или зимний воздух, имеет специфический аромат, крепость, настой. Поэтому и вдыхается легко, жадно, наполняя кровь бодростью или грустью. Не заставляя, а побуждая приблизиться к окружающему миру. Вглядеться и лучше рассмотреть его. Раствориться в нем, испытывая счастье уже голько оттого, что с помощью поэзии сумел увидеть и почувствовать многообразие и многоцветие нескончаемой жизни, в основе которой всегда была и остается ЛЮБОВЬ.

Стихи Ирины Бариновой, несомненно, – ПОЭЗИЯ. Это вовсе не означает, что они нашептаны ей в ухо Всевышним, а ей оставалось только их записать. За каждым произведением большой труд души, сердца, ума. Хотя и нельзя, конечно, отрицать в ее творчестве Божьего благословения. Оно ощутимо, видимо и сопровождает поэтессу на всем жизненном пути.

Ирина Баринова родом из поселка Петровский Ростовского района Ярославской области. Там закончила школу, начала работать пионервожатой, пробовала преподавать. Там же написала свои первые стихи, опубликовала их в «районке» и повенчалась с поэзией. Сменила педагогический институт на Литературный институт им. А.М.Горького в Москве, успешно его закончила, став вскоре членом Союза писателей СССР. В эти годы встретила на своем пути немало талантливых поэтов и прозаиков, активно впитывала лучшие образцы поэзии, училась, все глубже познавая и влюбляясь в красоту русского поэтического языка.

Судьба любого настоящего поэта сложна, противоречива, зигзагообразна, часто жестока и незавидна для масс обывателей. Поэты сродни актерам. Стой лишь существенной разницей, что артисты, перевоплощаясь на сцене, проживают вместе с ролью жизнь своих персонажей, с кривая и утрачивая свою яркую индивидуальность. А поэты постоянно обнажают собственную душу, свою индивидуальность и неповторимость, удивляя публику остротой и глубиной взгляда на мир, обостренным восприятием его, шириной диапазона своей роли в жизни.

Вот поэтическая иллюстрация этой мысли, принадлежащая Ирине Бариновой:

*Все прекрасно, все чудесно,
У меня шикарный вид!
Скажут мне: «Вы так прелестны!»
Комплимент не удивит.*

...

*Вот я вся тут. Уж едва ли
Предо мной кто устоит.
...Если бы вы только знали,
Как душа моя болит.*

Поэтическая судьба Ирины Бариновой протяженностью более тридцати лет выстраивалась всегда волнообразно. Она и до сих пор штормит, не переходя в убаюкивающий штиль, созерцательность, житейскую дрему. Ее творческий нерв по-прежнему обострен, раздражителен на несправедливость и предательство. Немало по этой причине досталось ей в жизни синяков в душе и болезненных ран на сердце. Даже хорошо знающие ее порой не всегда мирятся и прощают ей экзальтированность, резкость в словах и оценках, нестандартную реакцию на бытовые раздражители. Она и сама бы рада избавиться от этого. Но как?! Ее состояние на людях напоминает поведение ... ежа. Сверхчутко улавливая постоянно подстерегающую опасность извне, еж всегда готов свернуться в клубок, выставив для защиты острые иголки. Но все знают, что это только защита, что еж добрый, лишен агрессии, располагает к себе и украшает мир. Никому и в голову не придет его погладить. Его воспринимают таким, какой есть. Настоящий творец тоже не любит приглаживаний, не позволяет, чтобы его приручили. Часто именно этим объясняется экзальтированность, раздраженность, неуживчивость.

Обнаженная душа поэта всегда очень ранима, а поэтому, откровенно раскрываясь в творчестве, в разрушительном быту нашего жестокого и лживого времени инстинктивно прячется, выставляя «иголки» для защиты.

Сознавая это, Ирина Баринова без всякого жеманства и наигранности признается:

*Я не в свое явилась время,
Не те пути меня вели.*

*Одной ногой попала в стремя,
Другую – волочу в пыли.*

Еще откровенней продолжает эту мысль в другом стихотворении:
*Ведь знаю: не будет мне рая,
Не буду от счастья пьяна.
Но я добровольно сгораю
И яд выпиваю до дна.*

Поразительно точно раскрывают внутренний мир поэтессы и такие строки:

*Нет виновных в любви – я знаю,
Разве кто запретит любить?
... Отчего же беда чужая
Не дает мне счастливой быть?*

Это четверостишие завершается вопросом. Но, вникая в творчество И. Бариновой, вдыхая ее поэзию, находишь ответ на этот глубоко нравственный вопрос. Он оказывается очень прост: для нее просто нет чужих бед. Все воспринимаются, как свои. И потому рождаются строки:

*Улыбка солнечная в стужу
Нужнее, может быть, чем летом.
Или:*

*Не унизить сердце жалостью,
Без сочувствия больной.*

*И, наконец:
Земная коротка стезя,
Конец пути не нов.
... Нельзя откладывать, нельзя
Ни встреч, ни нужных слов.*

Но основное и главное место в сборнике, на мой взгляд, занимает стихотворение «Божье благословение», которое и дало название этой книге.

Представленный читателям новый сборник включает не только талантливую и очень искреннюю поэзию разных лет. Значительное место в нем занимает проза.

Уверен, что новая встреча читателей с творчеством члена Союза писателей России Ирины Бариновой станет приятной, интересной и очень полезной.

*Александр Разумов,
директор издательства «ЛИЯ»,
заслуженный работник культуры РФ.*

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЕХИ

ПЕСНЯ

*Памяти отца
Евгения Сергеевича Барина*

Улыбчивый, черноволосый,
Из тех, что и жнец, и игрец:
«Я трогаю русые косы»
Поёт молодой мой отец.

И быстрые женские слёзы
Туманят внимательный взгляд.
«Над нами весь вечер берёзы
О чём-то чуть слышно шумят».

Нехитрая песенка эта,
Но спаяны в ней, сведены
И радость весеннего света,
И горькая память войны.

«Я трогаю русые косы...»
...То время давно позади.
Но стоит слышать «Берёзы»,
Как сердце сожмётся в груди.

Отца уже стала я старше,
Но память не знает преград.
Всё так же над нами, всё так же
Родные берёзы шумят.

* * *

Олегу Отрошко

На судьбу тебе пожалуюсь,
Никого не обвиня.
Пожалей меня, пожалуйста,
Приголубь, утешь меня.

Я заплачу с облегчением,
Тихо-тихо иль навзрыд.
Ты спаси меня терпением
От напастей и обид.

Не святую, не безгрешную
И не верящую в рай,
Исцели меня надеждою,
В доброту поверить дай.

Не унизить сердце жалостью,
Без сочувствия – больней.
Пожалей меня, пожалуйста.
Если можешь, пожалей.

ЗАСОХШАЯ ЛОЗА

Как бесконечна мгла вокруг –
Пробиться к свету невозможно.
И одиноко стало вдруг,
И так тоскливо-безнадёжно.
И как засохшая лоза,
Я – без надежды на спасенье.
О, если б грянула гроза,
Несущая освобожденье
От серой мглы, от чёрных туч
И мыслей, от которых трушу,
Чтобы пробился солнца луч
В мою измученную душу.
Всего-то: солнце и гроза.
Всего-то: чуть тепла и неги.
Ведь и засохшая лоза
Ещё способна дать побегу.

***

Памяти Вали Барулиной

Захлестнуло петлёй отчаянья,
И невмочь и дышать, и жить.
Я обидела друга нечаянно,
Не успел он меня простить.

Сердце боль теснит неизбежная,
Мне никто не может помочь.
В сны мои походкой неспешною
Друг приходит каждую ночь.

Он тревожит меня молчанием,
Умоляю его простить.
Я обидела друга нечаянно...
Как теперь не прощённой жить?

***

Никите

Я сыну пою колыбельную песню,
Слипаются милые сонные глазки,
Сейчас для него ненадолго исчезнут
Лицо моё, голос, и песни, и ласки.

А он и во сне остаётся со мною,
И счастье, и беды мои, и надежды –
Всё то, что непросто зовётся судьбою, –
В ручонках своих крепко-накрепко держит.

НАКАНУНЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ

За тридцать лет своих
Пережила немало,
Три заповеди выполнив сполна:
Я сына родила,
И книгу написала,
И посадила липу у окна.
Но липа не сулит
Медовый запах людям —
Не отродилась и не расцвела...
И книгу, может быть,
Никто читать не будет...
...Но сына я для счастья родила!

ПО ДОРОГЕ В МОЛОЧНУЮ КУХНЮ

Всё реже смотрят вслед мужчины,
Мой взгляд стал сдержанней и строже,
Не улыбаюсь беспричинно,
И привлекая, и тревожа.

И лёгкость девичья пропала,
И чуть в лице поблекли краски.
Всё чаще я теперь устало
Иду с авоськой иль с коляской.

На жизнь не сетую нисколько,
Люблю свой дом, ребёнка, мужа.
Бывает всяко: сладко, горько –
Иного счастья мне не нужно.

Но в тайных мыслях я повинна
(Вот глупости-то в самом деле):
Хочу, чтоб встречные мужчины
Мне вслед восторженно глядели.

* * *

Ещё одно лето промчалось, как поезд,
Тепло и покой – позади.
И снова живу, суетясь, беспокоясь,
Кляня затяжные дожди.

Заботы, тревоги и думы ночные
О том, что вся жизнь так пройдёт.
И вновь проклиная дожди затяжные
И тяжкое бремя забот.

...А утром луч солнца в окно постучится.
Глаза протирая со сна,
Сынок улыбнётся мне и удивится:
«Опять наступила весна?»

ЯРОСЛАВЛЬ – ВЛАДИВОСТОК

Середина жизни – а я всё сначала.
Середина жизни – а я всё с нуля.
Позади остались гул глухой вокзала,
Милые берёзы, липы, тополя.

А на новом месте – всё уже иное.
А на новом месте – новая земля.
Мне не раз приснятся брошенные мною
Милые берёзы, липы, тополя.

Не похож на Волгу океан бездонный,
Не похожи сопки на мои поля.
Я глотаю ветер, круто посоленный.
...Как вы там, берёзы, липы, тополя?

* * *

*Я одного боюсь: вдруг кто-то
меня решится пожалеть.*

Из раннего стихотворения

Так хочется, чтоб кто-то пожалел,
Устала быть разумной, деловитой,
Отвлечься б от больших и малых дел,
Пожить бы простодушно и открыто.

И, если надо, выплакаться всласть,
Все рассказав о горестях и бедах,
Влюбиться, растеряться, запропасть
И яблока запретного отведать.

Сорваться, негодуя и грубя,
Покаяться, стать кроткою и слабой,
Чтоб, наконец, почувствовать себя
Усталой и отчаявшейся бабой.

Но, не пуская чувства на простор,
Не жалеюсь, не плачу, не робею,
Готовая дать каждому отпор.
...Да кто ж меня, такую, пожалеет?

НЕСЕРЬЕЗНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Была в прошлой жизни я птицей:
Не зря же летаю во сне.
Но травы и листья, и лица
Отчётливо видятся мне.

Чуть выше, быть может, сарайки
Лечу я, объятая сном.
Была в прошлой жизни не чайкой,
Не ласточкой, не журавлём.

А курицей, толстой и белой,
Квохтала впопад-невпопад,
Усердно на яйцах сидела
И нянчила жёлтых цыплят.

...И снова я сутью куриной
Живу – в сине небо не рвусь
И над разъединственным сыном
Встревоженной клухой трясусь.

Высокой звезде не светиться
Над жизнью обычной моей.
...Но курица тоже ведь птица,
И яйца несёт для людей.

В ДЕНЬ 45-ЛЕТИЯ

Говорят, что в сорок пять
Баба – ягодка опять.
Я всё думала-гадала:
А какой – себя назвать?
Я бываю очень сладкой,
Но и горькой – через край.
Что там горькой – просто гадкой,
Ну, как хочешь называй.
Так вот думалось-гадалось,
И... крыжовником назвалась.
Ведь крыжовник очень разный:
Он зелёный есть и красный,
Сладкий есть и кисло-жгучий,
Но всегда-всегда колючий.
Уколоться вы хотите?
Ну, тогда меня берите.

* * *

О, как не хочется стареть,
 Ах, как стареть не хочется,
 Коль знаешь, что тебя и впредь
 Ждёт только одиночество.
 Ведь легче стариться вдвоём.
 Седины ли, морщины ли
 Не вызовут тоскливый стон:
 Для горести – причины ли?
 И у последней у черты,
 Пред роком неизбежности
 Дни будут всё-таки светлы
 От обоюдной нежности.
 Когда ж никто и пожалеть
 Не может, толку ль в почестях?
 О, как не хочется стареть,
 Ах, как стареть не хочется.

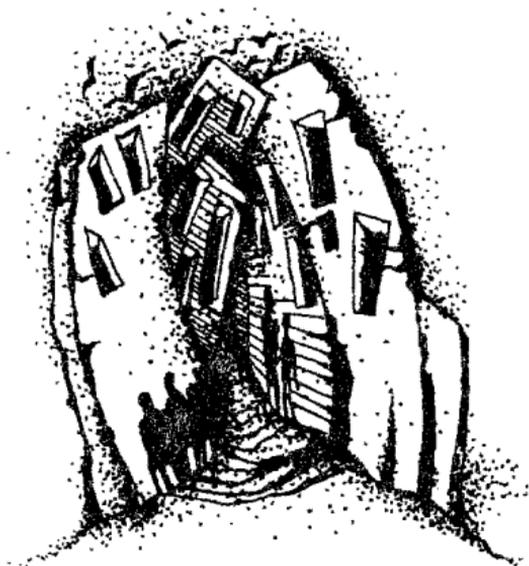
МУК «ЦБС»
 г. Ярославля»

Центральная библиотека
 им. М.Ю. Лермонтова
 Фонд краеведения

Муниципальное учреждение культуры
 «Централизованная библиотечная система
 города Ярославля»

- 156041 - /

БОЛЬ МОЯ - РОССИЯ

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...

Возможно ли жить не по лжи
В стране, изолгавшейся этой,
Где призраки и миражи
Уводят от истины светлой?

Где ложью пропитан эфир,
Где с телеэкрана иудин
Оскал ощеряется в мир?
Неужто сей грех неподсуден?

Неужто добро и любовь –
Сплошные обман и витийство?
Неужто же смоется кровь
С того, кто толкнул на убийство?

Кто брата на брата послал,
Чтоб крепче держаться на троне?
Всё шире иудин оскал.
Неужто не всеми он понят?

Народ терпеливый, скажи...
Молчание – вместо ответа.
Так можно ли жить не по лжи
В стране, изолгавшейся этой?

Октябрь 1993 г.

ВОРОНЬЕ

*Под впечатлением картины
художника Олега Отрошко
«Чёрный ворон над моей землёй»*

Вороньё над Россией моей
Всё кружит в ожиданьи добычи.
И становится небо черней,
Журавли уже в нём не курлычут.

Вороньё над Россией кружит,
Солнце доброе, щедрое застит.
А Россия распятой лежит,
Лихолетью открытая настезь.

Так, быть может, поднимем её?
Или ворогов мы не осилим?
Над Россией моей – вороньё.
Вороньё – над моею Россией.

Неужели же нам суждено
Не воспрянуть от смертного ига?
Над Россией кружит вороньё.
Стынет кровь от зловещего крика.

БОЙНЯ

Опять посылают мальчишек под пули,
Опять матерям и отцам не до сна.
В который же раз наш народ обманули?
Скажите, кому эта бойня нужна?

Быть может, назвать всех убийц поимённо,
Виновников этой проклятой войны?
Шикуют, на смерть посылают законно,
Их детки надёжно защищены.

В гробах возвращаются мальчики наши,
Уже им не встретить своё Рождество.
А «ящик» покажет, как лопают, пляшут
На празднике сильные мира сего.

У ястребов целы и когти, и крылья,
На сытых их мордах не выступит кровь.
И миром по-прежнему правит насилье,
И втоптаны в грязь и добро, и любовь.

РОСТОВСКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛЬКО

Гой еси, красивый, отважный
Василько – наш ростовский князь.
Побеждал врагов не однажды,
А на Сити кровь пролилась.

Ханы звали к себе на службу,
Захвативши его в полон,
Но пленённый и безоружный,
Лишь смеялся над ними он.

Растерзав, пронзив его тело,
Не сумели выдавить стон.
И любимая овдовела,
Но не знала ещё о том.

Колыхнулась земля сырая,
Опустилась на душу грусть.
Муж её шептал, умирая,
Лишь два слова: Мария, Русь.

Привезли в Ростов его тело,
Все сбежались – и стар и млад.
Весть печальная облетела
В миг единый великий град.

Стал навеки святым Василий.
Осентя себя крестом,
Василькова вдова Мария
Сохраняла память о нём.

Уж века с той поры промчались –
Не забыть пролитую кровь.
В наших душах навек остались
Бой на Сити, подвиг, любовь.

ПРАЗДНИК

Застолья, застолья, застолья...
А песен не слышно нигде –
Широких, щемящих, раздольных,
Помощниц в труде и беде,
И с чарочкой неразделимых...
Россия без песен – не та.
Неужто, когда-то любимы,
Исчезли теперь без следа?
Неужто всю пропили душу –
Осталась одна пустота?..
Чу! Гомон нетрезвый нарушив,
Нежданна, легка и чиста,
Послышалась песня-кручина,
С рожденья знакомый мотив:
Стоит одиноко рябина,
До тына головку склонив.
И сладостно сердце заныло,
И скорби исчезла юдоль,
И, вроде б, на миг отпустила
Тревоги привычная боль.
Поверилось (сглазить – не трушу):
Все мутные воды уйдут.
Не всю искорежили душу
России, раз песни поют.

* * *

*«Дубовый листок оторвался
от ветки родимой...»*

М. Лермонтов

Не дай нам Бог
оторванным листком
скитаться одиноко по чужбинам,
где самый сытый
и роскошный дом
не станет ни родным, и не любимым.

Быть может, где-то
лучше, чем у нас, –
вольготнее, богаче и красивей.
Но как же страшно
в свой последний час
не ощутить целебный свет России.

Лишь вспоминать
в больной тоске по ней –
то поле ржи, то тёплые берёзы,
не разглядев
российских журавлей
сквозь жалкие не пролитые слёзы.

* * *

Дефицит доброты – почему же?
Не хватает тепла – отчего? —
У жены – для любимого мужа,
У сынов – для отца своего.
Появились «забытые» дети
И ненужные всем старики.
Видно, что-то случилось на свете,
Коль на злобу мы стали легки?

Только сетуем: жизнь, мол, такая,
Хочешь жить, так вертеться умей.
Вот и вертимся, спешно меняя
Друга детства на «нужных» людей.
Пробиваемся и пробиваем,
Лишь бы локти острей, и – вперёд!
И меняем, меняем, меняем.
Вместо жалости – трезвый расчёт.

Вместо музыки – бешенство рока.
Телевизор цветной – вместо книг.
Не горя, потухает до срока
Нашей жизни единственный миг.

МИЛЛЕНИУМ

Опять всё не то,
Опять всё не так.
Душа – решето.
В голове – кавардак,

Умчались прочь
И эпоха, и век,
Но так же точь-в-точь
Тихо падает снег.

Как в прошлом столетьи
И в прошлом году,
Не скроет, заметьте,
Всё ту же беду,

Всё те же проблемы,
Всё ту же печаль,
Облезлые стены,
Туманную даль.

Мне хочется верить,
Но верить никак.
Всё те же потери,
Всё тот же бардак.

И только, как прежде,
Надежда живёт.
Наверно, надежде
Ещё не черёд.

ИГРАЕТ «БАРОККО»

Игорю Попкову

Звучит, молода и свежа,
Светло и широко,
Старинных мелодий душа.
Играет «Барокко»!

Вивальди, Леклер, Куперен –
Да что в них такое?
Но вот уж ни сцены, ни стен –
Лишь шёпот прибоя.

Лишь запах весенних цветов,
Расцветших до срока.
Священствует Игорь Попков.
Играет «Барокко»!

Бортнянский, Алябьев, Фомин –
России мотивы.
Нет мрака, суровых годин.
Мы живы! Мы живы!

Нелепиц, обмана, обид
Уходит морока.
Лишь музыка вечно звучит.
Играет «Барокко»!

ИЗБА

Стоит изба не топлена,
И окнами не светится,
Тропинка в ней не топтана
Уж много-много месяцев.

Изба хоть и не новая,
Не назовёшь и сказкою,
Но ладная, здоровая,
Со стойкою окраскою.

То ль умерли хозяева,
То ль без избы обходятся...
Ну, а тогда пора её
Другим обжить, как водится.

Ай, доля незавидная –
Такая ли загадана?
Да где же это видано,
Чтоб никому не надобна?

* * *

Мы торопимся жить.
Недосуг оглянуться
Нам на гнёзда родные,
Пустые без нас.
Верим: нам не дано
Ни упасть, ни споткнуться,
Высоко мы летим,
Ничего не боясь.

Всё-то нам по плечу.
Только рано иль поздно
В непривычном прозреньё
Замедлим полёт,
Чтоб вернуться в родные
Остывшие гнёзда...

Хорошо, если в них
Ещё кто-то нас ждёт.

ОТШЕЛЬНИК

Посредине двадцатого века,
Посредине России самой
Уголок без людей человеку
Удалось отыскать, боже мой.

Год за годом, как века за вехой,
Он – один. Не тревожат его
Суета и мирская утеха,
Деньги, слава – да мало ль чего.

Он босыми ногами ступает
По морозной и знойной земле.
Бог пошлёт – будет пища простая,
Солнце глянет – пребудет в тепле.

Можно ль так исцелиться от боли –
Смуты века не ведать, не знать?
...Не понять: то ль себя обездолил,
То ль, напротив, вкусил благодать?

В СТАРОЙ РОЩЕ

Упала замертво берёза.
Поникли вмиг её подруги,
Скрыв подступающие слёзы
И не заламывая руки.

И их черёд наступит скоро –
Стволы печально потемнели,
Им нет ни смены, ни опоры –
Заполонили рощу ели.

Подростом были – стали чащей,
Что им берёзы – песня спета.
Так, торжествуя и кричаще,
Тьма вытесняет радость света.

БЕЛЫЕ ПТИЦЫ ЛЮБВИ

* * *

О, как похоже кричали,
Благословляя: «Живи»,
Чёрные птицы печали,
Белые птицы любви.

В ведро летели, в ненастье,
Как предсказанье судьбы,
Нежные лебеди счастья,
Вороны злые беды.

Падали в медленном круге,
Чтобы узорами лечь,
Чёрные перья разлуки
И белоснежные – встреч...

* * *

Галине Бажурко

Какой счастливый прожит день,
В нём были солнце и улыбки,
Его не омрачила тень
Оплошности или ошибки.

В нём было столько добрых встреч
И дружеских рукопожатий.
Отрадны были взоры, речь,
Всё было вовремя и кстати.

Пусть будет завтра всё не так:
Обида сердце растревожит,
И торжества не скроет враг.
...Но целый день счастливый прожит!

* * *

*Памяти
Виктора Александровича Давыдова,
режиссёра, актёра, педагога*

Перед ушедшими вина
Растёт, как снежный ком,
За то, что я была полна
Надежды на потом.

Ещё успею написать,
Успею позвонить,
И выслушать, и рассказать,
Прощенья попросить.

Но больно сердце резанёт
Газетный некролог,
И близкий человек уйдёт
Последней из дорог.

Земная коротка стезя,
Конец пути не нов.
...Нельзя откладывать, нельзя
Ни встреч, ни нужных слов.

Платить, не пряча про запас,
За доброту добром.
Всё будет только лишь сейчас,
И ничего – потом.

* * *

*Памяти
учителя и друга
Бориса Емельяновича Васильева*

Как жизнь проста.
До странности. До смеха.
Как жизнь сложна –
Постичь ли глубину?
И как же мало
Нужно человеку.
И как же много
Надобно ему.

Но как нам жить
В страданиях и тревоге,
Любить, желать,
Терзаться, думать, сметь,
И знать, что в жизни
Все пути-дороги
Ведут во мглу
С названием страшным – «смерть»?

Но смотрят в нас
Бестрепетно и ясно
Глаза мадонн
Из-под усталых век.
Как мир велик!
Как наша жизнь прекрасна!
И всё-таки Бессмертен человек!

МУЗЫКА ВЕЧНА

В.Н. Тихонову

Часто живём, суетясь и спеша,
Вздорно, беспечно.
Но... вострепнётся на звуки душа –
Музыка вечна!

Распрей и смут непрерывен черёд
Бесчеловечный.
Только вы знайте: и это пройдёт.
Музыка вечна!

С болью душевною думаем вновь:
Жизнь быстротечна.
Но нескончаемы вера, любовь.
Музыка вечна!

* * *

Я иду в неизбежную осень –
Пору жёлто-багряных одежд,
Неба хмурого редкую просинь
И несбывшихся майских надежд.

Не судьба всем желаньям свершиться,
Как же истина эта проста.
Постаревшая синяя птица
Показала остаток хвоста.

* * *

Я в жизни обжигалась очень часто –
На дружбе, на доверьи, на любви,
Что отвести готова и от счастья
Глаза насторожённые свои.

Наверное, мне легче не поверить,
Что после одинокой маеты,
Наперекор разлукам и потерям,
Вновь расцветут весенние цветы.

Тревожно ожидаю я подвоха,
Раздумья нежеланные гоня.
И оттого мне горестно и плохо,
Что счастье непосильно для меня.

* * *

Всё прекрасно, всё чудесно,
У меня шикарный вид!
Скажут мне: «Вы так прелестны».
Комплимент не удивит.

Я привыкла к комплинтам,
И не только к ним одним,
Для меня аплодисменты –
Мишура – на том стоим.

Каблучки, перчатки, шляпа
И улыбка напоказ.
Мне сыграть себя не слабо,
Ведь, поди, не в первый раз.

Вот я вся тут. Уж едва ли
Предо мной кто устоит.
...Если бы вы только знали,
Как душа моя болит.

* * *

О, как нелепо я живу –
Всё верю, словно в Божью милость:
Восторжествуют наяву
И доброта, и справедливость.
И жизнь спасётся красотой.
Но вдруг в бессилии заплачу,
Что этот мир, несчастный, злой,
Я не смогу переиначить.

* * *

Как просто быть хорошей для чужих,
Для самых близких трудно быть хорошей.
И снова каюсь я в грехах своих,
Родным обид и горестей примножив.

О, как порой насмешлива судьба,
Так многими вокруг боготворима,
В который раз тем извожу себя,
Что не умею счастья дать любимым.

* * *

Судьба моя лукавая,
Твой приговор суров:
Врагов не наживала я,
Но нажила врагов.

Ни злоба, ни предательство
Души не тяжелят,
Но чёрные ругательства
Опять в меня летят.

И недруги с наветами
Влезают в жизнь мою.
...Но теми обогрета я,
Кого сама люблю.

И пусть и не убавится
Завистников и зла,
Но верю, что останется
Душа моя светла.

ЗАПАХ КЛЕВЕРА

По клеверу бежала босиком,
Жгли росы её ноги загорелые,
Была такую безрассудно-смелою,
Какой не будет никогда потом.

Твердил её любимый невпопад:
«Ведь правда, правда, всё переиначится?!»
Она не раз безудержно расплачется,
Таким счастливым вспомнив этот взгляд.

Как пахнул клевер! Стыла неба синь,
И были руки, нежные и властные,
И были слёзы, и слова напрасные...
...Пытливо смотрят муж её и сын.

Их разлучить? Оставить этот дом?
Какой же вдруг беды чуть не наделала.
...Нет, не она – та безрассудно-смелая,
Бежавшая по росам босиком.

БАНЯ

(Шутка)

Целый день для милой Мани
Бегал Вася за водой.
И теперь идёт от бани
Дух берёзовый, парной.

Употела молодица.
Под прикрытьем длинных кос
Выбегает прохладиться
С пару прямо на мороз.

Тело жаркое остудит
Встречный ветер. Благодать!
Уж едва ли кто осудит,
Видя этакую стать.

Маня мыться не устанет
И с мороза – снова в пар!
Ну а дома Вася ставит
Для хозяйки самовар.

Ждёт румяную из бани,
Но не клеятся дела:
Почему-то нынче Маня
Спину мыть не позвала.

ЗАПОМНИЛАСЬ МНЕ ЖЕНЩИНА ОДНА...

* * *

Запомнилась мне женщина одна –
Была строга, суха и некрасива,
Но хорошела на глазах она,
Когда траву размашисто косила.

Не замечал никто её нигде,
Пока вдруг не увидели в работе.
...Так птица, неприметная в гнезде,
Прекрасною становится в полёте.

* * *

Мужчины жалуют вниманьем.
В новинку ли тебе, мой друг,
Их восхищенье, обожанье
И нетерпенье глаз и рук.

Твой взор замечен, жест отмечен,
Но как судьбу благодарить
За то, что ноги, грудь и плечи
Сумели душу заслонить?

Ей в упаковке симпатичной,
Как птице, пойманной в силки.
...Но взгляды жадные привычны,
Но речи льстивые легки.

Из плена вырваться попытка
Ненужной кажется уже.
Вновь демонстрируешь улыбку,
Сама не вспомнив о душе.

* * *

Можно ль жить, коль навеки обвенчаны,
А любимая раньше ушла?
Но другая со временем женщина
В доме место её заняла.

Подарила судьба не последнее —
И детей, и тепло, и уют.
...А ведь это легенда, что лебеди,
Потеряв лебедих, не живут.

* * *

Вошёл в квартиру, как чужой,
Не сняв плаща, застыл у двери:
«Прости... Я ухожу к другой...
Люблю... Сначала сам не верил...»

Он жалко поднял воротник,
Как защищаясь от ненастья,
И ждал, что будут слёзы, крик,
А услышал: «Какое счастье...

И у меня давно другой,
Не знала, как тебе признаться.
Живи спокойно, дорогой,
Теперь нам нечего бояться».

...Он шёл, оставив в землю взгляд,
Душила горечь униженья,
И почему-то был не рад
Желанному освобожденью.

Ведь он всё время верил той,
Что ежедневно предавала...
...В квартире тёмной и глухой
Так страшно женщина рыдала.

* * *

У той старушки мужа нет и сына –
Один лишь чёрный одряхлевший кот
Да жирная нелепая гусыня,
Которая яиц-то не несёт.

Кого винить, коль в жизни так случилось:
С котом, с гусыней век свой доживать.
Что было – сплыло, помнилось – забылось,
Что не сбылось, тому и не бывать.

В домишке ветхом, как сама, и ныне
Старушка неприметная живёт.
Живёт, пока бьёт крыльями гусыня,
Пока мяучит желтоглазый кот.

* * *

Сносили дом.
Не дом – избушку
На курьих ножках.
Прижав к груди своей,
Старушка
Держала кошку.   )
И плакала.
Дрожали руки –
Нет с ними сладу.
А тракторист ворчал:
«Старухи!
Чего им надо?
Въезжаешь в новый дом,
Бабуля!
Наплюй на рухлядь».

Сидела старая на стуле.
Дрожали руки.

АКТРИСА ЭПИЗОДА

Она была актрисой эпизода,
Невидной, неизвестной, заменимой.
И таяли надежды год от года
Сыграть Джульетту, Софью или Нину.

Ни красоты, ни режиссёра-мужа,
Ни пробивной, берущей штурмом силы.
Ей даже звучный голос был не нужен:
На сцену бессловесной выходила.

Она уйти пыталась из театра,
Уйти, обиде собственной в угоду.
Но возвратилась всё-таки обратно.
Но оказалась мнимой свобода.

Как ненавистна ей своя работа.
И как любима, как необходима.
...Она была актрисой эпизода,
Невидной, неизвестной, заменимой.

СТАРЕЮЩАЯ ПОЭТЕССА

Надежды на бессмертье не осталось,
Удачи пролетели стороной,
Вселились в душу злора и усталость,
А в дом – лишь пустота и непокой.

И зависть, зависть – к молодости, силе,
К таланту и семейному гнезду.
И мутные заботы погасили
Её неповторимую звезду.

...Не дай мне Бог такую же судьбину,
Убереги от злобы, нелюбви.
Что до бессмертья... Завещаю сыну
Я строки безыскусные свои.

ТОРГОВКА

С утра на рынке с огурцами, с редькой,
Торгуются: «Дешевле не отдам».
У ней и покупают очень редко –
Цена-то дорогая огурцам.

Всё распродав, расходятся торговки,
Она сидит, ссутулившись, одна,
И отдаёт и редьку по дешёвке,
И огурцы – какая им цена?

Потом бредёт понуро, неохотно,
В свой безотрадный, бесприютный дом,
Где в чёрных рамках маленькие фото
Тускнеют над обеденным столом.

Пьёт поздний чай вприкуску с рафинадом –
Нехитрый ужин. Он же и обед.
Скорее спать. Ведь завтра снова надо
Вставить чуть свет.

ЦЕПЬ

Ту женщину бросил мужчина.
Предательства цепь продолжая,
Она отказалась от сына,
Ушла от него, как чужая.

Пока малышу неизвестно,
Что с первой минуты рожденья
Ему уготовано место
Стать в подлой цепи продолженьем.

Обида, как рана сквозная,
Позднее его растревожит,
И цепь одиночества злая
На нём не замкнётся, быть может...

* * *

Без передышки падал дождь,
Деревья пригибая круто,
И торопившая минуты,
До нитки вымокшая, всё ж
Шептала женщина:
«Придѣшь».

Тревога, острая, как нож,
Вонзилась в сердце больно, слепо,
И понимая: ждать нелепо,
Безумно, безрассудно, всё ж
Шептала женщина:
«Придѣшь».

Устав, угомонился дождь,
Деревья распрямили плечи,
И только ей не стало легче
В предчувствии беды, но всё ж
Шептала женщина:
«Придѣшь».

Судьба, ты горести не множь,
Пускай и в ведро, и в ненастье,
Мольбам отчаянным подвластен,
Приходит, утверждая счастье
И отвергая зло и ложь,
Тот, кому женщина
«Придѣшь»
Шептала.

* * *

Два одиноких человека
Решили жить одной судьбой,
Ведь так положено от века:
Не «ты да я», а «мы с тобой».

Но только вот её печали
Не стали для него близки,
И больно делалось едва ли
Ей от его немой тоски.

Ни радость общую не стала,
Ни грусть – одною на двоих.
И так тепла недоставало
Пустынному жилищу их.

...Судьба отсчитывает сроки –
Уж скоро листья полетят.
Живут вдвоём и – одиноки.
...«Нашли друг друга», – говорят.

АХ, НАСТАСЬЯ...

Ах, Настасья, ты, Настасья,
Сладок, нет ли муж чужой?
У ворованного счастья
Вкус отчаянный, хмельной.

Губы зрелые медовы,
Руки белые – вразлёт.
Ненасытно и бедово
Настя мёд тягучий пьёт.

Ничего, что пьёт украдкой,
Лучше, что ль, когда одна?
А семья его – в порядке,
Мужем хвалится жена.

Не судите, злые люди,
Бабий век вот-вот пройдёт,
От жены-то не убудет,
Насте чуть перепадёт.

Ах, Настасья, ты, Настасья,
Успокаивай себя.
Слишком долго ты без счастья,
Слишком долго – не любя.

А теперь-то – ох, как сладко,
Ох, как жарко – не застынь.
...Мёд, что Настя пьёт украдкой,
Превращается в полынь.

* * *

– Чай, придёшь ко мне в гости, Ирина, –
Приглашала старушка-соседка, –
Угощу самой спелой малиной,
Самой свеженькой, прямо с ветки.
Из подполья винца тебе выну,
Самодельного – ты не пивала,
Расскажу про внучат и про сына,
Да как в девках гуляла, бывало.
Ты не думай, я помню немало,
Может быть, для стиха пригодится.
Вон, как бабушку свою расписала,
Чай, теперь перед всеми гордится.

Я пришла. Сладко пахла малина.
А вино из рябины горчило.
И старушка-соседка про сына
И про жизнь про свою говорила.
И хмелея, протяжно запела,
А потом неожиданно стихла
И сказала: «Такое вот дело...
Написала бы всё-таки стих-то.
В жизни, видишь ты, всяко бывает...»
Помолчала. Добавила тише:
«Вдруг да сын невзначай прочитает,
Уж тогда, знамо дело, напишет...»

* * *

У тётки Маши полон дом детей –
Чумазы, вихрастые мальчишки,
Подвижные и озорные слишком,
Хлопот немало доставляют ей.

Издёрганная вечной суетой,
Завидует соседке тётя Маша:
«Какая я – кладут в могилу краше.
Куда уж мне до крали до такой».

А у соседки затуманен взгляд,
Когда она, неловко и украдкой,
Со лба сдувая дымчатую прядку,
Ласкает тётки Машиных ребят...

* * *

На стене портрет в овальной раме:
Девушка с лучистыми глазами,
Удивленье в них и ожиданье,
Горя благодатного незнанье.
Щурится старик подслеповато,
Не отводит от портрета взгляда,
Выпрямляет сгорбленную спину –
Не старик. Чуть пожилой мужчина.
Улыбаясь ласково и кротко,
Реденькую трогает бородку
И – жене своей: «Скажи на милость,
Вроде, ты ничуть не изменилась,
Не поверить, что большие внуки...»
И целует сухонькие руки
Бабушке с седыми волосами,
С юными, лучистыми глазами.

БЫЛО У БАБКИ НАСТАСЬИ ТРИ МУЖА

Было три мужа у бабки Настасьи:
Павел, Прокопий и дед Никодим.
Первый утоп. А второй в одночасье
Помер от сердца совсем молодым.

С третьим сошлась – уж под пенсию дело.
Жили, как люди, без ссор и без драк.
Да перебрал Никодим... Проглядела.
Выпить-то старый был не дурак.

Было три мужа у бабки Настасьи,
Дети и внуки остались от них.
Но отчего-то ей помнится Вася,
Вася Наседкин – ни муж, ни жених.

Просто однажды, в февральскую стужу,
В город на розвальнях ехала с ним...
Было у бабки Настасьи три мужа:
Павел, Прокопий да дед Никодим.

* * *

Две остановки ехала в трамвае
Та женщина со взглядом озорным,
Счастливая, весенне-молодая,
Улыбчивая, волосы, как дым.

Вошла она, и сразу посветлело,
И даже лысый седоусый дед
Воскликнул, улыбаясь ошалело:
«Эх, где мои, хотя бы сорок лет!»

От взглядов ещё больше хорошея,
Дарила эта женщина в ответ
И красотой, и юностью своею
Тепло и радость, доброту и свет.

Всего две остановки — капля, малость.
Входили люди. Ехал кто куда.
Она сошла. А теплота осталась.
Бывает же такое иногда.

ТВОРЦЫ И МУЗЫ

ДЖОКОНДА

Лицо задумчиво и томно,
Но полно тайного огня.
Сквозь бездну времени Джоконда
С портрета смотрит на меня.

В улыбке – кротость и коварство,
В глазах – томление и страсть,
И прямотуше, и лукавство,
И слабость женская, и власть.

Века минуют за веками,
Но и сегодня задержись
Перед улыбкой и глазами
Той женщины, чье имя – Жизнь.

В бессмертье трудно не поверить,
Когда и в наши времена,
Презрев сомненья и потери,
Мне улыбается она.

**ПАМЯТИ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

I

*«Я тоже была, прохожий,
Прохожий, остановись».*

Растерянно держу в руках букет
Из летнего тугого разноцветья.
Никто не знает, где приют последний
Сыскала божьей милостью поэт.

Забутые могилы там и тут
Разбросаны, безмолвны и безлики.
Но ягоды пунцовой земляники
Наперекор угрюмости растут.

Я наклонюсь над ягодой лесной,
Пришедшей на погост неосторожно,
И вздрогну вдруг. «Остановись, прохожий», —
Мне скажет голос тихий и глухой.

II

В чёрную бездну глядели глаза
Долгие годы.
Что перед нею – ненастье, гроза,
Беды, невзгоды?

Что же – в конечном итоге – петля –
Средство спасенья.
Добрые люди, простите меня!
Нужно ль прощенье?

То перед ней непомерна вина.
Все виноваты.
Чаша с отравой до края полна –
Время расплаты.

Кинозвезде и певичке – почёт!
Вечно нехстати
Только поэт, что меж нами живёт,
Он – для распятья.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

Наташа, Таша, Натали,
Наталья Гончарова,
Душа у Пушкина болит,
Скажите хоть полслова.
Неужто этот странный взгляд,
Который ускользает
(Иль на любимых так глядят?),
Блаженство обещает?

Наташа, Таша, Натали,
Ах, Пушкина Наталья,
Какие силы вас свели
И напрочно связали?
Шесть лет отпущено судьбой –
Не рано ль жизнь итожить?
А если б вверился другой,
Быть может, дольше б прожил?

Наташа, Таша, Натали,
Наталья Николавна
От света шумного вдали
Живёт на Полотняном.
Мать и вдова. Вдова и мать.
Сама почти девчонка.
Её уже не величать
Расейским словом «жёнка».

Наташа, Таша, Натали,
Наталия Ланская.
Спокойный и прекрасный лик
Другого взор ласкает.

Поэт опальный... Генерал...
А со вторым полегче?
...Наталия, окончен бал.
Погасли тихо свечи.

НЕИЗВЕСТНАЯ

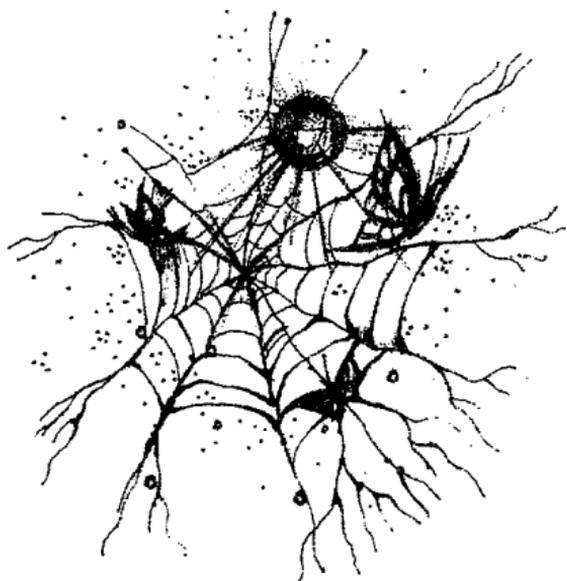
Красива, молода, богата,
Надменный, неприступный вид.
Так что ж в высокомерье взгляда
Боль безысходности сквозит?

Кто ж молодая дама эта,
С великой тайною души?
Отторгнутая высшим светом?
Отравленная ядом лжи?

Или настигнутая колкой
И беспощадною молвой?
А может, эту незнакомку
Придумал попросту Крамской?

Постигнуть тайну – труд напрасный,
Была ль она? Когда? И где?
Но, Боже, как она прекрасна
В своём величье и беде.

КАЛЕНДАРЬ

ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ**I**

Шли по озябшим, мокрым листьям
С тобой вдвоём. С тобой вдвоём—
И осени повадка лисья
Уже нам виделась во всем.
И были все слова излишни.
Но вспоминала я потом
И этот путь, совсем неближний,
И мой нахохлившийся дом.
Хоть счастье было и недолгим,
Но было! Было: ветер с Волги,
Швырявший под ноги листья,
Дождя холодного иголки,
И солнца редкого осколки,
И ты, и ты, и ты, и ты...

II

Не надо, осень, красоты,
Ты — беспощадность и бессилье.
...Как будто сломленные крылья,
На землю падают листья.
И горше боль, темней печаль,
И вечны, кажется, утраты.
А я в одном лишь виновата,
Что мне поры цветенья жаль.

...Ронявший под ноги листья
Из разноцветного букета,
Малыш, проживший третье лето,

Смотрел с трёхлетней высоты.
И осень видел он иной –
Смотрел весёлыми глазами:
Приметы тленья исчезали,
Мир оставался золотой.
Был золотисто жгуч букет,
И золотом сверкнула Волга,
Когда сквозь тучи ненадолго
Пробился солнца робкий свет.
Малыш восторга не таил,
Глаза смеялись озорные.
...Кружились листья золотые,
На землю падая без сил.

III

А одинокие кусты
Всё ждали, беззащитно голы,
Пока томительно и долго
Снежить не станет с высоты.
Они поймают добрый снег
Руками-ветками своими,
Чтоб, становясь голубыми,
Благословлять свой мир и век.
Им так хотелось красоты,
Ушедшей, буйной, веселящей.
Во сне им виделось всё чаще,
Как покидали их листы.
...Пусть снег придёт...

IV

Листвой забытые надолго,
Стояли яблоньки над Волгой.
Стояли тихо, без печали,
Они плоды свои отдали
До капли благодарным людям,
И им теперь совсем не труден
Час ожиданья слишком долгий.
Стояли яблоньки над Волгой.
Не так прекрасны, как весной,
Но хороши красой иною –
И бескорыстною, и щедрой.
Их не страшили злые ветры,
Дождей знобящая унылость
И неба серая застылость.

V

Полураздетые деревья,
Как обнажение души.
Я осень потому приемлю,
Что суд благой она вершит.
И обнажает то, что скрыто
Под спудом листьев, слов, забот.
И вспоминаешь, что забыто,
Не доверяешь тем, кто лжёт,
И лицемерья не прощаешь,
И постигаешь доброту...
...Вот потому я принимаю,
Деревья, вашу наготу.

АПРЕЛЬСКИЙ СНЕГ

На землю падал снег, не уставая,
Ложился на деревья и дома.
Не знал, наверно, – скоро время маю,
Не знал, должно быть, что прошла зима.

Снег был таким же чистым, первозданным,
Как в декабре. И чудилось ему,
Что он явился гостем долгожданным.
Хотя в апреле был он ни к чему.

ДЕКАБРЬСКОЕ СОЛНЦЕ

В декабрьском солнце мало толку –
Лучи на ласку скуповаты,
Они явились ненадолго
И так не греют, как когда-то.

Не рвётся нежность их наружу.
Но разве скроешь радость света?
Улыбка солнечная в стужу
Нужнее, может быть, чем летом.

Ведь доброта сродни таланту
(Теперь я это ясно вижу):
Расцвёл чистейшим бриллиантом
Снег, что был хмур и неподвижен.

ОСЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ

Отчего поселилась
На сердце тревога?
Оттого, что – пора
Бесконечных дождей?
Оттого, что уводит
Из дома дорога
Неизвестно зачем
От любимых людей?

Как тяжёлая глыба,
Гнетёт неизбежность
Расставаний, утрат...
Что там ждёт впереди?
А в осенней походке
Такая неспешность,
Будто этой поре
Никогда не уйти.

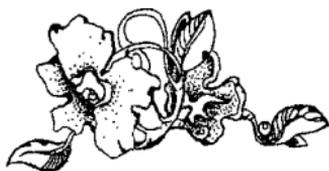
Но сгорают последние
Листья, как свечи,
Скоро наземь снега
Тихо-тихо сойдут,
Чтоб растаять потом.
...Но нисколько не легче,
Что другие цветы
По весне расцветут.

ПРИМОРСКАЯ ОСЕНЬ

Ах, как чудна приморская осень –
Золотятся листов кружева,
В близком небе не редкая просинь,
А безбрежная синь-синева,

Не скупится на ласку природа,
Солнца столько – горстями бери!
Видно, сырости и непогоды
Здесь не склонны иметь октябри.

Мне впервые не грусть, не ненастье
Нелюбимая дарит пора –
Красоту и надежду на счастье.
Ах, как осень в Приморье щедра!

КАЛЕНДАРЬ*Цикл сонетов***Январь**

В туманной белой круговерти
Деревья скрылись и дома,
И снегопады, словно черти,
Свести пытались всех с ума.

И лапами зловещей смерти
Природу стиснула зима.
Но ей не верьте, ей не верьте,
Она запуталась сама.

Всё застилала мраком белым
И в саван, что могла, одела,
Живое у живых беря.

Но неожиданно и смело
Зажглась на ветке индевелой,
Как пламя, грудка снегиря.

Февраль

Метут метели беспечально,
Но даже в холод самый злой
Пахнёт, как будто бы случайно,
Такою близкою весной.

Крылами белыми прощально,
Взмахнув над белою землёй,
Перечеркнёт февраль фатально
Всё, что накоплено зимой.

И перестанешь стуже верить,
Когда весна стоит у двери,
Улыбкой праздничной дразня.

И пусть беснуются метели,
Уже предчувствуешь капли,
Что надвигаются звеня.

Март

Март – первая ступенька в лето.
Пусть и случается мороз –
Земля лучами обогрета,
И влажен лик её от слёз.

Но слёзы – добрая примета,
Хоть и не в шутку, а всерьёз.
Они ж – от солнечного света,
Они ж – предтеча юных гроз.

Ещё нет прелести цветенья
(Ведь редко кто красив в рожденьи) –
Осел понуро серый снег.

Но от весеннего смятенья
Не может отыскать спасенья
Ни куст, ни зверь, ни человек.

Апрель

В апреле снег соседствует с травой,
Как и любовь соседствует с печалью,
Как с хмурой тучей лучик озорной,
И как с любимым началом окончанье,

Но снег уходит талою водой,
И грустное покажется случайным,
Когда растопит зайчик золотой –
Посланец солнца – холод и молчанье.

Казаться песней станет крик грачиный,
Развеются все горечи-кручины,
Закружит буйных чувств водоворот.

И радости вдруг станут беспричинны,
И надоест степенным быть и чинным.
...Хотя потом и это всё пройдёт.

Май

Лебединая песня весны –
Май рождает черёмух кипенье,
Непонятные странные сны,
И любовь, и мечты, и волнение.

Мы тревог и сомнений полны,
И от этого нет нам спасенья.
Ведь не зря ж говорят, что должны
Люди маяться в пору цветенья.

Будем маяться! Будем мечтать!
Будем ветер весенний глотать!
Не уйдём от поступков напрасных.

Будем утром с зарёю вставать,
От бессонницы ночью не спать.
Вы согласны на это? – Согласны!

Июнь

Июньский лес душист и звонок
И всем гостям неожиданным рад,
И безмятежен, как ребёнок,
И щедр, как будто зрелый сад.

Июньский ветер, как бесёнок,
Он пристаёт ко всем подряд.
Июньский луч горяч и тонок,
Багров и яростен закат.

Как громки звуки, яркие краски,
И дива чудные, как в сказке,
Являются и там и тут.

Полна природа щедрой ласки,
И без тревоги и опаски
Цветы цветут, цветы цветут.

Июль

Знойно. Сухо. Ждёт дождя природа.
Листья, травы – всё поникло вдруг.
Видно, издевается погода,
Видно, превратился север в юг.

Непрерывно жарит с небосвода,
Обжигая, раскалённый круг.
Плохо и лесам, и огородам,
Плохо нам с тобою, милый друг.

Но однажды, словно ниоткуда
(Вот и верь, что не бывает чуда),
Добрый ветер тучи принесёт.

Затрясётся вмиг земля от гуда,
Жданная, желанная остуда
Наконец-то наземь снизойдёт.

Август

Ещё не осень, но короче дни.
Ещё не осень, но прохладней ночи.
А листья потускневшие... Они
Дожди и грусть осенние пророчат.

Ещё от солнца прячешься в тени,
И в холод ещё верится не очень.
Но в душу, если хочешь, загляни:
Печаль длиннее, праздники короче.

И беззаботность место уступить
Торопится заботам. Может быть,
В том даже больше радости и счастья.

А осень на пороге. Одарить
Она готова – что и говорить
Цветами и плодами, и ненастьем.

Сентябрь

Сентябрь-живописец. В палитре его
Каких только красок и нету.
Но жёлтую любит он больше всего –
В ней столько от солнца и света.

Нежна акварель сентября. Одного
Понять он не может: не лето,
Дожди не оставят ему ничего
От жёлто-багрового цвета.

А он всё рисует умелой рукой –
То краской червонною, то золотой,
Ничем не изменит призванью.

Прощальною радует нас красотой,
Дарует в попутчики мир и покой
Нелёгкой поре увяданья.

Октябрь

Дожди. И зябко, и тревожно,
Всё больше хочется зимы.
Деревьям холодно до дрожи,
Кусты нахохлены-немые.

А солнца проблески ничтожны,
А ночи долги и темны.
И кажется, что невозможно
Дождаться радостной весны.

Хоть чаще пасмурно, чем ясно,
Тоска по-своему прекрасна –
Её дум сопутствует полёт.

Ждать и надеяться – напрасно?
Но, может, в октябре ненастном
Вдруг чудо и произойдёт?

Ноябрь

Осень поздняя безотраднa.
На поблекшем лице земли
Обнажаются беспощадно
И ухабы, и колеи.

Осень поздняя снегопадна,
Вьюги только лишь ночи мели –
Уж сугробы стоят парадно
Там, где раньше цветы цвели.

Вся природа к зиме готова.
Только вдруг потеплеет снова,
И исчезнет снег без следа.

Но посмотрит зима сурово,
Ведь за ней последнее слово,
А она уж сказала: «Да!»

Декабрь

Снег – один сейчас повелитель,
Наконец-таки пробил час,
Вы хотите его, не хотите ль –
Он не спросит об этом вас.

Не такой уж временный житель,
Снег привычно ласкает глаз.
Он – обманщик и утешитель,
Не обходится без прикрас.

Сгладил всё: и бугры, и ямы,
Извивалась тропа, но прямо
Проторён по сугробам путь.

Ну, признайтесь: кто главный самый?
Снег хозяйничает упрямо.
...Да растает когда-нибудь.

МАЙСКОЕ ШУТЛИВОЕ

Ещё не сгорела черёмуха,
Уже задымилась сирень,
Кудрявый амурчик без промаха
Охоту ведёт каждый день.
И полнится мукою сладкою
Пронзённое сердце, и вновь
Ночами, от мужа украдкою,
Пишу я стихи про любовь.

ОТ ЛЮБВИ...

* * *

Не виня, не прощая
И уже не любя,
Я одна уезжаю
От тебя. От себя.

Уезжаю поспешно,
Без прощаний и слёз.
И ржавеет валежник
Под ногами берёз.

И поземкою мчится
За вагоном февраль.
Ничего не случится.
Что случилось – не жаль.

Я сойду на конечной,
Спохвачусь, не скорбя,
Что отныне навечно
Потеряла тебя.

Не ликуя нимало,
В первый раз не солгу:
От тебя убежала.
От себя – не смогу.

* * *

Ты дан судьбой на что мне:
На радость иль беду?
Забудешь – не напомним,
А позовёшь – приду.

Замёрзнешь – отогрею
И поддержу в пути.
Прогонишь – я сумею
Без жалобы уйти.

Любить не приневолю,
Ни в чём не обвиню.
И на другую долю
Я это не сменю.

ИЗМЕНА

Вот и всё. Хохочу невпопад
И безмолвно и горько ревную.
Ну, так что же? Ты счастлив, ты рад,
Когда держишь в объятьях другую?

Ты ушёл, не сказав ничего,
За тобою захлопнула двери.
Я любила тебя одного,
Но теперь тебе больше не верю.

Ты когда-то твердил мне о том,
Что одна у тебя я на свете.
Приходил, как хозяин, в мой дом,
Взял и душу украл, не заметив.

Холод, мгла... Я не вижу ни зги,
Мне тревожно, тоскливо и горько.
Бог ты мой! Да ведь даже враги
Не бывают жестоки настолько.

Ты меня до небес возносил,
Ты гордился своею победой.
Я одна, без души и без сил.
Как легко ты меня, милый, предал.

ЛЮБОВНЫЙ ТРИПТИХ

1

С тобой – как будто на качелях:
То – вверх – захватывает дух,
То вниз качели полетели,
И разом жар в груди потух.

От безысходности до счастья –
Лишь взмах один. И так щемит
Душа от нежности и страсти,
От подозрений и обид.

То – вверх, то – вниз!
Да что ж такое?
Прошу: качель останови.
Мне б – хоть немножечко покоя,
Не исцеляясь от любви.

2

Мне – как будто восемнадцать –
Вешней юности расцвет.
Обожаю целоваться.
А ведь бабе сорок лет!

Маюсь майскими ночами,
Плачу, глупая, навзрыд,
То ликую, то – в печали,
То терзаюсь от обид.

И тревожусь, и ревную,
И боюсь, что быть беде.
И целую, и целую,
Растворяясь в тебе.

3

По капельке яд выпиваю,
Не рада весне на дворе,
Лечу на огонь и сгораю
На жарком любовном костре.

Отчаянье, боль и тревога
Весомей погожести дня.
Мне б – сил в моих крыльях немного,
Чтоб всё ж улететь от огня.

Ведь знаю: не будет мне рая,
Не буду от счастья пьяна.
Но я добровольно сгораю
И яд выпиваю до дна.

* * *

Закружились, светлы и горьки,
Дни в неистовой замети.
Но стучали её каблучки
В его сердце и памяти.

Закрутили заботы, дела,
Близок был к исцелению.
В сны взяла и пришла,
Без надежд на спасение.

На коленях другой, неродной,
Спрятал голову грешную.
И увидел единственной, той,
Он глаза безутешные.

* * *

Наши встречи, словно снег в апреле,
Наши встречи, как декабрьский дождь.
Песни – те, что вовремя не спели,
Уж теперь, наверно, не споёшь.

Слишком быстро тает снег в апреле,
Леденеет дождик в декабре...
Наши встречи просто не успели
Стать росой на утренней заре.

ВОСПОМИНАНИЕ

М.

Мы расстаёмся под крик журавлиный
И под шептание пёстрой листвы,
И под мерцание зрелой рябины.
Прочь безвозвратно уходите Вы.

Сутуловатый и седоволосый,
Спрятав глаза, не подняв головы,
Кутая в шарф и морщины, и слёзы,
Прочь безвозвратно уходите Вы.

Крикнула я бы, вослед побежала,
Не убоявшись досужей молвы.
Но... я родиться на свет опоздала.
Прочь безвозвратно уходите Вы.

* * *

Скажи мне на прощанье что-нибудь.
Твои слова запомнятся надолго.
Каким же будет без тебя мой путь?
Знать не хочу. А буду знать – что толку?

Пусть будет хуже – это я стерплю.
А будет лучше – точно, не заплачу.
Мгновение счастливое ловлю
И принимаю всякую удачу.

Надеюсь впредь лишь только на себя –
Твоё плечо настолько ненадёжно.
Я воспаряла много раз, любя,
А собирать осколки невозможно.

На сей раз тоже думала – слеплю,
Забуду все обиды и напасти,
Наверное, я всё ещё люблю.
Но ты способен дать кому-то счастье?

* * *

Мы ничего не будем говорить,
Сейчас для нас в молчании отрада,
И потому прервавшуюся нить
Беседы лишней связывать не надо.

Дай руку мне. Как пальцы холодны...
В глаза взгляни – во взгляде та же стужа.
Кого винить, коль нет ничьей вины?
Ты не проси прощения. Не нужно.

Погас костёр, нас гревший много лет,
Его огонь не подменить словами...
Я уйду. Ты долго смотришь вслед
Нежданно потеплевшими глазами.

* * *

Нас с тобой расстоянья сближают.
Отчужденья суровая нить
Разрывается. Ты уезжаешь.
Без тебя мне в разлуке грустить.

Мы с тобой понимаем друг друга
В ожиданьи ликующих встреч.
Только то, что дала нам разлука,
Почему-то не можем сблечь.

Недомолвки, обиды, досада –
Эти ноши совсем не легки.
...Всё как прежде. Мы вместе. Мы рядом.
Как опять мы с тобой далеки.

* * *

Сквозь слёзы и пургу
В твой горький час приду,
Утешу, как смогу,
И отведу беду.
Затихнет боль. И крик
Не разорвёт груди...
Но в твой счастливый миг
Я не приду. Не жди.

* * *

Мои губы шепчут: «Уйди!»
Моё сердце кричит: «Постой!»
Без тебя лишь мрак впереди,
Без тебя и дом мой пустой».

Мои губы шепчут: «Забудь».
Моё сердце кричит: «Не смей!»
Без тебя так тяжёл мой путь,
Без тебя мне больней, трудней».

И опять – одной горевать.
Потому что в ночной тиши
Легче шёпот мой услышать,
Чем отчаянный крик души.

РЕВНОСТЬ

Ю.Д.

Тебя ревную я к друзьям –
К мужскому спаянному кругу,
В котором вы верны друг другу,
А для меня нет места там.
Тебя ревную я к друзьям.

Ревную к женщинам чужим,
Они знакомы мне едва ли,
Но назовут иль называли
Когда-нибудь тебя своим.
Ревную к женщинам чужим.

Ревную к прошлому тебя.
И эта ревность, как расплата,
За то, что я сама когда-то
Другому вверила себя.
Ревную к прошлому тебя.

* * *

Я не могу привыкнуть к расставаньям,
Наверно, не привыкну никогда.
Мучительное, долгое прощанье
Мне кажется прощаньем навсегда.

Ты улыбнёшься, взяв меня за плечи,
Я глаз коснусь, как будто невзначай.
В который раз скажу тебе: «До встречи»,
Хоть хочется мне вымолвить: «Прощай».

Что мне слова: «Разлука – испытанье,
И для любви нужна она», когда
Мучительное, долгое прощанье
Мне кажется прощаньем навсегда.

* * *

Я жила и легко, и ладно,
Никому не желала зла.
Почему ж вышло так нескладно –
У другой тебя отняла?

Поллюбила я, полюбила.
Но обидой своей полна.
Та кляла меня и корила.
Только в чем же моя вина?

Нет виновных в любви – я знаю,
Разве кто запретит любить?
...Отчего же беда чужая
Не даёт мне счастливой быть?

* * *

Не дари мне серёжек рубиновых,
Золотого кольца не дари,
Принеси лучше ягод рябиновых
И ромашек на поле нарви.

Ожерелье из ягод я сделаю
И венок из ромашек сплету,
В белом платье, от радости смелая,
Я к тебе в тихий вечер приду.

Принесу тебе лета цветение,
Росный запах травы полевой
И улыбку, и грусть, и волнение,
И любовь принесу я с собой.

Дорогих мне подарков не надобно,
Мне б – звенели грибные дожди,
Да цвела бы над крышею радуга,
Да сказал бы ты мне: «Приходи!»

* * *

Как обидно – летом ночи коротки,
Мы прощаемся с тобою у реки,
Через узкий мостик я перебегу,
На другом ты остаешься берегу.

Не уходишь ты, а смотришь мне вслед:
Оглянусь я на прощанье или нет.
Оглянусь, и ты напомнишь мне опять:
«Буду вечером тебя я ожидать».

...Спать осталось мне часочка полтора.
За работу с первым лучиком пора.
...Я не выпалась, кружится голова,
Только вечера дождусь едва-едва.

Лишь стемнеет – в новом платье, налегке,
Поспешу, нетерпеливая, к реке.
Через узкий мостик я перебегу.
Вот и снова на одном мы берегу!

* * *

На виду у всей деревни
Повязала шаль с каймой,
Через бабулю через ревность
Я пошла к тебе домой.
    Шла в сапожках новых,
    А мороз крепчал.
    У ворот тесовых
    Ты меня встречал.
Снег отряхивали ветки,
Под ногами снег скрипел..
Вслед глядели мне соседки,
Ты – в глаза мои глядел.
    Протянул мне руку
    И – невестой – в дом.
    Не сказал ни звука,
    Все слова – потом.
Оглянулась напоследок:
Вся деревня смотрит!.. Пусть!
Ни мороза, ни соседок
Я с тобою не боюсь.

* * *

Благослови меня на разлуку,
На скорбь и слёзы благослови.
Я принимаю печаль и муку
От обещающей все любви.

Я принимаю и боль, и беды,
Не воскрешая в памяти вкус
И аромат, и дурман победы,
Что пораженьем назвать боюсь.

Благослови на побег из плена,
Чтоб всепрощенья отвергнув свет,
Я наконец-то узнала цену
Взрыву с коротким названьем «нет!»

И приняла и печаль, и муку
От обещающей все любви.
Благослови меня на разлуку,
На скорбь и слёзы благослови.

* * *

Когда-нибудь
судьба сведёт друг с другом,
чтоб в горести минувшей помолчать.
И, как всегда,
мою возьмёшь ты руку,
чтобы её, склонясь, поцеловать.
И, растерявшись,
спросишь через силу:
– Ждала меня?
– Наверное, ждала...
– Простила?
– Ну, конечно же, простила.
Легко прощать,
когда любовь прошла.

* * *

Ты уйдёшь от меня навсегда —
Что я значу?
Но в реке зарядится вода,
Как заплачет.

На деревьях пожухнет листва —
Затоскует.
Виновато прошепчешь слова
Про другую.

Про любовь, про напасть, про беду,
Про прощенье.
...Не дождёшься! Сама я уйду
Во спасенье.

Ни упрёка не брошу, прозрев,
Ни угрозы.
...Тихо падают листья с дерев,
Словно слёзы.

НАТУРЩИЦА

Чуть тесновата и захламлена,
Но солнцем не забыта мастерская,
Позирует, прелестна и юна,
Художнику натурщица нагая.

Она, отрекшись от стыда и мук,
Единым взмахом сбросила одежды.
А он, отметив гибкость ее рук,
В глазах не видит страсти и надежды.

Души ее не силясь разгадать,
Он тщательно выписывает груди.
...Перед картиной, может быть, стоять
Потом подолгу молча будут люди.

Они забудут про дела свои
Пред красотой, наивной и безгрешной,
Но жаль, что не узнают о любви,
Невысказанной, горькой и мятежной.

* * *

Полжизни почти пролегло между нами –
Мы встретились снова.
И он виноватыми смотрит глазами,
Не вымолвив слова.

Я знаю, за что виноватым считает
Себя, невинный.
Растерянно взгляд мой неробкий встречает,
Спокойный и ровный.

Наслышан: не выпало складной мне доли,
Да вот – беспечальна.

И он улыбается волей-неволей:
– Ну, как, всё нормально?

– Конечно, нормально...

– И всё ж не решится

С довольною мною

Так просто, как с другом своим, поделиться,
Что счастлив с другою...

* * *

Ты клялся, клялся сердце мне отдать,
А подложил, насмешничая, камень.
Но, стискивая жадными руками,
Я принялась его отогревать.

Последний жар дыхания и рук
И вся моя оставшаяся сила
Его как будто к жизни воскресила —
Ладони вдруг почувствовали стук.

Измученное ж сердце не смогло
В моей груди в ответ ему забиться,
Отдав до самой крохотной крупницы
Бестрепетному камню всё тепло.

* * *

Застал врасплох меня твой взгляд.
Настиг, как будто выстрел в птицу,
И путь один – упасть, разбиться,
И нету мне пути назад.

Но хоть была обречена,
В тисках – твоих ладонях билась.
Смирилась, отдалась на милость,
Покорна и приручена.

Я не жалею ни о чём,
Хоть ноет раненое сердце,
Хоть никуда теперь не деться.
Но ты ведь тоже обречён.

Ты обречён на рай и ад,
На торжество и наказание,
На встречи и на расставанья,
И нет тебе пути назад.

* * *

И ночью дверь не запирала,
И всё надеялась: придёшь.
А за окном сирень шептала:
«Напрасно ждёшь. Напрасно ждёшь».

Стерпеть обиду не сумела –
Сломала дымную сирень
И долго горестно смотрела
На обезглавленную тень.

* * *

Что будет, то и будет –
Я ко всему готова.
А время всё рассудит –
От вздоха и до слова,
От позы до поступка,
От взлёта до напасти.
О, как же было хрупко
Негаданное счастье.
О, как же были зыбки
И вера, и надежда.
А прошлые улыбки,
Как старые одежды,
Которых не примерю,
Не перешью. Но снова,
Как прежде, в счастье верю,
Хоть ко всему готова.

* * *

Вот и осень. Дождь и ветер.
Редкий луч скользнёт, дразня.
Без тебя не жить на свете
И с тобою жить нельзя.

Всё ненастье и ненастье –
За окном и на душе.
И не жду я больше счастья,
Разуверилась уже.

Всё проходит. Всё проходит.
И тебя прошу: уйди.
Вот и осень на исходе.
Кто с тобой? Со мной – дожди.

О, ГОСПОДИ

О, Господи, о, Господи, как странно...
Недавно счастьем были дни полны.
Теперь душа – одна сплошная рана,
И не дожидаться трепетной весны.

Нет ничего коварнее обмана.
Предательство меня наотмашь бьёт.
О, Господи, о, Господи, как странно,
Как резок в жизни новый поворот.

Попала в сети лишкого дурмана,
В сладкоголосую опять поверив ложь.
О, Господи, о, Господи, как странно,
...Нет, никогда ты больше не придёшь.

Закрылась снова книжка жизни нашей,
Посулами меня ты не вяжи.
О, Господи, о, Господи, как страшно
Увязнуть в паутине этой лжи.

ДВА ЗВОНЧКА В ДВЕРЬ

Тяжело на сердце очень —
Сдавлено тоской.
Ну, никак оно не хочет
Сладить с головой.

Мне не спится долгой ночью,
Днём — ни есть, ни пить.
Два коротеньких звончка
Могут воскресить.

Понимаю головою —
Дел невпроворот.
Но что делать мне с собою,
Если сердце ждёт?

Если в нём живёт тревога
И тоска теперь?
А ведь надо так немного —
Два звончка в дверь.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Не стоит волноваться,
Спокойней надо жить.
Давно не восемнадцать –
Пора и отлюбить.

Но жизнь – такая штука –
Сюрприз подарит вновь,
Ведь слаще нет недуга,
Чем поздняя любовь.

Схватила цепкой лапой,
И нет назад пути.
Опять – терзаться, плакать.
О, Господи, прости.

* * *

Разлюбил... Значит, я виновата.
Не пеняю незрячей судьбе,
Хоть платить мне немалую плату
За уверенность злую в себе.

Я считала – навеки пленила,
Своей доле пожизненно рад.
Проглядела, как стала постылой.
Кто же, кроме меня, виноват?

ПРОЧЬ

«Миленький мой...» отзвучало уже.
Как неуютно, пустынно душе.
Я ухожу в беспросветную ночь
Прочь.

И о любви ты не суесловь,
Больше в твою не поверю любовь.
В ступе не будем мы воду толочь.
Прочь.

«Миленький мой...» – не услышишь, не жди.
Солнцу на смену приходят дожди.
Только суметь бы себя превозмочь.
Прочь.

НАВСЕГДА

Мы случайно встретились с тобою,
В случае том – счастье иль беда?
Может быть, я душу успокою,
Лишь с тобой расставшись навсегда?

Может, стоит разомкнуть мне руки
И сказать решительно: «Уйди!»
Чтоб любви отчаянье и муки
Навсегда остались позади?

Господи, как жажду я покоя,
Ты не молод, я не молода.
Веришь – нет, но с этой маетою
Хочется покончить навсегда.

Ты уйдёшь... Разумная разлука...
Больше не увидимся уже...
И любви не будет... Только мука
Навсегда останется в душе.

ДУША

Ни любви, ни счастья не хочу.
А покоя. Только лишь покоя.
Я держу зажженную свечу
Над своей распятою душою.

Кровоточит, стонет и болит
От мучений, ревности и страсти.
От надежд напрасных и обид.
Было счастье? Мне не надо счастья.

Пусть похожим будет день на день,
И длинны и одиноки ночи.
Но души не тронь и не задень,
Ничего она уже не хочет.

«Ни любви, ни счастья...», – прошепчу,
Отойду от дури и от блажи.
...Опущу потухшую свечу,
Не сумею и заплакать даже.

* * *

Чужая женщина смотрела
На профиль, мне одной знакомый.
Чужая женщина ласкала
Колечки тонкие волос.
А я уже давно не пела
И не хозяйничала дома,
И у меня осталось мало
Улыбки, нежности и слёз.

Чужая женщина смеялась,
В свою удачу веря свято.
Чужая женщина рыдала
В предощущении утрат.
А в том, что я одна осталась,
Она была не виновата.
А в том, что слёз уже не стало,
Был даже ты не виноват.

* * *

Я, наверно, тревоги не скрою,
Когда ты постучишься в мой дом.
Побеждённым придёшь – не героем,
Коли вспомнить решил о былом.

Не тверди о неведомых силах,
Не тверди о превратной судьбе.
Не случайно зашёл ты, мой милый,
Знать не сладко живётся тебе.

* * *

Я – дерево, возвращённое тобой,
Спасу тебя от зноя и от града,
Огнём и пеплом стану, если надо.
Я – дерево, возвращённое тобой.

Я – песня, сотворённая тобой,
Звучать готова я с утра до ночи,
Или замру, коль этого захочешь.
Я – песня, сотворённая тобой.

Я – птица, приручённая тобой,
В неволе жить мне тяжело и отрадно,
А улечу, так возвращусь обратно.
Я – птица, приручённая тобой.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ... СМЕРТИ

ПАЛАЧ

Хочу чего-то...
А чего – хочу?
Я вдруг на этом свете
                  потерялась.
О, как же много
Было по плечу,
Теперь сгибает
                  ранняя усталость.

Не золотит и солнце
Седину,
Огонь и пепел
                  вместе быть не могут.

С прямой дороги
Я опять сверну
На путаную
                  скользкую дорогу.

Вздохну – не охну,
Слёзы – да не плач,
И захочу – не стать
                  светлей и чище.

Лишь для меня
Назначенный палач
Стальной топор
                  вострит на топорище.

* * *

Года летят неумолимо.
Что впереди? Лишь прах да тлен.
А жизнь моя проходит мимо
Без ожиданья перемен,

Не чувствуя себя хозяйкой
Своей неласковой судьбы.
Я – нищая. Я – попрошайка.
Я жду не радости – беды.

Я в не своё явилась время,
Не те пути меня вели.
Одной ногой попала в стремя,
Другую – волочу в пыли.

Бог дал мне в этой жизни много,
И я ждала любви, наград.
А вот теперь одна дорога –
Ведёт, увы, не в рай, а в ад.

* * *

Привыкла, что ли, ничего не делать –
Не думать, не читать и не писать.
Не рано ли душа отяжелела,
Не рано ль разучилась я летать?

Мрак впереди... Но ведь пока живая!
Кто знает, на исходе ль мои дни?
Воспряну, встану, оттолкнусь от края.
...Ты только руку, руку протяни.

БОЖЬЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Как много дал мне Бог:
Талант, очарованье,
Умение работать
И быстро и легко.
И закружилась я
Песчинкой мирозданья.
Красиво закружилась.
Да жаль – невысоко.

Но даже тех высот,
Которых я достигла,
Хватило мне с лихвой,
Чтоб побольней упасть.
Я не разбилась, нет.
Но жизнь лишилась смысла,
И значит, не дано
Мне выпрямиться, встать.

Но в самый тяжкий миг
Мне Бог пришёл на помощь:
Благодари друзей,
Врагов своих прости,
Душа болит – терпи,
А топят – не утонешь.
Но только не порхай.
Лети! Лети! Лети!

РУБЦЫ РУБЦОВА

Отчего-то сейчас
Поняла, что за слово
Стало корнем фамилии
Коли Рубцова.
Ведь почти что полгода
Болят и болели
У меня каждой ночью
Рубцы на всём теле.
Ох, как сильно болят,
Что уснуть невозможно.
Но сегодня вдруг стало
Особо тревожно.
У Рубцова рубцы,
Как открытые раны,
Ныли в самой душе
Всю-то жизнь беспрестанно.
Всю короткую жизнь...
А ведь это больнее,
Чем болят у меня
На груди и на шее.
Кровоточит душа –
Только к ней прикоснитесь...
Николай, Николай,
Ты не князь и не витязь,
Просто русский мужик,
И бездомный, и пьяный.
А поэзия вот –
Она вся без изъяна.

В ней – прозрачность и вкус
Родниковой водицы.
К ней, кто жаждет, всегда
Припадёт – утолится.

ПАМЯТИ БОРИСА МЕЛЬГУНОВА

Каждый день мог последним
Для меня стать в больнице.
Ты пришёл. Ты бордовые розы принёс.
Крепко сжал мои руки,
Боялся проститься.
Очень сильный, большой,
Ты не сдерживал слёз.

Я не верила в смерть
И последнюю встречу.
Всё ещё впереди.
Я живу! Я живу!
...А тебя уже нет.
Твои розы и речи,
Твои слезы и взгляды...
Было ль то наяву?

Через сто дней ушёл
От меня навсегда ты.
Не успела проститься...
Как больно душе...
Я не знаю: кем был ты мне –
Другом иль братом?
Но второго такого
Не будет уже.

Я – НЕ ТА!

Светает скоро. Мне не спится.
Я вдруг в полсотни с лишним лет
Себя почувствовала птицей!
...И это после стольких бед.

Но коли выжила – жить буду!
Не просто – с белого листа.
Со мной сейчас случилось чудо,
И я совсем уже не та.

Не стану горю я сдаваться,
Не буду хныкать, унывать.
Господь мне отпустил лет двадцать,
А может, целых двадцать пять!

И то, что не сбылось когда-то,
Ещё свершится – верю я!
Пусть кто-то скажет: поздновато.
Не верьте им, мои друзья.

А верьте мне, как я вам верю.
Предателей среди вас – один.
Сия невелика потеря?
Но он был больше всех любим.

Хоть и ему не пожелаю
Такого ж тяжкого креста.
Он слаб душой. Его прощаю.
Господь – свидетель: я – не та.

* * *

Не виню, не жалею
И прощенья не жду.
Ничего... Одолею
В одиночку беду.

Не спасую в бессильи
Пред коварной судьбой.
Снова вырастут крылья
У меня за спиной.

Вы, друзья, не на тризне –
Я ещё полечу.
В бессмысленной жизни
Будет всё по плечу.

Залижу свои раны,
Смело с прошлым порву.
А сдаваться мне рано –
Я ещё поживу!

ВСТРЕЧА

Рассказы

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Малыш сидел на корточках и что-то рассматривал на земле. Это что-то было обыкновенной лягушкой. Мальчик глубокомысленно морщил лоб, и ход его мыслей был примерно таков: «Почему же она серая? Ведь лягушки бывают зелёными. Во всех книжках пишут, что зелёные. А может, это вовсе и не лягушка?» – и малыш протянул руку к маленькому серому существу, но не успел и дотронуться, как кто-то, резко рванув его за ворот, поставил на ноги, а лягушка полетела в сторону, отброшенная ударом узкой туфельки.

Перед мальчиком стояла разгневанная мама с красивыми фиолетовыми волосами и красивыми мохнатыми ресницами. Тоненькие ниточки бровей сошлись на переносице, а глаза из голубых превратились в тёмно-синие (так бывало всегда, когда мама злилась).

– Сколько раз я тебе говорила, не трогай руками всякую гадость!

– Мама, – у сына задрожали губы, но он не заплакал, а только глубоко вздохнул, – зачем ты пнула лягушку! Ведь она же живая. А вдруг эта была царевна-лягушка?

– Вечно ты со своими глупостями, – мать возмущённо дёрнула сына за руку, – пойдём домой, раз не умеешь играть, как другие нормальные дети.

Сын опять вздохнул и ничего не сказал.

Когда мама ругала папу, тот тоже всегда вздыхал и уходил на кухню. Сыну некуда было уйти, поэтому он шёл рядом с мамой и горестно молчал.

Дома он с трудом дождался, когда приедет с работы папа. Папа был старше и, наверное, умнее мамы, поэтому сразу понял, что сын огорчён не напрасно.

– Папа, – у мальчика опять дрожали губы, когда он рассказывал историю с лягушкой, а на глазах навернулись слёзы. Теперь уже можно было и заплакать, он знал, что папа не будет сердиться. – Папа, она была почему-то серая, а не

зелёная, и она хотела мне что-то сказать. Может ведь быть, что эта была царевна-лягушка?

У папы были седые виски и добрые близорукие глаза. Он внимательно слушал сына и кивал головой:

– Конечно. Может быть, и царевна-лягушка.

Их разговор прервала красивая мама, которая вошла в комнату и сказала:

– Сын, ну-ка спать. А тебе, – обратилась она к мужу, – нечего забивать ребёнку голову глупостями.

Через четверть часа малыш лежал в кровати, натянув одеяло до подбородка, а мать с отцом сидели на кухне. Она курила, пуская красивые колечки в открытую форточку, а он чистил картошку и горячо доказывал ей:

– Ты понимаешь, что так нельзя? Какой урок ты преподнесла сегодня сыну? Пнула лягушку! Мелочь? Но именно с таких мелочей закрадывается в сердце жестокость.

– До чего же ты надоед со своими передовыми методами воспитания! Нет, пусть бы он взял в руки эту тварь и заразился какими-нибудь лишаями.

– Любую болезнь можно вылечить. Но как излечить от жестокости, чёрствости, равнодушия?

– Господи, опять высокие слова! Без них ты не можешь. Другое дело, вот если бы щенка, к примеру, пнула, а то – лягушка...

Муж устало вздохнул:

– Ты не поймёшь всё равно...

– Что ты мне прикажешь понимать?! – взорвалась жена. – Что надо любить лягушек, мышей, тараканов? Так, что ли? А эти твои дурацкие сказочки! Вчера он увидел Дюймовочку, сегодня пытался погладить царевну-лягушку! Что ты добиваешься? Чтобы из сына получился такой же слюнтяй и мечтатель, как ты сам? Нет, дорогой, сейчас такие люди не в моде. Сейчас преуспевает тот, кто трезво смотрит на жизнь, кто умеет пробиться, пусть даже за счёт других. Ну вот, чего ты добился в жизни благодаря своему великодушию и благородству? Тебе за сорок, а ты кварти-

---

ры путной не имеешь, а если в чём-то и преуспел, так только потому, что работаешь, как вол. Другие, между прочим, имеют гораздо больше, не очень-то себя утруждая.

Муж не прерывал бурный монолог жены. Он знал, что спорить бесполезно, иначе они опять поссорятся, и больше всего их ссору будет переживать сын. А отцу совсем этого не хотелось.

Сын был его первым и единственным ребёнком, и отец не знал, правильно ли его воспитывает, но его нисколько не возмущало, что мальчишка верит в сказки (он и сам иногда в них верил), и радовало, что сын так же, как и он, видит в облаке слона, а в сучковатом дереве Кошья Бессмертного. Его огорчало, что жена всего этого не видит. Зато она была много моложе его и очень красива. Он любил наблюдать, как она причёсывается, как делает зарядку, безупречно владея гибким телом, как вертится перед зеркалом, примеряя новое платье.

Но сейчас на него навалилось раздражение, которое трудно преодолеть. Жена, со своими выщипанными бровями, с волосами, крашенными в нелепый цвет, и с сигаретой во рту, показалась вдруг чужой и неприятной.

И он встал, отложил недочищенную картофелину, вымыл руки и ушел к сыну, с которым ему было хорошо всегда.

Мальш ещё не спал. Его круглые серые глаза, похожие на отцовские, были широко открыты.

– Ты почему не спишь, зайка? – отец присел на кровать.

Сын приподнялся и заговорил торопливо, сбивчиво:

– Знаешь, папа, даже если это была не царевна-лягушка, всё равно же её нельзя было пинать, ведь лягушки же полезные, ведь они всяких мошек вредных едят, ты же сам мне про это говорил, папа.

– Да, сынок, – папа тронул жёсткие светлые волосы мальчика, – мама поступила неправильно. Она просто испугалась, что лягушка тебя укусит, она не знала, что они не кусаются. Мама просит у тебя прощения и обещает, что больше никогда так не поступит.

Успокоенный, мальчик положил голову на подушку, а потом, словно вспомнив что-то, сел опять:

– Папа, а ведь всё-таки мне кажется, что это была царевна-лягушка. Ведь она сидела, смотрела на меня и не упрыгивала. А, папа?

– Да, сынок, – отец поцеловал сына в вихрастую макушку, – может быть, эта была самая настоящая царевна-лягушка.

ВИШЕНКА

Крохотная девочка с огромным голубым бантом в чёрных кудряшках стояла на тротуаре и безутешно плакала, закрыв лицо руками. Останавливались прохожие, пытались успокоить, приласкать, выяснить, что случилось. Толстый дядька с большой лысиной и пухлым портфелем, присев на корточки, вертел перед девочкой румяное яблоко. Но малышка яблоко не брала, на вопросы не отвечала и плакать не переставала.

Я подошла поближе и неожиданно для себя громко сказала:

– Мы просто потеряли маму, но сейчас её найдём.

Девочка отняла ладошки от лица и посмотрела на меня глазёнками, которые были похожи на переспелые вишни, омытые дождём. Не переставая всхлипывать, она протянула ко мне руки, я подхватила её и почувствовала, как мокрый носишко уткнулся мне в шею.

Лысый дядька произнёс озадаченно:

– А мы чуть не час успокаивали...

Я взяла у него яблоко, которое он намеревался положить обратно в портфель, и пообещала:

– Сейчас съедим.

Присев на скамейку, вытерла зарёванное личико своего найдёныша и спросила:

– Как же тебя зовут, маленькая?

– В садике зовут Алёнка, а мама зовёт Вишенка.

– А годиков тебе сколько?

Алёнка-Вишенка растопырила три пальчика.

– А где ты живёшь?

– На автобусе надо ехать...

– На каком?

– На жёлтом.

С ближайшей остановки автобусы уходили по трём маршрутам, и все они были жёлтого цвета.

– Как же ты потерялась?

– Папа взял меня из садика, а потом сам потерялся...

У девочки опять задрожали губы.

– Ну, ладно, ладно, – я встала. – Пойдём искать твоего папу.

Папу мы, конечно, не нашли, пришлось заявить о своей «находке» в милицию. Записали мой адрес, потому что оставить ребёнка в милиции я не согласилась.

Когда пришли домой, Вишенка, измученная тревожными днями, уже спала у меня на руках. Положив её на диван, я села проверять тетради своих пятиклашек, но не могла сосредоточиться: безмятежно спавшая девчужка притягивала к себе. Её чёрные кудряшки разметались по подушке, щёки разругались, рот приоткрылся, обнажив блестящие крохотные зубки. Я едва удерживалась от искушения схватить её на руки и прижать к себе крепко-крепко.

Звонок в квартиру заставил меня вздрогнуть, хотя и не был неожиданным. Я сразу же поняла, что пришли за девочкой.

К моему великому изумлению, перед дверью стояла Светка Синицина, моя бывшая одноклассница, с которой я не виделась с выпускного вечера. Узнала её сразу, хотя она и здорово изменилась: располнела, стала рыхлой и бесформенной. Светка тяжело дышала, будто только что пробежала стометровку, копна пышных волос растрепалась.

– Мне сказали в милиции, что моя дочь у тебя.

– Вишенка? Твоя дочь?!

Светка уже увидела в раскрытую дверь девочку на диване, рванулась туда и, удостоверившись, что с ней всё в порядке, запоздало обиделась:

– Чего ты удивляешься? Я в детстве тоже хорошенькая была.

– Да нет, просто так неожиданно... – смутилась я.

– Спасибо тебе. Я чуть с ума не сошла. Послала своего благоверного в садик, а он пришёл на бровях, ничего не сообщает. Трясу его: где Алёнка? А он и сказать ничего не может.

– Ну, видишь, всё хорошо, что хорошо кончается. Рассказывай, как живёшь. Ты ведь уже давно замужем?

– Да уж юбилей справили – 10 лет. Алёнка-то у меня вторая уже.

– Да ты что?

– Правда. Сын в третий класс перешёл, отличник, – Светка улыбнулась и сразу же похорошела. – А у тебя что-то фамилия не изменилась. Я думала – ты или не ты, вы ведь раньше не здесь жили. Ты чего, не замужем, что ли, или уже развелась?

– Да нет, ещё не выходила.

– Да ты что?! – чёрные Светкины глаза (я только тут заметила, что они такие же, как у Вишенки) изумлённо округлились. – Ты же у нас первая красавица была, вокруг тебя всегда парни увивались, все думали, что ты тут же выскочишь за какого-нибудь офицера.

– Почему офицера?

– Ну... не за слесаря же.

Я засмеялась:

– Как видишь, дольше всех засиделась.

– Надо же, как тебе не повезло. – Светкины глаза выражали явное сочувствие.

Эта неприкрытая жалость заставила меня взорваться:

– Не повезло?! Может, ты считаешь себя счастливой? У меня любимая работа, меня уважают, я совершенно ни от кого независима, а ты... У тебя-то что? Муж-пьяница, кастрюли, пелёнки, о себе, наверное, и подумать некогда.

– Ой, не говори, – Светку, похоже, не обидело моё возмущение, она лишь скорбно поджала бледные полоски губ. – И муж выпивает, правда. А вот не гоню его, когда трезвый – душа-человек. И зарабатывает хорошо. И о себе подумать некогда – тоже правда. Ты, небось, лет на десять моложе меня выглядишь. Да...

Светка помолчала, а потом улыбнулась своей широкой улыбкой, которая её удивительно красила, и сказала, кивнув на дочку:

– Зато видишь, какая у меня Вишенка растёт...

...Захлопнулась дверь за моей бывшей одноклассницей, а я ещё долго-долго сидела с подушкой в руках, на которой совсем недавно лежали разбросанные кудри Вишенки.

НЕЧАЯННЫЕ РАДОСТИ

I

Зашла как-то вечером в ресторан. Не потому, что захотелось поесть или выпить, а потому, что начался осенний задушливый дождь, на мне же были новёхонькие красные суперсапоги, и было жаль их испортить.

Небольшой уютный зальчик был наполовину пуст. Я села за свободный столик у окна, решив выпить чашку кофе, и, вовремя вспомнив, что дома у меня шаром покати, принялась просматривать меню.

Вдруг зал вздрогнул от музыки, и из-за нескольких столиков, сдвинутых плотно друг к другу, выскочила целая орава.

– То ли семейное торжество, то ли сослуживцы что-то отмечают, – подумала я и принялась следить за танцующи-

ми. Среди всех выделялся среднего возраста мужчина. Выделялся даже не столько тем, что был хорош собой – стройный, с копной тёмных волнистых волос, – но главное, он настолько красиво двигался под музыку, что невольно подумалось – уж не профессионал ли.

Под музыку мне принесли мой салатик, кофе я попросила подать попозже, поскольку люблю только горячий, и лишь тогда почувствовала, как проголодалась. Но насладиться едой мне не дали, так как быстрый танец сменился медленным, и под плавную музыку ко мне подошёл тот самый красавец.

– Я любовалась вами, когда вы танцевали, – не преминула сообщить я. – Танцы – это ваше хобби или профессия?

– Да, я – стриптизёр.

– Правда, что ли? – я вытаращила глаза. – Впервые в жизни живого стриптизёра вижу.

Партнёр по танцу так искренне и заливисто расхохотался, что невольно я засмеялась тоже: – Шутите?

– Конечно. Моя профессия мало общего имеет с хореографическим искусством.

– А как вас зовут?

– Григорий.

– А отчество?

– Ну, а отчество-то зачем?

– Видите ли, я вчера начала писать рассказ...

– А вы – писательница?

– В некотором роде. Так вот, герой моего рассказа похож на вас, и зовут его Григорий Александрович.

– Вот так штука! И каков сюжет вашего рассказа?

– Сюжета, как такового нет. Есть только завязка. Может, наше общение на этом танце не закончится, и вы сами дадите почву для развития сюжета?

– Боюсь разочаровать. Вон за тем столом сидит моя беременная жена, которая сама послала меня пригласить Вас,

думая, что тяготит меня теперь. Но, видя, как мы с вами оживлённо беседуем, уже пошла красными пятнами.

Мой взгляд сразу выхватил симпатичную юную блондинку с заметно округлившимся животиком, которая явно нервничала.

– На сколько она вас моложе?

– На 17 лет.

– Ничего! Скоро придёт ваш черёд ревновать.

– Я не ревнивый.

– Иногда мы сами не подозреваем, на что способны.

– А как ваши имя и фамилия?

– Зачем?

– Но вы же писательница, вдруг мне что-то ваше попадётся?

– Зовут меня Ирина, а фамилию не скажу. Вдруг однажды наткнётесь на рассказ о Григории Александровиче, вот и догадаетесь. Спасибо за танец. Он был восхитителен.

Допив кофе, я вышла из ресторана. Дождь уже кончился, было тепло и тихо. Я решила пройтись пешком.

Дома включила телевизор, начатый рассказ продолжать почему-то не захотелось. Я ведь не рассказала своему партнёру по танцу, что к перу меня подтолкнул недосмотренный утренний сон, в котором фигурировала я в красных сапогах и неведомый Григорий Александрович во всей своей великолепной стати. И рассказ мне мыслился романтической, любовной историей. Сон, как и многие мои сны, оказался вещим, но такого «облома» в лице беременной жены, годящейся мне в дочери, мне не приснилось, ибо будильник зазвонил раньше. Похоже, опять меня на стихи потянет, и они снова будут беспросветно-заунывными.

– Стареешь, мать, – подумала я почти равнодушно, – а ещё такие сапоги напялила, в них и ходить-то долго невозможно.

Уснула, как ни странно, я очень быстро и на сей раз без сновидений. Утром меня разбудил телефонный звонок. Нехватный мужской голос вопрошал, не разбудил ли меня.

– Разбудили, – недовольно ответила я. – Кто это?

– Григорий Александрович.

– Кто?! Какой Григорий Александрович?

– С которым вчера танцевали.

– Какого чёрта? Я же не давала вам свой телефон. К тому же у вас молодая беременная жена.

– Второе здесь ни при чём, так как у меня к вам деловой разговор. Когда вы назвали своё имя, я вас сразу же вспомнил. Как-то жена вытащила меня на ваш творческий вечер, ей очень нравятся ваши стихи, а меня, в свою очередь, подкупала их мелодичность, чуть не каждое – готовая песня. А я в некотором роде – композитор. Не согласитесь стать моим соавтором?

– Надо подумать.

– Подумайте. Я вам позвоню попозже. А жена к вам не ревнует, она вас сразу узнала, только мне сначала ничего не сказала.

Звонок озадачил и немного удивил. Признаться, я не была новичком в песенном жанре, но, естественно, предпочитала, чтобы композиторы писали на готовые стихи. Редко, но соглашалась писать и на «рыбу», но это было истинным мучением, потому что унижаться до уровня «Муси-пуси» не хотелось, а писать нечто ритмически-музыкальное, лишённое гармонии в поэтическом плане, как-то не вдохновляло. Однако «побрякушки» исполнялись, а те, в которых был смысл и музыкальный, и поэтический, оставались невостребованными.

...Опять целый день шёл дождь, никуда не хотелось идти, ничего не хотелось делать, поэтому улеглась перед телевизором, бесконечно переключая кнопки, когда шла реклама, и заваривая очередную партию кофе. В итоге все телепередачи слились в одну, а от кофе начало тошнить.

Несмотря на то, что дома не было даже кусочка хлеба, я знала, что никакая сила не вытащит меня на улицу, и решила совместить приятное с полезным – сходить в гости к своей интеллигентной соседке Марии Алексеевне – приятное сделать ей своим визитом, а полезное – своему желудку. Старушка давно жила одна, но избавиться от вкоренившейся привычки ежедневно вкусно готовить, а потом, за отсутствием семьи, скармливать всё случайно зашедшему гостю, не могла. Зная её слабость, «случайные» гости не переводились. Надо сказать, приходил к ней не только ради того, чтобы набить желудок, – она была очень интересной собеседницей и, несмотря на почтенный возраст, никогда не повторялась. У неё была богатая библиотека, много художественных и фотоальбомов, поэтому время, проведённое у неё, никогда не проходило зря. Кроме того, она была первым читателем и критиком моих сочинений.

На мой звонок дверь тотчас же открылась, и сухонькая Мария Алексеевна заключила меня в свои объятия:

– Ирочка, как вы кстати. У меня сегодня потрясающий обед, и было бы обидно съесть его в одиночку. Присядьте, полистайте что-нибудь (телевизора у моей соседки, как у истинного русского интеллигента, не было), а я на кухню.

Я взяла наугад с полки какую-то книгу и... вытаращила глаза – ею оказался очередной детектив Марининой. – Неужели бабуля увлекается таким чтивом? – изумилась я. Но на титульном листе обнаружила надпись: «Машеньке от старого друга, вполне уверенного в том, что случаются периоды, когда помогают не Достоевские и Толстые, а такие вот безделушки, ибо много думать и слишком сопереживать иногда бывает просто противопоказано. Твой Лев».

– А про Льва я что-то никогда не слышала, – подумала я. – Интересно, а может, это роман, тянущийся с молодости?

По существу, я о Марии Алексеевне ничего и не знала, кроме того, что у неё когда-то была большая семья, но все поумирали или разъехались, а она, бывший учитель музыки, осталась в просторной квартире наедине со своими воспоминаниями, книгами и стареньким роялем, на котором не только иногда играла, но и давала уроки музыки. Я даже не знала, сколько ей лет – в любое время её всегда можно было застать ухоженной, с причёской, в элегантном домашнем платье или брючном костюме.

Она выплыла из кухни с подносом, в центре которого стоял графинчик с необыкновенно красивым гранатовым напитком.

– Если, Ирочка, угадаете, каким салатом я вас угощу, так и быть, налью вам свой фирменный коктейль, и если он вам понравится, обяжу придумать ему название.

– Что-что, а придумывать названия для меня самый тягостный труд. Легче роман написать.

– Ну, роман вы никогда не напишите, ибо это требует громадного терпения, которого у вас отродясь не бывало. Но это не беда. Чехов не написал ни одного романа, а иначе, чем великим писателем, его не называют.

– Аналогия, конечно, мне весьма льстит, но, увы, относительно своих потенциальных возможностей я уже давно не заблуждаюсь.

В дверь позвонили.

– Ещё кто-то пожаловал, – обрадовалась Мария Алексеевна. – Поняли, почему я не имею телефона, потому что страшно люблю неожиданности, ведь сейчас не знаю, кто и зачем ко мне пожаловал, а был бы телефон – знала, уже не так интересно.

– Иду, иду, – повысила она голос, семена в прихожую.

Удивительно, она никогда не спрашивала: «кто?» и не смотрела в глазок, хоть он у неё и был. Наверно, тоже для

пущей неожиданности, а ещё – от уверенности, что недобрый человек к ней не пожалует.

Дверь открылась, и я услышала восклицания, поцелуи и приятный мужской баритон. «Наверно, неведомый Лев», – сразу же решила я.

Когда же обладатель приятного баритона вошёл в комнату, глаза мои (впрочем, как и его тоже) округлились от удивления. Рот Марии Алексеевны открылся от одного нашего вида.

– Вы, что, знакомы? – наконец-то, вымолвила она.

– Только сегодня, – ответила я, – говорили по телефону, а вчера танцевали в ресторане.

– Подождите. Так вы решили назначить у меня свидание?

– Помилуйте, тётя Маша, за кого вы принимаете своего любимого племянника?

– Так это ваш племянник? – опять изумилась я.

– А вы этого не знали?

– Откуда же?

– Ну, сегодня день чудес. Раз он так неожиданно начался, то закончится ещё интереснее. Мойте руки и – к столу. Для начала угадаете, что будете есть, а потом расскажете историю своего знакомства.

Она уже безо всяких условий наполнила бокалы своим красивым коктейлем и разложила салат.

– Итак, – подняла Мария Алексеевна бокал, – за знакомство, а потом будете дегустировать салат и всё-всё мне расскажете.

Коктейль оказался не только красивым и вкусным, но, как ни странно, крепким.

– Ничего полезнее вы не выпьете, ибо это совсем не ягодные настойки, которые бродят от сахара, а потом оставляют тяжесть на желудке. Это свежавыжатый сок из разных ягод (ещё не вечер, испробуете как-нибудь и синенького напитка,

и зелёного), здесь же четыре сорта ягод, смешанных в миксере и разбавленных чистейшим медицинским спиртом. Тайну, отчего он у меня не переводится, не раскрою, но плохо от такого напитка не может быть даже язвеннику. Ты, Гриша, ещё не в курсе, но коктейлю надо придумать название. Ирочка уже струсила.

– Как так? – вскинулся на меня яркой синевою Григорий. – Вы же писательница.

– А многие писатели умеют придумывать оригинальные названия своим произведениям?

– Тогда, – Григорий немного подумал, – давайте назовём – «Гранатовый браслет».

– В этом что-то есть, – ответствовала Мария Алексеевна, – а теперь закусывайте и угадывайте, что будете есть, – она была в своём амплуа.

– Ну, тётя Маша, – «ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй».

– А почему тебе именно эти строки вспомнились?

– А у вас получилось нечто похожее на это буржуйское блюдо.

– Экий гурман... Рябчиков мне не хватило, а цыплят – сколько угодно, так же, как и ананасов. Здесь ещё китайский салат, – может, видели, такой длинненький, его ещё пекинской капустой называют. Ну и, естественно, мой фирменный майонез. Не скажу его рецепт, поскольку на его приготовление вашего терпения не хватит, но он, как вы уже, вероятно, заметили, очень нежен и не обременён излишним холестерином. Ну, вот, наслаждайтесь и рассказывайте.

Начал Григорий:

– Тётя Маша, я написал достаточно много песен и романсов на стихи Ирины. Она этого ещё не знает. Учитывая ваш изысканный вкус, дорогая тётя, принёс показать их вам, но при авторе едва ли решусь на это. Их поёт Ляля,

некоторые – мы дуэтом, а две песни, не удержавшись, спел один.

– Вы знаете, Ира, – обратился Григорий уже ко мне, – у моей жены неплохой голос – этакое мягкое меццо-сопрано, но, похоже, хоть она и закончила консерваторию по классу вокала, на певческой карьере поставлен крест, поскольку всю жизнь решила посвятить семье, в которой, по её мнению, должно быть не менее трёх спиногрызов, как некоторые папаши величают своих чад, так что петь придётся только колыбельные.

– А вы не против её решения?

– Знаете, я её слишком люблю, чтобы хоть в чём-то перечить. К тому же время всё расставит по своим местам. Ляле уже недолго до родов, и спустя 5 – 6 месяцев вполне можно будет дать концерт в филармонии (у меня там крепкие связи). Я бы планировал представить наше трио (никто лучше вас не читает ваши стихи, я слышал), мы бы пели и соло, и дуэтом.

– Так вы первое что – композитор или певец?

– Честно сказать – первое, пожалуй, аранжировщик, то есть то, что кормит больше. Увы, уровень нашей эстрады сейчас таков, что когда удаётся из чего-то ничтожного сделать произведение, которое можно исполнять и слушать, – ощущение такое, будто сам написал.

– Ну, вы меня совсем заинтриговали. А может, что-то споёте?

– Знаете, давайте договоримся так: сначала всё, что написал, послушает тётя Маша (без её благословения я не решусь вам спеть).

– Спасибо, Гришенька, что ты меня так ценишь, но уж даже ради неодолимого желания послушать, я не могу отказать себе в удовольствии пообщаться с вами обоими. Итак, Ирочка, первый вопрос к вам. То, что вчера в ресторане праздновали серебряную свадьбу Лялиных родителей, я знаю (на-

дежось, Гришенька, моё отсутствие не слишком обидело?), а вот как оказались в ресторане вы – насколько знаю, вы, вроде, не любитель ресторанных приключений?

– Ой, Мария Алексеевна, – засмеялась я, – не поверите, но я решила обновить свои сапоги (вы их видели), но начался дождь, и я не нашла ничего лучшего, чем переждать его в ресторане.

– А заодно и завлечь моего племянника?

– Тётя Маша, какое – завлечь?

– Гришуля, я знаю твоё любвеобилие (а горбатого только могила исправит), поэтому Ирочке хоть и не двадцать лет, но увлечь она очень даже в состоянии. Да в таких-то сапогах!

– Вы, тётя Маша, неисправимы. А мне бы хотелось Ирине задать вопрос: правда ли, что в стихах солгать невозможно? Человеческая сущность всегда вылезет наружу.

– Наверно. Я помню, к примеру, такой случай. Будучи ещё совсем молодой, выступала с группой поэтов, и одна поэтесса прочитала стихотворение о том, как она «увела» парня у самой красивой девчонки на селе. И заканчивала это стихотворение несколько издевательски: мол, что ты переживаешь, «я же красоту не отняла». Я тогда сказала ей: «Очень жестоко ты закончила стихотворение. Ты же отняла больше, чем красоту, и торжествовать по этому поводу даже как-то неприлично». На моей памяти она больше никогда не читала и не печатала это стихотворение.

А вот ещё более красноречивый пример. Когда в Вологодской писательской организации обсуждали стихи Людмилы Дербиной – будущей убийцы Рубцова, которая читала: «Я не женщина, я – волчица!» И как она будет грызться за свою любовь жёлтыми клыками, с которых будет течь слюна, Виктор Астафьев толкнул в бок Николая Рубцова: «А баба-то талантливая». Рубцов поморщился: «Это не талант, это патология. Женщина не должна так писать». В конце концов эта «волчица» убила Рубцова.

– А вот у вас добрые стихи.

– Да всякие есть. Когда я вижу маленьких бродяжек или убогих старух, просящих подаяния, доброта как-то улетучивается.

– Но, насколько мне известно, попрошайничество стало довольно прибыльным бизнесом.

– Оно стало бизнесом, благодаря той ненормальной социально-политической атмосфере, которой мы дышим. Бывшие коммунисты, ставшие демократами, заклеили большевиков, но тут же начали действовать по-большевистски. Убрали, к примеру, памятник Дзержинскому. Мало того, что Дзержинский – наша история. Но уже только за то, что за два года после разрушительной гражданской войны он сумел покончить с беспризорностью, уже за это он должен остаться в вечности. Зато возвели в ранг святого великомученика последнего царя. И уже все перестали вспоминать и позорную русско-японскую войну, и Кровавое воскресенье, и ленские расстрелы. Была ли какая нужда в революции, если так хорошо жилось при царском самодержавии?

– О, да вы – коммунистка! Член КПРФ, да?

– Никогда не была коммунисткой, и вообще – все эти «измы» запретила бы президентским указом.

– Гришенька, – вмешалась Мария Алексеевна, – с Ирочкой о политике говорить нельзя, она сразу же вспыхивает, точно порох.

– Мария Алексеевна, – засмеялась я, – раз уж вы решили перевести стрелки, то откройте страшную тайну: кто тот почитатель, который потчует вас Марининой, а может, даже и Донцовой?

– Это откуда у вас такие сведения?

– Но вы же не запрещаете рыться на ваших книжных полках. Вот сегодня я и вытащила сюрприз от некоего Льва, который так бессовестно старается лишить невинности мою интеллигентную соседку.

– О, с Лёвой я вас как-нибудь познакомлю, тем более, он не раз сам просил меня об этом.

– Как это?

– А он ваш поклонник. Таскается с потрёпанной книжечкой ваших стихов, которую вы ему подписали на каком-то вечере, и знает все стихи наизусть. Меня, кстати, всегда изумляло, как много у вас поклонников среди мужчин. Всё-таки, несмотря на остросоциальные мотивы в некоторых ваших стихотворениях, в основном они очень женские.

– Вы знаете, как-то телевидение сделало со мной очень приличную передачу, где я общалась со старшеклассниками города. И один мальчик задал мне такой вопрос: «Почему говорят – «женская поэзия», ведь не говорят же – мужская?» Я ответила примерно так: «Во-первых, мужчин-поэтов гораздо больше, чем женщин, а во-вторых, женщина может написать по-мужски, но ни один мужчина не напишет так, как женщина, хотя бы по одной простой причине: он никогда не сможет родить».

– Bravo! Вот и ответ. Мужчинам часто хочется оказаться в женской шкуре (они же нас понять не в состоянии), а вы им и помогаете хоть как-то понять, что за инопланетяне эти женщины. А с моим приятелем Львом Аркадьевичем я вас непременно познакомлю.

– А он всего лишь приятель?

– Нет. Больше, чем приятель. Когда-то мы очень тесно дружили семьями, его жена была моей лучшей подругой, но – представьте! – овдовели в один год. Многие тогда говорили, что сама судьба нас послала друг другу, хотя Лёва и помоложе, чтобы остаток жизни провести вместе. Но это другой случай. Кое-что остаётся святым на всю жизнь – именно таковой осталась дружба нас четверых. Теперь мы дружим вдвоём (второй раз он тоже не женился), но помыслить о каких-то других отношениях, кроме дружеских, никому из нас даже в голову не приходило.

– Да, – вмешался Григорий. – Лев Аркадьевич совершенно чудный человек, и они, когда где-то появляются вместе, смотрятся вполне супружеской парой, но... такие вот дела. А вообще, у меня возникла идея: так как в моей семье скоро случится значительное событие, мы бы хотели видеть вас троих у нас на крестинах. Мы уже знаем, что будет девочка, и имя уже придумали, но пока, чтобы не сглазить, мы его вслух не произносим.

– Ну, – ответила за всех Мария Алексеевна, – на такое событие я приду, даже если буду недомогать, как вчера. И этих двоих приведу обязательно.

Жаль было уходить, но слишком неодолимо было желание побыстрее узнать (а может, и услышать – у Марии Алексеевны была безукоризненная музыкальная память), какие же стихи облюбовал Григорий, чтобы сделать их песнями.

Договорившись с хозяйкой гостеприимного дома, что я подойду в половине восьмого вечера, ушла дописывать рассказ – тема-то появилась.

И всё же не писалось.

Я с великим трудом дождалась означенного времени.

И вот – полвосьмого – я вновь у знакомой двери. Меня встречает улыбающаяся Мария Алексеевна в новом умопомрачительном брючном костюме и провожает к сервированному столу, из-за которого галантно поднимается (я потеряла дар речи) вылитый Сергей Бондарчук. Именно таким я видела покойного режиссёра не в кино, а в жизни, в каком-то театре, где он был в качестве зрителя, и во время антракта стоял в фойе, окружённый какими-то людьми (какими – не знаю, поскольку никого, кроме Сергея Фёдоровича, не видела).

И вот, почти такой же – статный, с роскошной седой шевелюрой – стоял передо мной (представлять было не обязательно) Лев Аркадьевич.

Я, к сожалению, часто бываю не слишком деликатным человеком, поэтому, опомнившись, затараторила:

– Вы, конечно же, Лев Аркадьевич, я, разумеется, вам тоже известна, но, скажите, вам не надоело всё время слышать, что вы похожи на Сергея Бондарчука?

Лев Аркадьевич засмеялся, галантно поцеловал мою руку и сказал:

– Я стал похож на него только в старости. А на вопросы подобного рода у меня ответ один: «Я знаю».

– Садитесь, садитесь, – не дав мне сделать комплимент Льву Аркадьевичу, что он вовсе не старый, вынесла уже зелёный графинчик Мария Алексеевна. – Сейчас будем слушать Ирочкины песни.

– А как же мы всё это совместим? – удивилась я.

– Очень просто, – мило улыбнулась Мария Алексеевна, – Гришуня оказался настолько галантным, что принёс две кассеты – одну – для меня, другую – для вас. Он написал десятка два песен, причём более половины из них – аранжированы.

– Ну а вы, как музыкальный критик, вижу – довольны.

– Вполне. Но последнее слово за автором.

Песни и романсы действительно оказались великолепны, особенно мне понравилось пение дуэтом.

Но больше всего меня поразили две вещи: жанровое разнообразие – от романса до танго и народной песни. И стопроцентное попадание в суть каждого стихотворения.

У меня был очень милый соавтор, который умудрялся самое минорное стихотворение сделать мажорной песней. Видимо, это объясняется разностью наших характеров. Но почему именно мои стихи легли ему на душу – до сих пор не понимаю. Ведь, по его признанию, до тех пор, пока он не наткнулся на стихи в каком-то журнале, песен не писал вообще.

А вот эта музыка углубляла образность стиха, усиливала его смысловую нагрузку, и я, слушая песни и романсы на свои стихи, с трудом верила, что написала это я. И незаметно для себя переполнялась гордостью. Видно, не так уж и плохи мои стихи.

Я помню слова композиторов Григория Пономаренко и Евгения Крылатова о том, что основу любой хорошей песни составляют настоящие стихи.

– Значит, у меня настоящие? – думала я. – Значит, напрасно я принижала своё творчество?

А потом был второй сюрприз: мои стихи читал Лев Аркадьевич. И опять я слушала что-то новое, неведомое как будто.

Мне никогда не нравилось, как читают мои стихи другие люди, но так, как читал мой новый знакомый, не смог бы, наверно, прочитать ни один самый знаменитый артист.

Права оказалась Мария Алексеевна: день окончился столь же удивительно, как и начался.

На прощание обменялась со Львом Аркадьевичем телефонами (по счастью, у него телефон был) и ушла к себе наслаждаться неожиданной музыкой, которую пробудили к жизни мои стихи.

Я лежала почти в полной темноте (лишь слабенкий ночничок теплится у изголовья) и слушала песни и романсы, а перед глазами стояло лицо Льва Аркадьевича, и я не лукавила перед собой, что влюбилась с первого взгляда в этого немолодого, красивого, интеллигентного, с чарующим голосом человека. Всем своим женским естеством чувствовала: понравилась ему тоже.

Я была далеко не юной девушкой, за моей спиной – два неудачных брака, причём второй муж был моложе меня на десять лет. Кроме мужей случались в моей жизни (и немало) умные, благородные, щедрые мужчины, но ни разу (ни разу!), даже в далёкой юности, я не влюблялась с первого взгляда. Новое чувство было настолько всеохватным, что я так и не смогла уснуть всю ночь. А рано утром, как всегда, хорошо не подумав, набрала номер Льва Аркадьевича и сказала:

– Лев Аркадьевич, не говорите мне сейчас ничего. Я скажу, что хочу сказать, и сразу же положу трубку. Если вы

сочтёте нужным, позвоните мне, когда хотите. Лев Аркадьевич, я полюбила вас.

С глубоко бьющимся сердцем я положила трубку и подумала: «Слава Богу, что у Марии Алексеевны нет телефона, иначе он непременно бы ей позвонил».

Отключила телефон и, блаженно улыбаясь, упала в сон и проспала до самого вечера.

II

В середине ноября Мария Алексеевна, Лев Аркадьевич и я были на крестинах у новорожденной.

Мы долго пытались догадаться, как назвали девочку: имени не угадал никто – её назвали Марфинькой. Грубо говоря – Марфой.

Честно сказать, я ожидала увидеть эфемерное белесое создание, но увидела упитанного крепыша с тёмными, довольно густыми для младенца волосами – Марфинька оказалась вылитым Григорием. Я с некоторым сожалением вспомнила где-то прочитанное: «Дочери, похожие на красивых отцов, часто бывают некрасивы».

Всё было торжественно и значительно, тем более, что младенец оказался на редкость спокойным – ни разу не пикнул на церемонии. Мне выпала честь быть крёстной матерью. Своих детей Бог не дал, но матерью всё-таки стала.

Дальше события стали развиваться стремительно. Помимо семейных забот, счастливая супружеская пара стала активно заниматься творчеством. Концерт в филармонии состоялся в канун женского дня, только вместо трио получился квартет – Лев Аркадьевич мастерски прочитал три моих рассказа.

Успех концерта был таков, что хоть мы самонадеянно и рассчитывали на него, но подобного не ожидали. Некоторые

номера бисировали, сцена была завалена цветами, и по окончании концерта зрители аплодировали стоя чуть не пять минут.

Праздновать наш триумф мы, естественно, отправились к Марии Алексеевне.

Стол ломился и источал вкуснейшие ароматы, пятеро людей, принадлежащих к трём разным поколениям, легко и интересно общались, пока не попросил слова Лев Аркадьевич. Его короткий монолог вызвал шок даже у Марии Алексеевны, чего уж я никак не ожидала.

– Дорогие мои, – начал Лев Аркадьевич, – мы уже выпили за наш триумф, за наших милых дам, которые нам его обеспечили в преддверии своего праздника, а сейчас я предлагаю выпить за новую супружескую пару – мы с Иришей решили пожениться.

Мне даже страшно стало от тишины, которая возникла. Первой пришла в себя Мария Алексеевна:

– Ребята, я очень люблю вас обоих, думаю, вы будете достойной парой и, возможно, не ограничитесь любовью друг друга, а последуете примеру Ляли и Гриши.

Все засмеялись, а я громче всех: родить в 42 года от 69-летнего мужчины казалось мне какой-то заоблачной фантастикой.

...Почти через год моему самому любимому мужчине на свете исполнилось 70 лет. Ни раньше, ни позже, – именно в день юбилея я подарила мужу дочку, которую иначе, чем Мария, мы назвать не могли.

– Мария Алексеевна на праздновании этого события сказала: – У Даля есть пословица: «Не у каждого жена Мария, а кому Бог дал». Ты ведь подтвердишь, Лёва, что я была доброй женой своему Андрею. Думаю, вашему будущему зятю, молодые мои друзья, повезёт не меньше.

РАЙКА

Райка была непутёвой. Таких, как она, обычно называют непечатным словом, которое частенько прилипает навсегда. Она знала, что о ней говорят, но только посмеивалась и бесшабашно махала рукой: «Пусть!»

Она была вызывающе бесстыдной. Очередной её хахаль обалдело моргал глазами, когда она, долго не раздумывая, сбрасывала с себя всё до последней ниточки, даже ничуть не порозовев от смущения. А собственно, чего ей было стесняться? Смуглой гладкой кожи? Грудь, которой позавидовала бы и Венера Милосская? Упругого живота? Она знала, что хороша. Поэтому наготы своей не стыдилась и в объятья новой «жертвы» шла бесстрашно. Её поцелуи сводили с ума, ласки были неистовы. Затянувшееся девичество взорвалось неожиданной страстью, ненасытностью. Истосковавшись по нежности, она стала отдавать себя далеко не избранным.

А мужики к ней так и липли, слетались, словно мухи на мёд. Пик её бурной жизни приходился на лето. Местом «охоты» был пляж, на котором Райка чувствовала себя королевой. Стройная, загорелая, в белом купальнике, который ещё больше подчёркивал гладкую смуглость кожи и прикрывал только то, что уж никак нельзя открыть, легко ступая на носках, чтобы ноги казались ещё длиннее, она прохаживалась по берегу и удовлетворённо замечала: все смотрят только на неё. И если она захочет, то уйдёт с пляжа с тем блондином в очках или с тем поджарым усачом, или с солидным дяденькой, который годится в отцы.

А вот зимой Райка хандрила. В стужу декольтированное платье не наденешь, поэтому зимой она была, как все. И даже похуже некоторых. Купить шикарную шубу или экстравагантную дублёнку было не по карману, приходилось довольствоваться простеньким пальто с песцовым воротником и шапкой из искусственного меха. К тому же Рай-

ка не выносила холода, лицо её на морозе становилось бледно-зелёным, а нос краснел. На работе покрасоваться было не перед кем – коллектив бабий, ходить на танцы – возраст вышел. Так что зимой круг поклонников заметно сужался. И Райка тосковала. Но тосковала не по мужским объятиям, а по ребёнку, которому она не позволила появиться на свет. Частенько она плакала тайком и чувствовала себя очень несчастной.

В один из таких припадков тоски Райка, неожиданно для знакомых, родственников и самой себя, вышла замуж.

– Везёт же шлюхам, – говорили завистники, – такого парня отхватила. Парень действительно был хоть куда – красавец и со звёздами на погонах. Он с седьмого класса любил Райку безответной любовью (на одноклассников она внимания не обращала), пытался ей писать и из училища, и с места службы, но ответа ни разу не получил.

И вот приехал в родные места и зашёл к ней. Увидел и обомлел: была красивая, а стала необыкновенная. Стояла перед ним в летнем тесноватом халатике, высоко открывавшем голые коленки, и улыбалась, блестя зубами, которых, казалось, было раза в два больше, чем положено:

– Кого я вижу? Лёшенька пожаловал!

А глаза были тоскливые-тоскливые, и Алексей вдруг ощутил, что совсем ей не весело, и бравада её напускная, и лет ей столько же, сколько ему, – двадцать семь.

И неожиданно вырвалось затаённое:

– Рая, выходи за меня замуж.

Лицо Райки побледнело, улыбка исчезла, карие глаза превратились в чёрные. Лёша испугался: «Что я говорю, дурак», а она спросила тихо:

– Ты серьёзно, Лёша?

Всяких слов наслышалась от мужиков, от иных – голова кругом шла, но такой вот простой фразы из четырёх слов: «Выходи за меня замуж» ни разу ни от кого не слышала, поэтому и напугалась сначала, поэтому и не поверила.

А он:

– Да, серьёзно.

– А ты разве ничего про меня не слышал?

– И не собираюсь слушать. Я люблю тебя.

...Со свадьбой не задолили. Уехали молодые на Север, зажили своим домом.

Сказал бы кто-нибудь Райке, что она выйдет замуж за Лёшку, – может, и поверила бы. Но если бы кто-то предположил, что полюбит его – на смех бы подняла.

А ведь полюбила. Так полюбила, что и думать ни о чём больше не могла – один Лёша в голове. Представляла раньше семейную жизнь скучной, а она такой радостной оказалась! Разве можно было с чем-то другим сравнить те счастливые минуты, когда колдовала над обедом, всякий раз пытаюсь удивить своего неприхотливого к еде мужа, и краснела от удовольствия, когда он хвалил стряпню её, и гладила его рубашки, и ждала до глубокой ночи его со службы, и стелила постель, и обнимала, усталого, и замирала на груди его.

Но чем больше привязывалась Райка к мужу, тем мучительней становилось от сознания прошлой греховности. И не было дня, чтобы она не казнила себя, не вспоминала со стыдом своей легкомысленности в той жизни, которая была до замужества.

Лёша ни разу её ни о чём не спросил, ни в чём не упрекнул, для него не существовало её прошлое. Для неё же оно было проклятьем, и не давало быть по-настоящему счастливой.

Искуплением грехов своих Райка считала рождение дочери. Этот день, 23 февраля (как раз на мужнин праздник подгадала), был страшно долгим и мучительным. С утра и почти до полуночи тело терзала невыносимая боль, от которой совершенно некуда было деться, и были в кровь искушены губы, не позволявшие вырваться наружу стонам, и казалось, она не выдержит всего этого и умрёт.

А когда всё закончилось, и ей показали крохотного ребёнка со сморщенным красным личиком, ей стало так спокойно, так хорошо, что она заплакала.

Что с тобой, – испугалась акушерка, – сына, что ли, хотели?

Так и не поняла, что слёзы эти от счастья.

Но когда Раиса впервые после роддома зашла в ванную и увидела себя голую в зеркале, она пришла в ужас – такой показалась себе безобразной.

Её рыдания напугали Алексея. Он чуть дверь в ванную не выломал. Долго допытывался, в чём дело, а когда она призналась в причине своих слёз, рассмеялся и сказал:

– Какая же ты дурёха. Неужели не понимаешь, что для меня ещё прекраснее стала.

И, помолчав, полушутливо добавил:

– Или ты хочешь не только мне нравиться?

– Что ты? – испуганно встрепенулась Раиса. – Только тебе.

А сама подумала с какой-то мстительностью, словно и не о себе: «Всегда бы была такой, так не фигурировала бы по пляжам».

А он целовал её мокрые глаза и твердил, что любит её ещё больше, чем прежде.

– Ты себе представить не можешь, как я тебе благодарен за всё: что уехала со мной, что такую дочь мне родила.

Он наклонился над детской кроваткой:

– Она будет такой же красавицей, как и ты.

Раиса тоже посмотрела на спящую дочурку. Её личико всё ещё было красненьким и совсем некрасивым. Лёша переводил взгляд с дочки на жену и улыбался ласково.

А Раиса, сияя глазами и зубами, неожиданно ощутила страх от пришедшей в голову мысли, что не заслужила она столь большого счастья, и оно может оборваться. На миг, помрачнев лицом, отогнала неприятное прочь, опять разублабалась, заражённая радостью мужа. В этот вечер она ещё

не подозревала, что отныне страх будет сопутствовать её счастью всегда, всегда она будет ждать от жизни чего-то непоправимо-жестокое, и будет ругать себя за чёрные мысли, подавлять их, но они будут преследовать её, подобно тучам, которые упорно не хотят, чтобы небо было чистым и ясным.

ЧИСТО СОВЕТСКОЕ УБИЙСТВО

Свою жену Фёдор любил безумно. Иного слова не подберёшь. Ещё более безумной была его ревность. И не то чтобы она повод давала, а вот ревновал, и всё. По гороскопу он был Раком, а Раки – они все такие – ревнивые и подозрительные. Да, умом он понимал, что Лялька ему верна, а вот с сердцем сладить не мог. Да и как с ним сладишь, если мужики с нескрываемым бесстыдством на неё пялились, даже когда законный муж рядом шёл. Нет, она на эти взгляды внимания не обращала. Как будто. Но он же чувствовал, что только вида не подавала, а сама купалась в этих взглядах, упивалась ими, а иногда даже торжествующей улыбки скрыть не могла. А изменять – не изменяла, знала, что убьёт. Он ей однажды так и сказал: «Узнаю что – убью».

Любила ли она его? Любила. Сначала. И ревность его сперва удовольствие доставляла. Ревнует – значит, любит. Все знают. Потом это начало раздражать. Даже не столько само его чувство, сколько неумение или нежелание держать свои эмоции в себе. Ему все подозрения и переживания обязательно надо было вылить на её бедную голову. Сначала Лялька посмеивалась, потом начала огрызаться, скандалы стали привычным делом. Когда он пригрозил: «Узнаю что – убью», со страхом подумала: «А ведь и вправду убьёт». А на примете уже был один, молодой, неженатый. Ляльке только тридцать стукнуло (самый расцвет), Фёдору – сорок, а тому – всего двадцать пять. Правда, из молодых, да ранний. К

Ляльке клинья подбивал решительно, плевать хотел, что старше его и замужем. И она чувствовала – не устоит. Только страх перед мужем сдерживал. Иногда ей мечталось: хоть бы врезался в кого-нибудь (Фёдор шофёром работал), не убился бы, так в тюрьму попал. Ах, как хотелось ей свободы. Детей у них не было, Фёдор со своей ревностью за семь лет семейной жизни вконец осточертел ей, но о разводе нельзя было и заикнуться.

План избавления у неё созрел случайно. Жили они в коммунальной квартире, которую, кроме них, заселяли ещё две семьи и две одиночки. С одной из них, бабкой Глафирой, Лялька дружила. Однажды зашла к ней чайку попить, а бабка принялась про жизнь расспрашивать: почему детей нет, да любит ли Фёдор.

– Да любит, баба Глаша, но уж больно ревнивый, житья нет.

– Но вроде не колотит...

– Колотить не колотит, а убить обещался.

– Ты гляди... Он может. Иногда как набьётся, как глянет исподлобья – мороз по коже. Ты уж хвостом-то не крути.

И вдруг у Ляльки мелькнула мысль: а может, не дожидаться, пока убьёт, а до того от него избавиться? И так засе-ло в мозгу, что день и ночь свербило. И стала Лялька всем подряд рассказывать, что Фёдор убить её грозит. А по отношению к нему сделалась такой резкой, такой строптивой, что однажды и правда от мужа получила. Да не рассчитал Фёдор богатырской силы – до кровоподтёка вдарил. Зарыдала Лялька и бросилась к бабке Глафире:

– Спаси от изверга – убьёт!

Фёдор за нею прибежал, в ногах валялся, обещал:

– Пальцем больше никогда не трону.

А когда уехал в командировку, Лялька, недолго думая, сорвалась, ничего не взяв, и с двадцатипятилетним ухажёром укатила. Тот хоть с работы уволился, а она – нет. Пусть думают – пропала.

Вернулся Фёдор через неделю – жены нет. К её матери ринулся – нету, к подругам – нету. Бредёт – темнее тучи. Бабка Глафира из комнаты нос высунула:

– Приехал, голубчик? А Лялочка где?

– У матери, – буркнул. Да враз и забыл, что сказал, другой соседке – ответил: в командировку уехала.

День Ляльки нет, неделю нет. Решил в милицию заявить, да соседи его опередили – не просто заявили, а показали: он сам жену убил.

На суде все подтвердили: бил и убить собирался. Да припомнили, что после её пропажи одним говорил одно, другим – другое. Наш «самый гуманный суд» не внял ни тому, что подозреваемый в содеянном так и не сознался, ни тому, что труп не был найден, – засадили Фёдора на семь лет. Сказали, чтобы радовался – мало получил.

И просидел Феденька от звонка до звонка. На четвёртом году переписываться с женщиной стал. Наталья Ивановна её звали, такие душевные письма писала. К ней из заключения и поехал. Поженились. Ему было 47, ей – 40, а двоих детей ему родила. Лялька его всё время убеждала, что от него детей быть не может, потому что в ракетных войсках служил. И он, дурак, верил.

Прожили «молодые» три года, два пацана подрастали: Пашке – два, Сашке – год. Привязался Фёдор к Наталье, полюбил. Только любовь не такая, как к Лялке, – спокойная, без ревности. Может, потому, что сам немного поумнел, может, потому, что знал: Наталье уж точно не до мужиков – то с пузом ходит, то с детьми нянчится, а собой – тоже ничего, расплнела, правда, после родов, но некоторым нравится.

Так вот, через три года совместной жизни потянуло его на родину, сорвал он Наталью с детьми с насиженного места, прикатили – благо жить было где – мать на старости лет одна в пятистенном доме осталась.

Фёдор по-прежнему шоферил, о семье изо всех сил пёкся.

Однажды, получив получку и купив гостинцев, соби-
рался подрулить к дому да ребят немного поката-
ть, как вдруг видит из окна кабины: идёт... Лялька. Глазам не поверил.
Лялька! И всё такая же. По лицу, может, и видно, что к соро-
ка, а фигура девчоночья. Идёт независимой походочкой, а
мужики, как и десять лет назад, плятятся. Подрулил Фёдор к
тротуару, выскочил. Лялька отшатнулась, побелела, а по-
том ничего – пришла в себя, разулыбалась:

– Привет, Федя. Я всё про тебя знаю, про твою счастли-
вую семейную жизнь.

Улыбнулся Фёдор:

– Садись, покатаю. Ты мне про свою счастливую жизнь
расскажешь.

Едут, болтают. У Фёдора в душе ни любви, ни ненависти
– всё прошло. Даже жалость к Ляльке появилась: хороша-
то хороша, да ведь одна – ни мужа, ни детей. Толку-то от её
красоты.

Она видит, что он на неё жалостливо поглядывает, так
всплакнула даже:

– Ох, Феденька, а ведь мы с тобой хорошо жили.

По простоте душевной и выложила, как сама его под
тюрьму подвела. Вспомнил Фёдор семь лет на нарах, такое
его зло разобрало, что остановил он машину возле лесной
опушки, выволок Ляльку за волосы и вдарил башкой о пень.
И опять силы не рассчитал. Она и охнуть не успела, как всё
было кончено.

Напугался Фёдор до смерти. Так и бросил её на опушке,
сел в машину и погнал. Приехал домой, гостинцы раздаёт, а
сам трясётся весь. Наталья всполошилась:

– Что с тобой, на тебе лица нет?!

А он:

– Тороплюсь очень, в срочную командировку послали,
скоро не ждите.

На базу приехал, отпуск за свой счёт выпросил и укатил
в Архангельск, где у него дружок-сокамерник жил. Всё как

на духу ему выложил, совета спрашивает: куда податься, чтобы не нашли? А тот ему в ответ:

– Ты чего, полудурок, что ли? Чего тебе скрываться? Поезжай к Сашке, Пашке да Наташке и живи спокойно. Ты уже семь лет отсидел. За что? За убийство своей б... А второй раз за одно и то же не сажают.

– А ведь и правда, – дошло до Фёдора. – Я ведь за то и сидел, что только сейчас сделал.

Отлегло от сердца. Напоил кореша на радости и домой вернулся.

...Через три дня Фёдора забрали.

До сих пор сидит.

СУД НАД ЛЮБОВЬЮ

Наталье Сергеевне надо было срочно позвонить. Она зашла в кабинку телефона-автомата, но тот глумливо съел и одну, и вторую монету. Больше не было. Вышла с досадой, огляделась. Смеркалось. Редкие прохожие не останавливались на ней взглядами. Но вот молодой человек, поравнявшись с нею, посмотрел с интересом. Осмелилась спросить у него монетку. Порылся озабоченно в карманах – не нашёл.

– Знаете, – обратился несколько смущённо, – я могу вас выручить по-другому: мы стоим возле моего дома – видите – окна светятся? – можете зайти и позвонить от нас.

– А кто у вас дома?

– Мама, наверное...

Наталья Сергеевна потопталась в нерешительности. Позвонить надо было обязательно, но... Впрочем, молодой человек внушал доверие: и внешне вполне приличный, и по возрасту – чуть не в сыновья ей годился. Так что после непродолжительных раздумий она согласилась на его предложение. Дома и вправду оказалась мама, милая женщина лет пятиде-

сти. радушно разрешила воспользоваться телефоном и ушла, чтобы не мешать.

Наталья Сергеевна, позвонив, искренне поблагодарила Сашу (она уже знала, как зовут молодого человека) и направилась к двери.

– Теперь я вас обязан проводить, – сказал он, – уже поздно.

– Да что вы, – смутилась Наталья Сергеевна, – вы мне уже оказали любезность, большего не надо.

– Не возражайте, пожалуйста, в наше время женщине, к тому же такой красивой, опасно ходить одной вечером.

Наталья Сергеевна смутилась ещё больше. По виду Саша был чуть старше её дочери, и она, привыкшая к комплиментам, слегка растерялась, услышав их от мальчика. «Наверное, он решил, что я значительно моложе, – подумалось ей, и тщеславное чувство поднялось в душе тёплой волной. Приятно, чёрт возьми, когда тобою, которой за сорок, любуются даже мальчики».

До её дома путь был неблизкий – на двух автобусах ехать, но он проводил её до самого подъезда, а на прощание спросил телефон. И она продиктовала номер.

Дома была дочь с очередным поклонником.

– Игорь, – представила Алёна его матери, и Наталья Сергеевна полуосознанно отметила: а он старше Саши.

После чаепития Игорь отправился восвояси, а мать с дочерью, забравшись с ногами на диван (они частенько доверительно беседовали именно здесь), стали рассказывать друг другу о событиях прошедшего дня, и Наталья Сергеевна сказала о Саше.

– Ну, ты, мать, даёшь, – полушутя, полувозмущённо заговорила Алёна. – Это надо додуматься – телефон дать. Может, встречаться с ним начнёшь? Со мной познакомь. Вот для него сюрприз будет – дочка-школьница (Наталья Сергеевна призналась Алёне, что так сказала Саше о дочери).

Сейчас она как-то по-новому взглянула на дочь: рослая блондинка с роскошными формами выглядела даже постарше своих двадцати.

Наталья Сергеевна подошла к зеркалу: да, конечно, она ещё хороша – и фигура, как у девушки, стройные ноги, высокая грудь. Но предательские морщинки возле глаз и кое-где мелькавшие седины уже выдавали возраст. Без сомнения, на сорок три она ещё не «тянет», но уж меньше тридцати пяти никак не дашь. А Саше – двадцать пять. Не мог же он принять её за свою ровесницу.

– Знаешь, мама, – подошла сзади дочь, – сейчас у некоторых парней пошла мода на старух, дескать, они покладистее молодых, а сексуальный опыт у них богаче.

– Слушай, ты хоть думай, о чём говоришь, – возмутилась Наталья Сергеевна, – я, что, по-твоему, на лёгкую добычу похожа?

– Прости, мама, – потёрлась Алёна носом об её щёку. – Надеюсь, ты не будешь с ним встречаться...

– Это мои проблемы, – сухо ответила Наталья Сергеевна и ушла в свою комнату.

...А потом – закружилось, завертелось. Она не смогла отказать Саше в первом свидании, не смогла отказать во втором. А третья встреча, когда Алёна уехала на дачу к подруге, была уже в её квартире. И всё случилось головокружительно быстро – Наталья Сергеевна и Саша стали близки, и их отношения приобрели такую высокую гармонию, которой она не знала никогда и ни с кем – даже с отцом Алёны, за которого она выскочила двадцатилетней, и пять лет, пока она не узнала, что он ей изменяет, пребывала в постоянной эйфории от его близости.

А Саша совсем потерял голову. Он уже не мог и дня прожить без своей Наталки, как он её теперь называл, и уже принялся поговаривать о супружеских узах, и уже возмущался: почему ты не познакомишь меня с дочерью, куда её прячешь, когда прихожу?

– Посмотрел бы ты на мою дочь-кобылку, – думалось Наталье Сергеевне, – по-другому бы запел.

А ведь случилось, что встретиться им пришлось.

Однажды, разругавшись с Игорем, а может, с Олегом или Николаем (Наталья Сергеевна запугалась в её поклонниках), вместо театра неожиданно явилась домой.

Когда Наталья Сергеевна увидела изумлённые глаза Саши, она поняла – это конец. Алёна, познакомившись с ним, ухмыльнулась злорадно и, молвив с сарказмом: «Не буду мешать молодым» – ушла. А Наталья Сергеевна растеклась, да так, что Саша испуганно бросился искать Эльтерьянку.

– Ну, что ты, что ты... Ничего же не случилось, – гладил он её вздрагивающие плечи.

– Но ты-то теперь понял, какая я старуха, – продолжала рыдать она.

– Господи, да я же и не считал никогда тебя своей ровесницей.

– Но ведь не восемнадцать же лет разницы...

– Да какое это имеет значение, если я люблю тебя, если без тебя не могу, если ты мне дороже всех на свете.

Он осыпал её поцелуями, говорил ласковые слова, и оба они поверили в своё будущее и не могли предположить, что этот вечер был, по сути дела, последним в их непродолжительных отношениях.

Алёна развила бурную деятельность, чтобы уберечь мать от опрометчивых, как она считала поступков. Она подключила на борьбу с маминим «бзиком» бабушку, дедушку, всех родственников и подруг Натальи Сергеевны. И началась массированная психологическая обработка. Дня не проходило, чтобы кто-то – мать, дочь или подруга – не «капали» на мозги и душу: вы не пара, он поматросит и бросит, он потом на дочь перекинется, стыдно связывать свою жизнь с «сыном», и так далее, и т.д. В конце концов Наталья Сергеевна сломалась. Ей уже хотелось одного: чтобы Саша оста-

вил её в покое. А ему этого не хотелось. Чем больше она от него отдалялась, тем нужнее ему становилась. Она его избегала, он звонил, «пас» её у подъезда, рыскал по улицам, как голодный волк.

Последней их встрече предшествовал телефонный разговор: – Саша, оставь меня в покое, я поняла, что не люблю тебя, – устало произнесла Наталья Сергеевна.

– Я не верю этому! – отчаянно закричал он.

– Но это так.

Тогда он взмолился о последней встрече, дал слово, что после неё вообще не будет показываться ей на глаза. И Наталья Сергеевна согласилась. К тому времени она уже была психологически раздавлена, состояние депрессии не оставляло её ни на минуту, и она, вроде бы, и правда, уже не чувствовала никакой любви в своей душе.

Они встретились у него. Он горячо доказывал ей, что их любовь выдержит все испытания, что они обязаны быть вместе, что не будет им жизни друг без друга. Она сидела безучастно в кресле, уставившись в одну точку, и, казалось, даже не слышала того, что он говорит ей.

– Да снись ты, в конце концов! – затряс он её за плечи.
– Я люблю тебя, слышишь?!

– Господи, как ты надоел мне, щенок! – тоже вдруг закричала она. – Да я-то тебя не люблю и никогда не любила. Лестно было: такой молодой и влюбился в меня, старуху. Значит, ничего я ещё баба.

– Что ты говоришь?! – вскинулся он. – Что ты говоришь?!

– То, что думаю, – зло рассмеялась она и пошла к двери.

– Нет, ты не уйдёшь, – схватил он её резко за руку. Его совершенно белое лицо и бешеные глаза напугали её. Она резко рванулась, так, что затрещал оторванный рукав блузки, но он ещё крепче сжал её руку. – Не любишь? Лестно было? Поиграть захотела? – уже не кричал, а хриплым шепотом спрашивал он.

– Да, да, да! Не люблю! – оправившись от испуга, вскричала она.

...На суде он не смог объяснить, откуда в его руках взялся нож. Ненавидящими глазами смотрели на него потерпевшие, близкие Натальи Сергеевны, уже оплакавшие её и не чувствовавшие себя виноватыми.

УШЛА, НЕ ОГЛЯДЫВАЯСЯ...

– Ха-ха-ха! – саркастически прогундосила Виктория Павловна, когда муж возник на пороге навеселе и слегка заплетающимся языком сообщил, что ему предложили должность заведующего редакцией художественной литературы (он работал в книжном издательстве).

– Это тебя-то, недотёпу и алкаша, в руководители?

– Какой же я алкаш? – обиделся Семён. – Да меньше меня никто в издательстве не пьёт. А что касается недотёпы – со всеми обязанностями всегда справлялся исправно.

– Недаром у всех твоих пьющих коллег – роскошные квартиры, машины, фазенды. А у тебя – квартира, доставшаяся, благодаря мне, да паршивая дачка, куда и гостей-то пригласить стыдно.

– Ну, знаешь, у тебя одни ценности, у меня – другие.

– Вот и живи со своими ценностями, деятель хренов! – Виктория хлопнула дверью и ушла готовить ужин.

Семён горестно присел на низенькую табуретку в прихожей и принялся расшнуровывать ботинки.

– Ну почему, – думал он, – живём шестнадцать лет, уже дочь почти невеста, а близости и понимания как не было, так и нет.

Он не пошёл на кухню, уселся перед телевизором и поклялся, что не скажет больше ни слова.

– Иди есть, – заглянула в комнату Виктория.

Семён даже головы не повернул в её сторону.

– Накормили, что ли? – язвительно прошипела супруга.

Опять ни звука. Вновь хлопнула дверь. Вот привычка! А на людях – образцово-показательная жена: «Сёмочка, Сёмочка», и ни одного вульгарного слова. «Хамелеониха», – зло подумал Семён.

Внезапно на него нахлынули воспоминания, и он в который уже раз подумал: «А ведь могло быть счастье, могло, если б не побоялся в своё время потерять свободу. Ведь любил же он, любил!» Вспомнилась Наденька, хрупкая, светлоглазая, вроде, и не красавица, но столько тепла шло от её взгляда, улыбки. Как она умела слушать, восхищаться, поддерживать советом и делом. Она училась на третьем курсе пединститута, жила в общежитии. Он к тому времени уже закончил журфак и работал в областной газете. Любил Наденьку, но разве мог её, такую чистую и по-деревенски простодушную, тронуть? А жениться – какое там? Она в общежитии, он – в коммуналке. Да и рано жениться в 26 лет, считал он.

Однако любовь любовью, но и без плотских утех обойтись было невозможно. А его так усиленно обхаживала секретарша редакции – яркая Виктория. Была она немногим старше Наденьки, но, чувствовалось, прошла уже огни и воды. Семён, естественно, на ней жениться тоже не помышлял, но она была так сексопильна, обтягивающие плаття и юбки настолько подчёркивали соблазнительные грудь и бёдра, что не один Семён облизывался, глядя на неё. Однажды она пригласила его на кофе (родители в это время в отпуск уехали), и, конечно, он остался у неё, хотя знал (знал!), что его Наденька ждёт.

Потом началась двойная жизнь: без Наденьки себя не мыслил и без Вики уже не мог. Хотя – что Вика? Их только постель связывала. Кроме вызывающей внешности и сексуальности, в остальном она была человеком настолько серым и ограниченным, что Семёна с его университетским образованием это порой ставило в тупик. Как только страсть иссякала, он стремился быстрее убежать – становилось не-

---

стерпимо скучно с ней. Наденька по своей наивности и доверчивости ни о чём не догадывалась, а так как в любви друг другу они уже признались, то всё его враньё (а как было не научиться лгать в такой ситуации?) она принимала за чистую монету.

Он никогда не забудет их первый поцелуй. Наденька охнула, отпрянула, а потом прижалась к нему всем худеньким телом, будто срастись с ним хотела. Они целовались так, что у неё губы распухли. Когда же он начал расстёгивать её блузку, чтобы прикоснуться к груди, она поначалу сопротивлялась, а потом отбросила стыдливость и сама помогла расстегнуть пуговички. Господи, что с ним было, когда увидел девичью, невинную, нежную грудь. Он даже застонал, так это было прекрасно и сладостно. Наверное, тогда бы могло случиться всё, но трезвая мысль остановила порыв: лишив Наденьку невинности (в её целомудренности он не сомневался нисколько), он просто обязан был бы на ней жениться, а в его планы это не входило. Но тот вечер остался в его памяти, как самый восхитительный во всей его жизни.

... Через несколько дней Виктория объявила Семёну, что беременна. Семён и сейчас хватался за голову, вспоминая разговор, который тогда произошёл между ними.

— Если за аборт надо платить, я дам столько денег, сколько нужно.

— Да? Ты не знаешь, что первый аборт грозит бесплодием?

— А у тебя разве первый? — изобразил он недоумение.

Господи! Что посыпалось из ее прелестного рта! Каких только эпитетов он не удостоился! Когда все грязные слова иссякли, она торжественно провозгласила: «Можешь от меня отказаться! Но ребёнка я всё равно рожу, и тебе восемнадцать лет придётся платить алименты, потому что вся редакция знает о наших отношениях. Будет ли чиста твоя совесть, что ребёнок растёт без отца, меня уже не волнует».

...Он шёл от неё, не зная, куда идёт, не зная, как жить дальше. Ноги сами привели к общежитию Наденьки. Он долго стоял перед светящимся окном её комнаты, курил сигарету за сигаретой, потом решил: «Пойду к ней».

Она была в комнате одна. На условный стук он услышал радостно-громкое: «Войдите!». Сердце захолонуло в груди. Как же понимала его Наденька! Уже готовая броситься к нему на шею, вдруг резко остановилась посередине комнаты, прижала кулачки к груди, лицо сделалось таким испуганным, что ему даже страшно стало.

– Что-то случилось? – выдохнула она.

– Случилось, Наденька. Жизнь покатила под откос.

– У тебя появилась другая? – в её голосе звучали тревога и надежда.

– Хуже, Наденька. Я никого и никогда не любил, кроме тебя, да, скорее всего, и не сумею полюбить больше. Но, родная моя, ты – девочка, а я – мужик и старше тебя на шесть лет. Ну, ты же понимаешь, есть душа, а есть тело...

– Ты хочешь сказать, что, любя меня, ходил удовлетворять свои физиологические потребности к другой женщине, и теперь... теперь ты вынужден на ней жениться? Я тебя правильно поняла?

– Господи, Наденька, откуда в тебе, такой юной, столько мудрости?

– Но я-то, я! Я же готова была тебе всю себя отдать, без остатка, и не требовала бы жениться на мне, если бы ты сам этого не захотел.

– Наденька, родная моя, что же мне делать теперь? Я понимаю, что кретин, но там... будет ребёнок.

Такого лица у Нади он не видел никогда. Оно стало непроницаемо холодным и совершенно бескровным. Хоть бы одна слезинка выкатилась при этом, и то, наверное, легче было бы.

– Уходи, Семён. Желаю тебе счастья в семейной жизни. Обо мне не беспокойся, я ведь только на вид слабенькая. Я сильная. Выдержу.

– Наденька, милая Наденька, если бы ты только знала, как люблю тебя. Но... она сказала, что родит даже в том случае, если я на ней не женюсь. Ты же сама росла без отца...

– Не надо, Семён. Уходи. Честное слово, я желаю тебе счастья. Уходи.

И он ушёл. Они с Викторией переехали в другой город, к её тётке, она жила одна в той самой трёхкомнатной квартире, которой и попрекала его супруга. Тётка восемь лет назад умерла, поэтому жили они втроём – вскоре после переезда родилась дочь Юля. Наденьку с тех пор он больше никогда не видел и ничего о ней не знал.

Виктория нигде не работала, целиком зациклилась на семейной жизни, но духовной близости с Семёном у неё так и не получилось. Она без конца вылизывала свою квартиру, готовила вкусные обеды, но за всю жизнь не прочитала ни одной книги. Она не читала даже то, что писал Семён, а ведь писал он не только статьи и репортажи, изредка печатал и рассказы. Написал даже небольшую повестушку, которую пока держал в столе. Ах, была бы рядом Наденька, она наверняка стала бы его первым читателем и критиком. Виктория же его творчество называла презрительно писаниной. Вот «шабашки» – рекламные статьи, к примеру, – приносящие немалый доход, она одобряла. Если бы он делал только такую работу, наверняка не был бы в её глазах недотёпой.

– А может, бросить всё к чёртовой матери и уйти? – подумалось вдруг. – Дочь уже не младенец, поймёт, ведь видит же, какие отношения у него с её матерью (кстати, Юля с ним была более дружна, чем с Викторией).

Мгновенно созревшее решение, возможно, не без влияния невыветрившегося алкоголя, заставило его быстренько собрать чемодан. Он недолго думал, к кому идти, – у его

близкого приятеля, Володи Горева, на днях положили в больницу жену, поэтому он кантовался один. Семён пошёл в ванную за зубной щёткой, но за закрытой дверью лилась вода. Он понял, что Виктория либо моется, либо стирает, и подумал: «Ещё лучше. Уйду по-английски, а дочке завтра позвоню и всё объясню».

...Сидели с Володей на кухне, пили водку, и Семён рассказывал о Наденьке, о своей теперешней жизни и о том, как был когда-то молодым дураком, за что сейчас и расплачивается.

– А теперь уж никуда не денешься, – резонно заметил Володя. – Порыпаешься и вернёшься.

– Ни за что! – с горячностью возразил Семён.

– А жить где будешь? Квартиру разменяешь?

– Об этом и речи быть не может. Во-первых, это квартира её тётки, во-вторых, дочь уже невеста. Может, комнату где сниму.

– Давай я тебя с бабой познакомлю, – неожиданно предложил Владимир. – Одна в двухкомнатной квартире живёт.

– Господи, да я теперь этих баб, как чёрт ладана, боюсь.

– Ну, такними у неё комнату. Она, между прочим, в деньгах нуждается – недавно на работе сократили. Комнаты изолированные, будет своя автономная. Хочешь, прямо сейчас и поедем.

– Удобно ли?

– Удобно, не волнуйся. – Не заручившись согласием Семёна, тут же набрал номер: – Але! Привет, красавица! Деловой разговор к тебе имеется. Примешь меня с приятелем? Чего привезти? Ха-ха! Молоток!

Положил трубку и довольно потёр руки.

– А что это ты с ней накоротке? – удивился Семён.

– Так я её знаю почти с пелёнок. Она – сестра моего лучшего друга, царство ему небесное. Классная баба, между прочим, но жутко несчастная.

– Чем?

– Да рок над ней какой-то. В детстве отца лишилась, потом брат – мой кореш – на мотоцикле разбился, мать от горя слегла, Ленка за ней, парализованной, три года ходила. Поэтому и замуж не вышла, хотя отбоя от женихов не было. А сейчас что? Женихи переженились. Её вот на работе сохранили. Так что ты для неё находкой будешь.

Через полчаса Семён, Володя и Лена сидели в уютной светлой кухоньке и пили коньяк под шоколадные конфеты. Хозяйка квартиры оказалась простой, общительной и обаятельной женщиной тридцати пяти лет. Когда к ней ехали, Семёну почему-то до боли захотелось, чтобы она походила на Наденьку. Увы, она была темноволосой, кареглазой, слегка полноватой, не очень-то и красивой, пока не улыбалась. А улыбка у неё была потрясающей: ровнёхонькие блестящие зубы и ямочки на щеках. Договорились обо всём сразу.

– Меня лишь одно беспокоит, – сказала Лена, – не решит ли ваша жена, что вы не комнату сняли, а к другой женщине ушли?

– Что она решит, меня мало волнует, – отрезал Семен, и больше к этой теме не возвращались.

...Наутро Виктория заявила в издательство:

– Ты что, идиот? Попугать меня решил? Ты где ночевал?

– Виктория, – Семён старался говорить спокойно, – я ушёл от тебя навсегда.

– Что?! – жена даже поперхнулась. – Помоложе, что ли, нашёл?

– Я никого не нашёл и искать не собираюсь, но жить с тобой больше не буду.

– Кретин! Ты ещё пожалеешь, на коленях приползёшь. И не думай, что получишь хотя бы метр моей жилплощади. Хоть бы о дочери подумал. Ничего! На меня мужики ещё только так западают! Не одумаешься, покусаешь локотки-то.

Она ушла, а Семён набрал номер домашнего телефона (дочь училась во вторую смену), сбивчиво объяснил, что произошло. Как ни странно, дочь отнеслась ко всему спокойно и только спросила: «Надеюсь, это не помешает нашей дружбе?»

– Господи, Юленька, какая же ты у меня умница.

– Папочка, извини, я прочитала твою повесть, она мне очень-очень понравилась.

– Спасибо, дочурка. Позвони мне, когда будешь дома одна, я приду забрать кое-какие вещи.

Семёну хотелось прыгать от радости. Понимание дочери, конец постылой семейной жизни, новая работа и благодаря Юле ещё более укрепившаяся вера в своё литературное призвание сделали его по-настоящему счастливым.

Ах, если бы он знал, что ждёт его впереди! Виктория, прознав про его новое место жительства, решила, что он ушёл к любовнице, звонила, угрожала и даже явилась однажды, понося несусветными словами ни в чём не повинную Лену.

– Съезжайте, Семён Мефодьевич, – сказала Лена. – Ни один человек в жизни меня так не оскорблял. Ещё одного такого визита я не выдержу.

...И Семён опять вернулся в семью. Жил он теперь изолированно, общался только с дочерью, из своей комнаты не выходил вообще, если Виктория была дома. И... ничего больше не писал. Ни одного рассказика из-под его пера не вышло. Зато всё чаще пил в одиночку горькую. Напившись, звал дочь и без конца рассказывал ей о Наденьке. Однажды Юля сказала: «Пап, так, выходит, это я виновата в том, что твоя жизнь не удалась...»

– Господи, Юленька, – вмиг протрезвел Семён, – только ты – оправдание моей неудавшейся жизни. Ты – единственный человек на этом свете, которого я люблю и не разлюблю никогда.

...Почти год продолжалась эта жизнь-существование. Однажды, когда он разложил на столе рукопись очередного графомана и поставил перед собой бутылку водки, в комнату вошла Юля. Очень строгая, очень серьёзная, с какими-то неожиданными искорками в глазах. Забрала со стола бутылку и сказала:

– Одевайся.

– Ты что, Юля, мне работать надо.

– С бутылкой?

– А я уже не могу без неё.

– Сможешь! – твёрдо сказала дочь. – Одевайся и пойдём со мной.

– Куда?

– Узнаешь куда.

– Я никуда не пойду.

– Пойдёшь! – дочь была непреклонной и какой-то взрослой. Семён подчинился ей, как гипнотизёру.

Они вышли на улицу. Было пасмурно, моросил нудный дождь. Дочь не говорила ни слова. Зашли в соседний двор. Юля подвела отца к детскому грибку, под которым сидела женщина.

– Надежда Александровна, Семён Мефодьевич, – сказала Юля. – Надеюсь, вам есть о чём поговорить.

И ушла, не оглядываясь.

И СТОИЛО ЖИТЬ

В десятом классе, когда мы проходили Маяковского, учительница предложила почитать стихи поэта. Головы одноклассников повернулись в мою сторону – все уже привыкли, что я читаю стихи на каждом уроке литературы. И на этот раз я не обманула ожиданий и прочитала «Хорошее отношение к лошадям».

– Как всегда, отлично, – сказала Ксения Петровна, когда я закончила, и, внимательно посмотрев на меня, спросила:

– А почему ты прочитала именно это стихотворение?

– Так просто. Оно мне нравится.

– А я помню, как его читал твой отец. Он прекрасно читал. – Ксения Петровна вздохнула и добавила:

– Впрочем, ты, конечно, не можешь этого помнить, ты была маленькой.

Нет, я помнила тоже.

Мой отец умер во время летних каникул, когда мы с бабушкой гостили у моей тётки.

Однажды утром я проснулась, бабушки дома не было.

– Тётя Люся, а где баба?

Тётка на меня как-то странно посмотрела и не сразу ответила:

– Вчера позвонили... Заболел твой папа... ей пришлось уехать.

Это известие меня не взволновало: заболел – поправится, я сама часто болела и – ничего, тем более, – в школу ходить не надо, но без бабушки было скучно, и я сказала:

– Я тоже хочу домой.

– Поедем послезавтра, – пообещала тётка и погладила меня по голове.

...Через день мы ехали в автобусе. Я смотрела в окно на меняющиеся каждое мгновение картинки: стадо коров и пруд с гусями, сельское кладбище и играющие дети. Я так увлеклась (мне редко приходилось ездить), что не заметила, как у

тётки покраснел вздёрнутый нос и выпуклые серые глаза подозрительно заблестели.

Когда мы уже подъезжали к дому, тётя Люся дрогнувшим голосом сказала:

– Танечка, твой папа попал в аварию.

Недовольная, что меня оторвали от окна, я передёрнула плечами и равнодушно произнесла:

– Ну и что?

– Как что? – тётка растерялась. – Ведь совсем...

– Как это... совсем? – я оторопела. – Насмерть, что ли?

– Да... – она заплакала.

Я смотрела на неё недоуменно и не верила услышанному. Несколько дней назад отец провожал нас с бабушкой на вокзал, шутил, смеялся, поцеловал меня на прощание, я ещё щеку после вытерла, потому что терпеть не могла целоваться, и вдруг он умер. Неужели такое может быть?

Дома было много народу, знакомые и незнакомые. Мать, в чёрном платке, не похожая на себя, сидела на стуле, на меня она даже не взглянула, вроде бы, и не узнала. Бабушка меня обняла и запричитала:

– Сиротинушка ты моя!

Я вырвалась от неё, побежала в другую комнату, открыла дверь и увидела на столе гроб. Я вскрикнула и бросилась назад. Тётя Люся поймала меня, схватила на руки и понесла в комнату, где лежал отец. Я боялась, вырвалась, она меня успокаивала:

– Не бойся, ничего страшного, не бойся.

Она поднесла меня к гробу. Я с опаской взглянула на отца. Лицо его было каким-то незнакомым, в ссадинах и синяках. Но больше всего меня поразило не это. Мне показалось – отец улыбается. Я смотрела на эту улыбку, не в силах отвести глаз, а тётя Люся гладила лицо мёртвого отца и приговаривала:

– Вот видишь, совсем не страшно, совсем не страшно, я даже глажу его.

А мне, наоборот, вдруг сделалось страшно, и я уткнулась в тёткино плечо.

Потом меня отпустили во двор к ребятам, с которыми я не виделась почти неделю. Встреча была радостной – соскучились. Мальчишки (я была единственной девчонкой во дворе) до моего прихода играли в футбол, забивая мяч в пустые ворота. Я встала между двумя кирпичами-воротами, и игра возобновилась. Когда играть надоело, уселась на скамейку, и Николка, белобрысый широкоскулый пацан, на год старше меня, стал хвастаться, что у него отец – силач – каждое утро зарядку с гирями делает. Отец его, высокий, кряжистый, действительно был богатырём, и моя бабушка звала его Иваном Поддубным. Мой отец в сравнении с Николкиным выглядел маленьким и хрупким. Но хоть был он тонок в талии, зато широк в плечах, и по силе не уступал Ивану Поддубному. И я, конечно, сразу влезла в разговор:

– Подумаешь, а мой папа даже штангу поднимает, – и тут же осеклась, вспомнив вдруг – у меня уже нет папы.

И только тогда я отчётливо поняла, что отныне не буду принимать участия в разговорах об отцах, не похвастаюсь тем, что мой папа самый сильный и пишет стихи. Я буду молчать, потому что папы больше нет. Он лежит в гробу с улыбкой на лице. И я побежала домой ещё раз посмотреть на эту улыбку, такую неожиданную и неправдоподобную.

Я смотрела на неё и когда шла за гробом. Потом переводила взгляд на мать. Она едва передвигала ноги, поддерживаемая с обеих сторон своими братьями, казалось, если они отпустят её, она тут же рухнет. Мать не плакала, смотрела перед собой остановившимся взглядом, и лицо её по-прежнему было чужим и незнакомым.

Я заплакала только тогда, когда захлопнулась крышка гроба, и я перестала видеть улыбку отца, и снова с ясностью осознала: никогда-никогда больше он не будет рисовать мне

смешные рисунки, не прочитает стихов Маяковского и не сыграет на гитаре.

После кладбища были поминки. Меня отправили гулять, но я не пошла. Я взяла с полки любимую книгу отца – стихи Маяковского. И заперлась в чулане. Книга эта была кем-то подарена отцу, на её титульном листе была надпись с двумя эпиграфами: «Всё к лучшему в этом лучшем из миров» и «Жизнь – трагедия, надо суметь её стойко, с любовью сыграть». Я не знала, кто подарил эту книгу отцу, но на необитаемый остров он её бы точно взял с собой. Она была потрёпанна, как говорят, зачитана до дыр. Я нашла «Хорошее отношение к лошадям».

На первомайском вечере в доме культуры отец читал это стихотворение. Я представила его на сцене, молодого, смуглолицего, темноглазого. Вспомнила, какое ликование наполняло мою душу, когда он читал, как лошадь встала на ноги и пошла.

*Хвостом помахивала,
Рыжий ребёнок.
Пришла весёлая,
Стала в стойло.
И всё ей казалось –
Она жеребёнок,
И стоило жить,
И работать стоило.*

Отец широко улыбался, радуясь за лошадь, и все в зале улыбались по-доброму, и особенно Ксения Петровна, которая меня ещё тогда не учила, но раньше учила моего отца, и я улыбалась от уха до уха и думала: конечно же, «все мы немножко лошади».

Я сидела в чулане и твердила эти строки, заучивая наизусть, твердила, как заклинание, как клятву:

– И стоило жить, и работать стоило.

И стоило жить... И стоило жить...

ВСТРЕЧА

– До встречи, – сказал он на прощание.

– До встречи, – как эхо, отозвалась она.

Тогда Марина с Сергеем даже представить себе не могли, что встреча эта состоится лишь через девятнадцать лет.

Их уже в начальной школе прозвали Ромео и Джульетта. Как впервые зашёл за ней семилетним мальчишкой, так и носил её портфель до десятого. Из пухлой симпатяшки она превратилась в тоненькую, изящную девушку с пушистой косой, а он, как был худым и долговязым, так и остался, только раздался в плечах, да очки сели на переносицу. Все привыкли, что они всегда вдвоём, и уже связали их вместе навсегда – и родители, и учителя, и друзья. После окончания школы оба поступили в МАИ на один факультет, и их последнее «до встречи» было, когда он после первого курса уезжал в стройотряд, а она не смогла – неожиданно слегла в больницу мать, и не с кем было оставить двух братьев-близнецов, которым только что стукнуло по семь лет.

Пока он был в стройотряде, его Джульетта... выскочила замуж. Это было подобно грому среди ясного неба, даже не грому – шаровой молнии. Никто не мог объяснить её взбалмошного поступка, даже она сама. Бросила институт, дом, мать, братьев и укатила с малознакомым офицером в Приморский край. Укатила, даже зная, что руку и сердце он предложил ей по чистой случайности – приехал жениться на любимой девушке, а та из столицы на край света ехать отказалась, и от безысходности он сделал предложение едва ли не первой встречной. Почему это оказалась Марина – трудно сказать. Скорее всего, потому, что была полной противоположностью той, с которой в мечтах он связывал всю свою дальнейшую жизнь, и которая, вероятно, никогда его не любила. Та была статной и, как это принято говорить, жгучей брюнеткой. А Марина... Лишь позже он увидел, что она кра-

сива, а тогда его поразили её глаза. Про такие говорят – «русалочки» – зеленоватые и какие-то прозрачные, они смотрели на него в упор. Как Марина потом призналась, смеясь, – её поразила его красивая форма офицера морской авиации, и в особенности – кортик. Возможно, он её взгляд распенил по-своему и, недолго думая, сказал: – Девушка, выходите за меня замуж,

– Когда? – она приняла его предложение за шутку.

– А сейчас пойдём в загс и распишемся.

Да, началось шуткой, а закончилось свадьбой.

Когда Сергей вернулся домой, узнал, что его любимая – чужая жена, и живёт уже на Дальнем Востоке. Что с ним было – не знает никто. Он куда-то скрылся на неделю, напугав родителей, оборвавших телефоны моргов и больниц. Вернулся осунувшийся, побледневший, и с того дня все разговоры о Марине пресекал сразу.

За девятнадцать лет (а встретились они в родной школе по случаю юбилея выпуска) в жизни и того, и другого произошло немало. Она за это время родила трёх дочерей, схоронила своего обожаемого, нежно любимого мужа, а он стал доктором технических наук, зав. отделом крупного НИИ, но так и не женился.

И вот они встретились – Ромео и Джульетта школьной поры, два зрелых тридцатисемилетних человека. В нём не осталось ничего от того долговязого вихрастого мальчика – Марина увидела красивого, уверенного в себе мужчину, а она превратилась в грузную женщину с отёчным болезненным лицом и полными ногами в узловатых венах. Разве что глаза остались прежними – русалочьими.

– Какой ты стал... – удивлённо сказала Марина, теперь уже Марина Васильевна.

– Какой? – улыбнулся Серёжа – Сергей Аркадьевич.

– Ну... важный. А я... вот какая. Была бы сейчас твоей женой – стеснялся бы, наверное.

– Зачем ты так?

– А разве нет? Слышала, так и не женился. За тебя, за такого, и двадцатилетняя почтёт за честь замуж выйти. Со своей старшей дочерью поостереглась бы знакомить, запросто голову закружишь.

– Слушай, ты же знаешь – я не женился, потому что всю жизнь искал такую, как ты.

– Да брось. Ведь это же было детство.

– Детство?! Для тебя! Для меня это была вся жизнь.

– Ну, ладно, не горячись. Я очень виновата перед тобой. Но, понимаешь, встреча с Юрой была, как потрясение, как... помнишь, у Бунина – «солнечный удар». Это не объяснить. Но посмотри на меня сейчас, и ты поймёшь: всё, что ни делается, – к лучшему. Я представляю, сколько у тебя женщин.

– Опять ты... Я ведь никогда, ты знаешь, не был бабником.

– Милой мой, – она засмеялась, – я тебя мальчиком помню. Я тебя знала одиннадцать лет, а не знала – девятнадцать. Ох, как человек в зрелости отличается от себя в юности. Он, как правило, лучшее утрачивает, а приобретает... Да что мне тебе объяснять...

– Ну, хорошо, расскажи, как жила эти годы.

Ах, как она преобразилась, рассказывая о своём покойном муже, которого – он понял – любит до сих пор, как будто стала прежней Мариной.

– А ты... счастлив? Был счастлив?

– Я был удачлив. Мне, в общем-то, везло во всём, кроме карт и любви, хоть и говорят, что одно исключает другое.

– Но мне не верится, что тебе – вдруг в любви не везёт.

– Повезло однажды.

– Прости. Знаешь, приходи к нам завтра, я тебя с дочками познакомлю, они у меня красавицы и умницы.

– Сколько им?

Светлана уже студентка – восемнадцать, Оксане – шестнадцать, в десятый класс перешла, а Оленьке – всего

пять. В один день у меня и счастье, и горе случилось – Юра погиб в день её рождения. Маринин голос задрожал, но она справилась с собой и продолжала: – Я именно тогда на себя рукой махнула. До этого нас с дочками всё за сестёр принимали, теперь уже не принимают. Я после вторых родов тоже поправилась, но плавала, бегала, ездила на велосипеде – быстро в форму вошла. Да и жизнь счастливая не старит. Господи, как же я была счастлива. Знаешь, если бы не Оленька, я бы, наверное, не выдержала, сотворила бы что-нибудь с собой, когда беда случилась. Но Оленька... И старшие, конечно, девочки... Так придёшь завтра?

– Да, разумеется, – поспешно согласился Сергей. – До завтра.

Он шёл домой пешком по вечерней Москве и всё силился представить теперешнее Марино лицо, но в сознании всплывали удивлённые глаза и приоткрытый детский рот с фотографии, висевшей над его столом. Он испытывал странные чувства сейчас: с одной стороны, его мучила жалость к Марине, такой постаревшей, некрасивой, с другой – радовало какое-то облегчение, освобождение от всего того, что терзало его все прошедшие годы. Надо было встретиться с Мариной, чтобы понять: любовь к ней осталась в той, прежней жизни, и хоть он, конечно, никогда не забудет Марину, но не забудет ту, юную, тонкую, весёлую девушку, а нынешняя Марина Васильевна – женщина, ему совершенно незнакомая, он узнал её только сегодня, и ничего, кроме жалости, она у него не вызывает.

На следующий день он пришёл к Марине Васильевне в гости с розами, тортом и куклой для Оленьки. Его ждали все – Марина, её мать, Александра Григорьевна, и две девочки. Не было старшей – Светланы, но заверили, что скоро должна быть. А средняя и младшая, и впрямь красавицы и умницы, были, к некоторому разочарованию Сергея, совсем не похожи на Марину, но очень похожи между собой – с не-

жными смуглыми лицами, тёмными волнистыми волосами и огромными чёрными глазами. Отличало их только то, что Оленька была пухлой и немного неуклюжей, а Оксана обладала таким изяществом и грациозностью, что Сергей в глубине души признал, что даже Марина в юности ей уступала. На неё хотелось смотреть и смотреть, как на произведение искусства. Вероятно, и младшая обещала быть впоследствии такой же.

– Конечно, – подтвердила Марина, – Оксана в детстве таким же увальнем была, кто бы мог подумать, что из неё этакое получится.

Сергей сидел в этом «бабьем царстве», как пошутила Марина, и чувствовал себя на редкость хорошо, спокойно, уютно. Пили чай с тортом, который всем понравился, вспоминали прошлое – когда-то Сергей был в этом доме завсегдатаем. Вот только старшей Мариной дочери так и не дождались. Но когда Сергей, тепло попрощавшись со всеми, вышел из подъезда, навстречу ему из темноты шагнула девушка, при виде которой он остолбенел: перед ним стояла юная Марина – такие же русалочки глаза, такие же пушистые волосы, только ростом повыше да взглядом посмелее.

– Светлана? – сразу понял он.

– Да. А вы – Сергей Аркадьевич. Я вас сразу узнала. Вот мы и познакомились. Только не говорите об этом маме. Она специально меня отослала, потому что я на неё очень похожа, и она боялась, что вы, чего доброго, в меня влюбитесь. А мне уж очень хотелось на вас посмотреть.

Сергей не уставал поражаться – и голос был, как у Марины, и манеры держаться, и эта милая непосредственность...

– А вы сами не боитесь, что я в вас влюблюсь?

– Нет.

– Почему?

– Ну, во-первых, вы ещё молодой, и очень привлекательный мужчина, а во-вторых, неженатые доктора наук на дороге не валяются.

– Светлана... – он несколько опешил. – Вы серьёзно или шутите?

– Конечно, шучу. Но в каждой шутке есть доля истины.

– Ну а возьми я да сделай вам предложение, что бы сказала ваша мама?

– А вас не должно интересоваться, что сказала бы мама, поинтересуйтесь лучше, что скажу я.

– Но, позвольте... Ваша мама – моя школьная подруга, первая любовь, наконец. Вы – её дочь, стало быть, и мне в дочери ходите.

– Это теоретически. А практически я гожусь вам в жёны. Что касается мамы, конечно, она возражала бы, и очень. Она же у меня идеалистка. Ведь только идеалистка могла уехать из Москвы в Тмутаракань за первым встречным. Вы поймите меня правильно: у меня был прекрасный отец. У нас была идеальная семья, но Москва есть Москва. И не смотрите на меня так – сейчас вся молодёжь такая, прагматичная и расчётливая. Если я выйду за вас замуж, все мои подруги лопнут от зависти.

– Нет, милая Светланочка, вы никогда не выйдете за меня замуж, а я никогда на вас не женюсь.

– Почему?

– Во-первых, потому что вы Маринина дочь, а во-вторых, вы на неё похожи только внешне, а теперь, мне кажется, – даже внешне не похожи.

– Можно вас попросить о двух вещах?

– Просите.

– Во-первых, не говорите о нашей встрече маме, во-вторых, считайте наш разговор шуткой. Я вас разыграла и, оказывается, очень удачно, значит, я кое-что умею. Получится из меня актриса?

– Не знаю. Может, и получится. Внешние данные у вас хорошие.

– И только? А как же насчёт дарования? Ведь достоверно я изобразила хищницу? Вы ведь поверили: нет, не Марина. Ведь поверили?

– А вы... другая?

– Конечно. До свидания, друг маминого детства.

И она, резко повернувшись, пошла в противоположную от дома сторону. Сергей Аркадьевич смотрел ей вслед и видел, что сзади она совсем не напоминает Марину – и бедра шире, и походка увереннее, и нет той лёгкости, воздушности, которые он помнил в её матери.

– Что ж, разыграла его эта девчонка или правда – в каждой шутке есть доля истины? Он вспомнил, как с ним кокетничают молодые сотрудницы – неужели видят выгодного жениха? Он как-то никогда не задумывался над этим. Уже десять лет он встречается с женщиной, которая моложе его всего на два года. Она всегда ровна с ним, кажется, понимает его, но никогда даже разговора не возникало о том, чтобы им пожениться. О любви он не думал, полагая, что любовь у него была одна, и больше не будет. А вот после встреч и разговоров сегодняшнего дня вдруг захотелось прийти к этой женщине и рассказать ей обо всём: о драме, которую пережил в юности, о встрече с первой любовью и испытанном чувстве освобождения, о разговоре со Светланой, то ли шутливом, то ли серьёзном, о том, как хороши дочери у Марины, и ещё – как было бы здорово, если бы у него была такая же пухлая черноглазая девчонка, как Оленька, которая обнимала бы его за шею мягкими ручонками и говорила: «Папа».

БАНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Известный поэт Юрий Шевчук сидел в президиуме областного совещания молодых литераторов, куда его пригласила для ведения поэтического семинара местная писательская организация, и вглядывался в лица людей, находившихся в зале. Он редко отказывался от приглашений на подобные сборы – любил молодёжь. С нею он как-то забывал, что ему под шестьдесят, что у него больное сердце, что недавно он перенёс инфаркт.

Вот и сейчас он с удовольствием смотрел на оживлённые лица тех, кто собрался на совещание. В зале сидели и совсем юные ребята и девушки, и довольно зрелые люди, но все они именовались молодыми, ибо были начинающими.

Взгляд поэта скользил по залу и вдруг споткнулся на женском лице, которое притянуло, как магнитом, и не отпустило дальше. Не сказать, что девушка была хороша – большой рот и широко расставленные выпуклые глаза делали её похожей на лягушонка, но лягушонка очень симпатичного, ведь рот обнажал в улыбке ровные зубы, а зелёные глаза так призывно сияли, что вполне могли бы заменить светофор. Да и заменяли, давая зелёную улицу взглядам не одного Юрия Шевчука.

– Кто такая? – поинтересовался Юрий Семёнович у одного из местных писателей и, услышав в ответ «Наталья Климова», обрадовался – она была в его семинаре. Сразу же вспомнились её стихи, которые, к сожалению, были довольно слабыми, и у него уже были приготовлены суровые слова для молодой поэтессы.

Он видел, как она насторожилась, когда началось распределение по семинарам, и с удовольствием отметил – зелёные глаза сделались ещё ярче от вспыхнувшей в них радости, едва она услышала имя своего руководителя. Наталья Климова посмотрела на Шевчука, глаза их встретились, и

он понял: девушка давно ощутила его взгляд, но только сейчас решила посмотреть на него открыто, в упор. Сердце Юрия Семёновича сладко сжалось от предчувствия чего-то хорошего, что, несомненно, будет связано с этой милой девушкой, и он не выдержал и улыбнулся ей, а она ответила чуть смущённой улыбкой.

На обсуждении Наташиных стихов маститый поэт, вопреки намерениям, не сказал тех строгих, заранее заготовленных слов. Напротив, он больше хвалил её. Наташа покраснела от удовольствия, а руководитель семинара не чувствовал никаких угрызений совести, ощутив вдруг «что-то» в её стихах.

*Не жмите удивлённо вы плечами,
Что я всегда с улыбкой на устах,
На мир смотрю я добрыми глазами
И с ямочками смеха на щеках.*

И строчки-то были не очень грамотными, но их автор имела и добрые глаза, и ямочки на щеках, и «что-то», обнаруженное мэтром в её стихах, было скорее в ней самой: и мягкость, и женственность, и улыбочивость.

В последний день семинара Юрий Семёнович пригласил Наташу к себе в гостиницу, собираясь подарить свою книжку. Она пришла раскрасневшаяся, возбуждённая. Ещё бы! Поэт, перед талантом которого она преклонялась, о встрече с которым и мечтать не смела, дарит свою книгу, хвалит её стихи, обещает напечатать в толстом журнале. А, кроме того, она прекрасно понимала, что нравится ему, ощущала свою власть над ним, и ей было радостно и страшно от сознания собственной силы.

Они сидели в креслах напротив друг друга, Наташа что-то оживлённо болтала, но Юрий Семёнович не мог понять ни слова – он неотрывно смотрел на её пухлые шевелящиеся губы и едва сдерживал в себе искушение немедленно поцеловать её. Наташа чувствовала его нетерпение и говорила, говорила, боясь остановиться.

И всё-таки Юрий Семёнович не выдержал. Он схватил её руки, с ещё не успевшей сойти краснотой после мороза, и принялся осыпать их поцелуями. Наташа ждала этого, но всё же растерялась, сразу забыла, о чём говорила. А Юрий Семёнович начал целовать её колени и ощущал, какие они холодные, а Наташа видела перед собой склонённую седую голову с пробивающейся лысиной, ей было стыдно, неприятно, и, сжавшись в комочек в кресле, всё пытаясь натянуть юбку на колени, она твердила умоляюще:

– Ну, не надо, не надо...

Шевчук не замечал ничего, рука его потянулась к вороту её блузки.

– Юрий Семёнович, прошу вас... – голос её был жалобным, и он понял: она не ответит страстью на его страсть, не будет нежной, как ему хочется, но будет покорной. Он не вникал, отчего эта покорность: оттого ли, что она корыстна, и он, наобещав ей всего, сделал её зависимой от себя, оттого ли, что просто не решится оттолкнуть его, своего любимого поэта. В любом случае он поступал бесчестно и понимал это, но остановиться уже не мог и дрожащими руками принялся растёгивать её блуэку.

Кровь прилила к лицу, когда он увидел полную, по-женски тяжёлую грудь, приник к ней долгим поцелуем и, благодарный, поднял голову, чтобы найти Наташины губы, и взгляд его встретился с её взглядом.

Он вздрогнул, как от неожиданного крика. О, если бы в этом взгляде он прочитал ненависть или презрение... Всё – и глаза её, и рот, и морщинка на лбу – были одной гримасой брезгливости. Её отвращение было настолько очевидным, что у Шевчука подкосились ноги, и он бессильно опустился в кресло.

Он сидел, обхватив седую голову руками, закрыв лицо, мучимый единственным желанием, чтобы она поскорее ушла.

И, либо поняв это, либо потому, что самой не терпелось уйти, Наташа быстро оделась, взяла сумочку, в которой лежала новая книга поэта Юрия Шевчука с его автографом, и пошла к двери.

Но потом вдруг вернулась, остановилась возле Юрия Семёновича и, проведя рукой по его редким волосам, сказала:

– Простите меня, пожалуйста.

– Что ты, девочка, – хватило сил ему ответить, – ты ни в чём не виновата.

А когда дверь за нею захлопнулась, он упал на кровать и застонал, яростно и бессильно, не разжимая губ, закусив угол подушки.

Что терзало его? Стыд, обида, разочарование? А может быть, девушка, которая только что ушла, лишила его последней, слабой надежды на то, что жизнь ещё не клонится к закату?

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

За окном – ночь. Середина декабря. Мне не спится. Вспоминается детство, потому что рядом храпит мать, приехавшая погостить ненадолго. Но это «ненадолго» тянется уже третий месяц. Мама, конечно, хорошо, но в меру. Тем более в однокомнатной квартире.

С вторжением её в мою частную жизнь меня всё чаще посещает бессонница, а с нею – воспоминания о детстве.

До 10 лет я жила в атмосфере любви. У меня были бабушка, дедушка, мама, папа, три тёти и дядя. Вот какая я была богатая! И все меня любили.

А потом мир вокруг меня начал пустеть. Когда мне было семь, умер дед, которого я очень хорошо помню: он был добрый, ласковый и много-много читал. В пять лет я прочитала первое слово на обложке его книжки. Как сейчас помню, это был томик стихов Гюго.

Когда было десять лет, погиб отец. И мир сузился до размеров одной бабушки. Мать я почти не видела, дядя и тётки закончили институты и разъехались, а вскоре друг за другом обзавелись собственными детьми. Бабушка, которая заменила всех, была полуграмотной, крикливой, но доброй, справедливой. Я её очень любила.

Я, как теперь вспоминаю, росла живой, симпатичной и умненькой девочкой. Но почему-то моя мама внушала мне, что не очень-то я и симпатичная, не очень-то и умная. Возможно, она пыталась сдержать мою какую-то амбициозность? Вероятно, поэтому я не лезла в «начальники» – председатели отряда, старосты или хотя бы звеньевые. Это сохранилось и во взрослой жизни – меня постоянно хотели двигать вверх, но я всегда отказывалась. А в школе с первого по десятый класс выпускала стенгазету. Некие литературные задатки, которых не видела мать, отметили учителя. Правда, самый первый номер стенгазеты был целиком сделан моим отцом – сатира на одноклассников со смешными рисунками и не менее смешными стихотворными текстами.

Потом я уже всё писала сама, а художником у меня был одноклассник Владик, который самым первым из нашего класса ушёл из жизни.

Мальчишки в меня начали влюбляться с первого класса, и я серьёзно подозревала, что не такая уж и дурнушка, но комплекс неполноценности, навязанный матерью, присутствовал всегда.

Теперь я – большая девочка и, вроде бы, ото всякого такого избавилась. Но отношения с матерью у меня, мягко говоря, не самые лучшие.

А может быть, всё оттого, что я привыкла жить одна? Может быть...

Однажды я вышла замуж. За милейшего человека, влюбившегося в меня без памяти. Он мне угождал, выполнял

любые прихоти, преданно заглядывал в глаза. И так надоед! Я добросовестно тянула ляжку семейной жизни, готовила вкусные обеды, гладила его рубашки, только что тапочки ему не подносила. Мы за весь год (меня на целый год хватило!) ни разу не поссорились. Когда я сказала, что мы должны разойтись, для него это стало громом среди ясного неба. Он долго допытывался, чем меня не устраивает, а я не могла объяснить.

Моя бедная мамочка, с которой мне также плохо, не безропотный ягненок – она только и делает, что пилит меня: и живу я неправильно, и покупаю не то, и вообще не такая, как все. Мне бы молчать, а я огрызаюсь. В итоге – «семейная идиллия».

Скоро – Новый год. Говорят, как встретишь его, так и проведёшь. Провести ещё год с матушкой – упаси Господи. Пригласить кого-то? Подруги все замужние, некоторые успели внуками обзавестись. Кавалеры у меня ещё имеются, но я-то сама от них не в большом восторге, а уж под маминими очами они и вовсе поблекнут.

И вдруг... Поскольку по натуре я авантюристка, то идея мне пришла в голову авантюрная.

Выйду-ка я 31 декабря в начале двенадцатого на улицу с сумкой, полной сувениров, да зайду в первый попавшийся дом. Придумаю, что не в тот поезд села. Не выгонят же! Тем более, к тому времени старый год проводят, и все уже будут навеселе.

Сказано – сделано. 31-го, выпив для храбрости, взяв сумку со всякими безделушками, которые могли бы согдятся и детям, и взрослым, пошла искать самое яркое окно.

Нашла. Хотя и была чуть хмельной, но сердце билось, как набат. Позвонила. Дверь тут же распахнулась, и несколько пар рук втащили меня в прихожую. Мне даже не пришлось ничего объяснять – никто не спрашивал.

Сосед слева, очкастый худыха, моложе меня, поинтересовался моим именем, и очень быстро меня все стали называть Танюшей.

Освоилась я моментально. Моего соседа звали Серёжа, но понравился мне Гриша напротив. Правда, заподозрила, что он с женой, потому что сразу врубилась: здесь поступили хитро – супругов рассадили.

Ну, что ж, очень быстро я стала душой компании: и песни все запевала, одну, свою коронную, даже соло исполнила, и танцевать меня приглашали наперебой, и жёны, похоже, не ревновали. Давно я так не веселилась.

Танцую с каким-то весьма симпатичным усачом, вдруг вздрогнула от вопроса:

– А зачем вы придумали, что откуда-то приехали?

– С чего вы решили? – в замешательстве спросила я.

– Да с того, что каждое утро встречаемся по дороге на работу. Я не пользуюсь транспортом, поскольку живу рядом, вы, вероятно, тоже.

Я лихорадочно стала соображать, что бы придумать. Но вдруг решила, что ничего придумывать не надо, и рассказала всю правду.

– Видите, как всё хорошо, – засмеялся Михаил, – теперь мне остаётся только напроситься вам в провожатые, зайти на чай и очаровать вашу маму.

– Во-первых, мама ушла к подруге, а во-вторых, разве вы не с женой?

– Я развёлся незадолго до Нового года и, чтобы закрыть тему, сразу же скажу: виноват во всём я, но о случившемся не жалею.

– Как вы деликатно дали понять, чтобы не совала свой нос, куда не просят. А чем я вам понравилась?

– Многим. Во-первых, вы красивая, и при этом, как я заметил, умная. По крайней мере, вы так правильно говори-

те и очень чётко и последовательно выражаете свои мысли, что я бы сказал – это редкое качество для женщины.

– Спасибо. Но вообще-то я очень долго заикливалась на некоторых своих недостатках, которые другим, может быть, были и незаметны, но мне доставляли массу неудобств.

– Мне кое-что понятно... А как вас мама называла в детстве?

– Таня, Татьяна...

– А ещё как?

– Больше никак.

– Но ведь есть масса ласкательных имён – Танечка, Танюша, Татьянка, Танчонок даже.

– Нет, мать меня иначе не называла. Бабушка называла Таюшка.

– Теперь мне многое становится понятным. И ясно, почему вы предпочли встретить Новый год в незнакомой компании, а не с самым близким человеком... Ну что, уйдём по-английски и побродим по ночному городу?

Конечно же, я согласилась.

...Ночь была по-настоящему новогодней. Мягкий морозец и пушистый белый снег. Он выпал незадолго до праздника; все думали, что Новый год будет без снега.

На улице было много народа, и все встречные поздравляли с Новым годом. Даже изрядно пьяные не были в эту ночь агрессивными. Мы ходили, взявшись за руки, и говорили, говорили. Михаил сказал, что давно обратил на меня внимание и, когда мы встречались по дороге на работу, всегда смотрел на меня, не отрываясь, надеясь встретиться со мной взглядами. Но я проходила мимо, гордо вздёрнув голову, как он выразился, и ни разу на него не взглянула.

– Я давно уже не гляжу на мужчин.

– Почему?

– Наверное, опять же из-за своей закомплексованности – теперь я думаю, что нахожусь в том возрасте, когда мужчинам уже неинтересна.

– Вы лукавите?

– Нисколько.

– Видите ли, женщина до тех пор женщина, пока у неё не пропал блеск в глазах. А у вас уж никак не пропал. Вон, как вы сегодня раздухарились, даже песню спели, причём весьма артистично. В вас, случаем, не пропала актриса?

– Вообще-то я в молодости была прима-актриса народного театра. Но поступать в театральное я не решилась, опять же из-за своей закомплексованности.

– Да, ваша мама постаралась. Она была красивой в молодости?

– Да она и сейчас ещё ничего.

– Может, она неосознанно предчувствовала в вас подрастающую соперницу?

– Никогда не задумывалась об этом.

– Вы знаете, – неожиданно переключился Михаил, – уже утро. Пойдёмте ко мне кофе пить.

– А может, разойтись поспать...

– Лучше выстоять хотя бы до раннего вечера, чтобы впоследствии не путать день с ночью.

Я не говорила, что неприлично идти в гости к едва знакомому мужчине – не в том возрасте, чтобы выпендриваться, просто приняла его приглашение, и всё.

Оказалось, что он живёт совсем недалеко от меня. В его холостяцкой квартире была вполне спартанская обстановка – диван, который служил одновременно и кроватью, письменный стол, на котором восседал компьютер, небольшой платяной шкаф, несколько книжных полок и стул, приставленный к столу.

Миша привёз из кухни сервировочный стол, уставленный вазой с фруктами, коробкой конфет, бутылкой коньяка, маленькими рюмочками и кофейными чашками.

– Сейчас мы выпьем коньячку, потом я сварю кофе, и будем пить кофе с коньяком.

– Я смотрю, – кивнула я на стол, – что живёте вы на широкую ногу.

– Да нет. Это подарки пациентов.

– Так вы – врач? Что же вы мне сразу не сказали?

– А вы не спрашивали.

– Я в детстве мечтала быть врачом. А какой вы врач?

– Хирург.

– О-о-о, – с уважением протянула я. – Профессию хирурга сравнивают с шахтёрским трудом.

– Да, может, и сложнее. Какой-то поэт-шахтёр написал: «Я работаю, как вельможа, я работаю только лёжа». А мы работаем, иногда по многу часов подряд, только стоя. Да плюс психологические перегрузки. Зато разве можно сравнить с чем-либо ту радость, тот душевный подъём, когда удаётся человека с того света вытащить. Поэтому эти подарки от больных я принимаю спокойно, зная, что дарятся они от чистого сердца.

– А мне и похвалиться нечем. Я – рядовой клерк рядовой фирмы.

– Не этого хотели?

– Конечно.

– У меня – предложение, – перевёл разговор в иную плоскость Михаил, – мы сейчас выпьем на брудершафт и перейдём на ты.

Я приняла его предложение и, выпив на брудершафт, мы с таким упоением начали целоваться, что у меня время от времени останавливалось дыхание. Однако я была не настолько пьяна, чтобы не сообразить: пора остановиться.

– Иди – вари кофе, – скомандовала я.

И кофе был великолепен. И вообще, мне настолько понравилось у Михаила, что не захотелось никуда уходить. Незаметно мы «уговорили» всю бутылку коньяка и уснули, не раздеваясь, в объятьях друг друга.

Проснулись мы одновременно, встретились взглядами и вдруг неудержимо начали хохотать.

Отсмеявшись, Миша сказал:

– Оставляйся жить у меня.. Ты хоть готовить умеешь?

– Умею, и очень даже неплохо.

– Замётано. Пойдём сейчас к твоей маме, я у неё попрошу руки её дочери.

– Ты шутишь или сумасшедший?

– Да я, как никогда, серьёзен. Если хочешь знать, под Новый год ты мне приснилась.

– Правда, что ли?

– Истинная.

– Тогда пойдём.

Моей матушке я, естественно, не сказала, что знакома с Михаилом чуть более суток, но её сразила наповал его профессия. Она обожала ходить по разным врачам и выискивать у себя всё новые болезни, но вот в руки к хирургу она не попадала ни разу. За всю её более чем семидесятилетнюю жизнь у неё даже банального аппендицита не случилось. А посему Михаила она приняла безоговорочно.

Я забрала необходимые вещи и ушла с Михаилом к нему.

Честно сказать, с замужеством моя спокойная жизнь закончилась. Я познала то, о чём не ведала раньше: страсть, ревность, всепоглощающую нежность, ссоры, бурные примирения. И теперь я точно знаю, что семейная жизнь не тихая заводь, которая была у меня в первом браке. И хотя мне знакомы многие супружеские пары, живущие именно такой жизнью и довольные ею, но, видно, так уж мы с Мишей устроены: «Покой нам только снится!»

ПОПЫТКА МЕМУАРОВ

БАБУШКА

*Памяти бабушки Натальи
Константиновны Шведовой*

Умерла моя бабушка.

Ей было 80 лет, она была немощной, полуоглохшей и почти слепой. Она иногда впадала в детство, становилась надоедливой, раздражала, подчас нам не хватало терпения быть с нею ровными и ласковыми, и мы, случалось, грубили и обижали её.

Но вот она ушла, и мир опустел, и выяснилось, что наша дряхлая бабушка была неким центром, объединяющим всех её детей, внуков, правнуков, снох, зятьёв, дальних родственников и близких знакомых. Мы были одним целым, пока она жила. А что будет теперь?

Каждый год, в апреле, мы – четверо детей, шестеро внуков и старшие из правнуков – собирались на её день рождения. В прошлом году – отметили её восьмой юбилей. И вот мы собрались вновь все вместе, чтобы проводить её в последний путь.

Бабушка прожила долгую и многотрудную жизнь. Но, смею думать, что умерла она счастливой. Счастливой потому, что, познав много бед и несчастий, не изведала самого большого горя на свете – не пережила никого из своих детей и тем более – внуков. Счастливой потому, что последний вздох испустила в окружении всех своих детей, старшей и единственной внучки, старшего и самого любимого правнука.

Мы все успели приехать, когда она была ещё жива, и даже в сознании. У неё парализовало левую сторону, плохо ворочался язык, но она каждого подержала за руку и назвала всех по именам: Ольга, Тамара, Нина, Игорёк, Ирушка, Никитушка.

На следующий день она умерла. Умерла легко, не приходя в сознание, но два её последних вдоха отпечатались таким страданием на лице, что, мне подумалось: наверное, очень больно, когда душа расстаётся с телом. Потом лицо её разгладилось, застыло, единственный сын закрыл ей глаза, и она успокоилась навеки.

Некому теперь волноваться по таким, как нам всегда казалось, пустякам: почему дочь долго не идёт из бани – не случилось ли что-то, не забыли ли положить на работу завтрак сорокалетнему внуку, не промочил ли ноги правнук, заперли ли дверь. Ей до всего было дело, даже тогда, когда другим только до себя и бывает.

Моя старая, больная, иногда смешная бабушка...

Когда я родилась, ей было столько лет, сколько мне сейчас. С момента моего рождения до её последнего вдоха она была неотделима от меня, от всей моей жизни.

Она не была идеальной – грубоватая, крикливая, несдержанная. Но – добрая, честная, с обострённым чувством справедливости.

Она не знала своих родителей – была подкидышем. Сначала оказалась в приюте, потом её удочерили. Приёмная мать была святой женщиной, но вот отец... Скорее всего, из-за него, не из любви, вышла она замуж в 15 лет. Муж был на десять лет старше. Красивый, интеллигентный и утончённый, он так любил свою Наталью, что своим прехорошеньким дочкам говорил, бывало: «Все вы красавицы, но до матери вам далеко». Однако на ранних фотографиях, с застывшим испуганным лицом, она совсем не выглядит красавицей.

В 37-м году её муж, мой дед, попал под тот самый пресс, который раздавил многих, – был арестован и обвинён в пособничестве троцкистам. Моя 25-летняя бабушка с четырьмя мал-мала меньше на руках осталась без средств к существованию – её даже уборщицей никуда не брали. Отчаяние,

страх за судьбу детей и мужа толкнули её на решительный шаг – она добилась приёма у Вышинского. Трудно предположить, что юная мать четверых детей тронула ледяное сердце, но факт остаётся фактом: дед провёл в тюрьме «всего» 9 месяцев. Правда, надо отдать должное и ему, хрупкому и на вид слабому человеку, – самооговор он не подписал.

А потом была война. И опять она – одна с детьми. Именно про таких сочинили частушку: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик».

В 47 она стала вдовой, схоронила мужа, который долго и тяжело умирал от рака. Она была для него нянькой, сиделкой, утешительницей.

А спустя три года новая беда – трагически погиб муж старшей дочери, и мы – два внука-близнеца – оказались на её попечении, потому что наша мать должна была работать день и ночь, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

Да разве всё расскажешь... Сколько ещё было всякого, сколько слёз, переживаний, волнений. Но и радостей. Вот они, четверо детей, не позволявших и на миг остаться одной, когда она стала больной и немощной, – внуки, правнуки...

...Умерла моя бабушка. Она прожила долгую, многотрудную, но и счастливую жизнь, из которой ушла легко, окружённая самыми близкими людьми.

Дай Бог всем нам такой жизни и такой смерти. Дай Бог нам сил и терпения, чтобы последние дни наших стариков были спокойными и светлыми. Они это заслужили.

Январь 1993 г.

РУКОПОЖАТИЕ ЧЕРЕЗ ГОДА

Часть 1

В одной давней телепередаче, в которой принимал участие какой-то известный актёр, я услышала слова, поразившие меня: «Людей разделяют не годы, а рукопожатия». Ведь как здорово сказано!

С гордостью могу сказать, что всего-навсего одно рукопожатие разделяет (или объединяет?) меня с моим любимым писателем Иваном Алексеевичем Буниным, с поэтами Анной Ахматовой и Игорем Северяниным. И всё благодаря одному человеку, который некогда пожимал руки этим людям, а мне однажды посчастливилось прикоснуться к его руке. Имя этого человека – Юрий Дмитриевич Шумаков. Есть в Ярославле люди, которые наверняка его знают, так как судьба его связана в какой-то степени с нашим городом, хотя всю жизнь он прожил в Эстонии. Но об этом чуть позже.

Я же познакомилась с Юрием Дмитриевичем в 1984 году в Пушкинских горах. Знакомство, надо сказать, состоялось весьма своеобразно. В то время в Пушкиногорье проходили Пушкинские чтения, и много съехалось туда народа, разного и интересного. Там я познакомилась с московским композитором Борисом Зайцевым. Борис пишет романсы на стихи русских поэтов, в том числе и на стихи Пушкина, поэтому в Святых горах он завсегдатай. Вот он как-то и пригласил меня на встречу с человеком, который много интересно расскажет об Игоре Северяnine. Надо сказать, что хотя Северянин в ту пору практически не издавался, я его знала с детства, так как он был любимым поэтом моего дедушки, и в нашей семье некоторые его стихи читались наизусть.

Вечером мы с Борисом Зайцевым пошли на территорию Святогорского монастыря, где по договорённости нас должен был ждать человек, лично знавший Игора Северянина.

К нашему удивлению, ворота оказались на запоре, и пройти на территорию монастыря не удалось. Однако Борис уверял, что нас ждут, и мы не нашли ничего лучшего, как перелезть через высокую ограду. Борис прыгнул первым и попал прямо в объятия... милиционера. А потом они уже вдвоём ловили меня. Блюстителю порядка мы объяснили, зачем предприняли это опасное мероприятие, он оказался человеком понимающим и подтвердил, что видел здесь двух пожилых людей – мужчину и женщину.

И вот мы встретились. Юрий Дмитриевич оказался крепким, розовощёким и совсем не старым на вид человеком. Он был вместе с женой Ольгой Владимировной, которая сидела на скамейке и рисовала. Оказалось, что она моя землячка, из Ярославля, и в нашем городе живёт и работает её сын. Да и Юрий Дмитриевич неоднократно бывал в Ярославле и даже как-то написал песню, посвящённую нашему городу, которую на каком-то юбилее, если мне память не изменяет, исполнил сам Георг Отс.

Ю. Шумаков – литератор с большим стажем, он автор стихов, литературоведческих статей, стихотворных переводов. Игоря Северянина он знал довольно близко, впервые увидел его ещё в 1919 году, когда был маленьким мальчиком. Как-то гуляя с отцом у реки, Юрий увидел рыболова в лодке, который чем-то привлек его внимание. Заметив это, отец сказал: «Это поэт Игорь Северянин». А когда Юра подрос и сам стал «грешить» стихами, то, несмотря на разницу лет, сблизился с Северяниным, и даже в год своего шестнадцатилетия получил от известного поэта стихотворное посвящение:

*Жрец любимый Аполлона,
Маг с возвышенным челом,
Здесь слагал во время оно
Элегический псалом.*

*Но прошла пора Светланы,
Кринолинов и плащей,*

*Поразвеялись туманы
Оссиановых ночей.*

*И теперь пиита юный,
Приоткрыв всё тот же кран,
Цедит густо, многоструйно
Стих весёлый про Иран.*

Чтобы понять смысл стихотворения, требуется небольшое пояснение: Ю.Шумаков рос и учился в Тарту, где познакомился с Б.В.Правдиным, читавшим курс русского языка в Тартуском университете и близко знавшим Игоря Северянина. Северянин часто приезжал в Тарту и останавливался у Правдина в доме, где, по преданию, в далёкие времена бывал Василий Андреевич Жуковский. Поэтому «жрец любимый Аполлона» – это, без сомнения, Жуковский, а «пиита юный», конечно же, Юрий Шумаков, который в то время увлекался иранской поэзией.

А ещё раньше, в 1921 году, Игорь Северянин в Тарту венчался с эстонской поэтессой Фелиссой Круут, и Юрий Шумаков на этом венчании в Успенском соборе был «мальчиком с иконой». Женитьба на эстонке способствовала тому, что Игорь Северянин, будучи сначала лишь дачником, затем прочно осел в Эстонии, в тихой приморской деревушке Тойла. В этом местечке Северянин создал немало поэтических произведений. Здесь он переменялся в творчестве. От того времени, когда в 1918 году он был провозглашён «королём поэтов», перецеголяв Блока, Есенина, Маяковского, остались лишь воспоминания. Волей судьбы сделавшись эмигрантом, ибо буржуазная Эстония не входила в состав СССР, Игорь Северянин, запомнившийся многим по скандальной строчке: «Я – гений Игорь Северянин», по салонным красотям типа «Ананасы в шампанском» или «Мороженое из сирени», по всевозможным претенциозным «поэзам», написал в 1936 году горькое стихотворение «Без нас», в котором не было даже намёка на былые выкрутасы:

---

*От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново,
Другими, не нами, без нас.*

*Уж ладно ли, худо построена,
Однако построена всё ж:
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поёшь.*

*И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.*

Юрий Шумаков вспоминает, что, живя в Эстонии, поэт часто еле-еле сводил концы с концами. Иногда он стучался в незнакомые двери и просил купить книгу стихов поэта Игоря Северянина с его автографом или торговал рыбой, которую сам ловил.

В 1939 году Юрий Шумаков приехал из Москвы, где был по приглашению всесоюзного общества по культурным связям с заграницей Игорь Северянин, затаив дыхание, слушал его рассказы о советской стране. Поэт мечтал совершить поездку по городам Советского Союза и выступить с чтением стихов.

Его мечтам не суждено было сбыться. Помешала болезнь сердца, а потом разразившаяся война. Больному поэту не удалось эвакуироваться. Игорь Северянин умер в конце 1941 года и похоронен в Таллине на старинном кладбище. На могильной плите выбиты строки из его стихотворения «Классические розы»:

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!*

Ю.Д.Шумаков многое сделал для увековечения памяти Игоря Северянина. Он был составителем его книг, автором

предисловий и статей. По его инициативе в 1987 году к 100-летию со дня рождения И. Северянина в Таллинне вышла книжка «Венок поэту», которая уже стала библиографической редкостью. В ней собраны стихотворные посвящения Игорю Северянину, воспоминания о нём, отрывки из писем. Среди очень известных имён авторов этого сборника, таких, как Валерий Брюсов, Марина Цветаева, Константин Паустовский, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава и другие, есть и моё скромное имя. Как я оказалась в столь блестящей компании? Тоже благодаря Юрию Дмитриевичу.

После нашего знакомства в Святых горах мы больше не виделись, хотя поддерживали отношения. И вот однажды, когда Юрий Дмитриевич занимался составлением сборника «Венок поэту», он прислал мне письмо, рассказал о готовящейся книге и предложил прислать стихотворение, посвящённое Северянину. Такого стихотворения у меня не было, по заказу я никогда не писала, если не считать всяческих виршей к датам и юбилеям, которые стихами никогда не называла, поэтому первым моим порывом было отказаться. Однако, вняв совету некоторых моих друзей, я пошла в Некрасовскую библиотеку и взяла сборник стихов И. Северянина, изданный в 1975 году в Ленинграде (сейчас Северянин издаётся очень широко, а тогда мне смогли предложить единственную книгу). Я стала читать всё подряд, многие стихи я знала, какие-то читала впервые и вдруг наткнулась на стихотворение, которое было на слуху ещё с детства, но я понятия не имела, что написал его Игорь Северянин. В тот же день мною было написано стихотворение, оно и вошло затем в сборник «Венок поэту». Так как из него всё понятно, то я позволю его воспроизвести сейчас, хотя оно и печаталось ранее.

*«Она мне прислала письмо голубое», —
Читала мне бабушка давней порою.
Читала, вздыхала, чуть-чуть забывала,
Ведь вёсен и зим пролетело немало.*

*С тех пор, когда дедушка юной невесте
Прочёл эти строки. Ей был неизвестен
Поэт, написавший «Поэзу отказа»,
Но только стихи ей запомнились сразу,
На всю её долгую жизнь, и порою
Она декламирует: «...реют гобои...»
Привычным ей сделалось чуждое слово,
В нём столько ушедшего и молодого.
...Давно уже деда на свете не стало...
...Я сыну сегодня стихи прочитала.*

Мы до сих пор переписываемся с Юрием Дмитриевичем Шумаковым, он и сейчас полон творческих планов, несмотря на то, что недавно перенёс тяжёлую операцию. Надеюсь на будущие встречи, когда Юрий Дмитриевич расскажет о своих встречах с Иваном Буниным, Анной Ахматовой и Александром Твардовским.

Часть 2

Следующая встреча с Ю.Д. Шумаковым проходила у меня дома, и я вновь услышала немало интересного и сейчас хочу рассказать о его знакомстве с И. Буниным. Но для начала – о самом Юрии Дмитриевиче, тем более, что судьба его тесно связана с Ярославлем. Оказывается, не один год провёл он в сталинских лагерях, причём следователь, который вёл его дело, среди тех, кто давал Ю. Шумакову «шпионские задания», называл и «махрового белобандита» Бунина. Так что отчасти Шумаков пострадал и из-за знакомства с великим писателем. Но вот что сказал А. Твардовский, знакомя Ю. Шумакова с каким-то поэтом: «Перед вами Юрий Дмитриевич Шумаков – счастливый человек».

«Уж не тем ли, – иронически отозвался Ю. Шумаков, – что я столько лет гостил в сталинских лагерях?»

«Нет. Вы видели великого Бунина, вы говорили с ним», – ответил А. Твардовский.

Об этом знаменательном событии моего знакомого я и хочу рассказать, но прежде чуть подробнее о том, как его судьба связана с Ярославлем? А вот как. Во время войны Ярославль стал второй родиной для многих эстонских жителей, в том числе и для Ю. Шумакова. Тогда он работал литературным сотрудником государственных эстонских ансамблей, им была написана песня о Ярославле, та самая, что исполнял Георг Отс. В Рыбинске осталась его первая жена, вторая, уже покойная, Ольга Владимировна тоже родом из Ярославля, и с ней я имела счастье познакомиться.

А сейчас – всё-таки о Буине. Почему именно о нём? Во-первых, И. Бунин – с юности мой любимый писатель, во-вторых, людей, ныне живущих и знавших его, можно по пальцам пересчитать (если они вообще остались), в-третьих, Ю. Шумаков стал свидетелем поистине фантастической встречи Бунина с... Поинтригую немного читателей. Об этом чуть позже. А встреча Ю. Шумакова с И. Буниным состоялась в 1938 году, когда Нобелевский лауреат совершал литературное турне по странам Прибалтики. До этой встречи они активно переписывались, и Ю. Шумаков даже переводил стихи И. Бунина на эстонский язык. Конечно же, когда Бунин прибыл в Ревель (нынешний Таллин), они сразу же встретились. Юрий Дмитриевич сопровождал Бунина во время всех его выступлений, но самое памятное событие случилось в концертном зале «Эстония». Мастерство, с которым Бунин читал свои рассказы, изумляло Шумакова. Он поглядывал, как воспринимают выступление писателя другие слушатели, и невольно обратил внимание на одну пожи-

---

люю даму, комкавшую в руках батистовый платочек, время от времени поднося его к глазам. Когда же выступление закончилось и почитатели окружили великого писателя, подошла и она.

Иван Алексеевич пристально вгляделся в её лицо и неожиданно для всех произнёс: «Эмилия? Ты?» Кольцо почитателей расступилось: люди почувствовали – происходит нечто значительное. Да! Через 53 года И. Бунин встретился со своей первой любовью Эмилией Васильевной Фехнер.

Передо мною – девятый том собраний сочинений И. Бунина. В нём есть дневниковые записи юного Бунина, датированные концом декабря 1885-го – началом января 1886 года. Посвящены они его первой любви. «Я полюбил и чувствовал, что влюбляюсь всё более и более», – такие строки писал тогда юный поэт. И вот – встреча через более полувека. И почти 70-летний Бунин узнал её! Вдова поэта Вера Николаевна Муромцева в своей книге «Жизнь Бунина» написала об этой встрече: «...когда Иван Алексеевич был в Ревеле, столице Эстонии, после вечера, где он выступал, к нему подошла полная, небольшого роста дама. Это была Эмилия, они долго говорили. Вспомнил он Эмилию и их неожиданную встречу незадолго до смерти...»

А Ю.Шумакову Иван Алексеевич уже из Франции прислал несколько своих книг, а в письме сообщил, что под влиянием этой встречи задумал написать рассказ о первой любви. Этот рассказ дал название последней книге Бунина «Тёмные аллеи». Ю.Д.Шумаков вспоминает, как Эмилия Васильевна, прощаясь с Буниным, поцеловала его руку. Точно так же сделала и Надежда – героиня «Тёмных аллей», прощаясь с Николаем Алексеевичем, которого любила в юности и которого так же встретила спустя многие-многие годы.

И в заключение своего рассказа опять обращаюсь непосредственно к Ю.Д. Шумакову. После распада Союза наша связь прервалась, так как не только звонить, но и писать за границу стало накладно. Даже свои последние книжки он присылал мне с нарочными – одну я получила из Москвы, вторую – из С.-Петербурга. И всё. Я даже не знала, жив ли он. Но... есть в нашей жизни что-то мистическое. Когда я писала первые строки этого повествования, раздался телефонный звонок, и незнакомый голос поинтересовался, помню ли я Юрия Дмитриевича Шумакова.

– Конечно, помню, – воскликнула я, – и даже пишу сейчас о нём.

– Тогда я вам могу сообщить, что у него поменялся адрес, так как он недавно женился, и полон сил, энергии и творческих планов.

Вот это новости! Узнаю Юрия Дмитриевича, которому за 80, но он по-прежнему молод. Повторю кем-то сказанное: молодость – это не возраст, а состояние души. Таким же вечно молодым был и Иван Алексеевич Бунин.

P.S. Не упомяну, в каком году я писала этот очерк, но сейчас Ю.Д. Шумакова, конечно же, уже нет в живых.

ЭХ, ДОРОГИ

Эту песню маршал Жуков считал одной из лучших песен военных лет. Нам нельзя этим не гордиться, ведь её создатель — наш прославленный земляк Лев Ошанин. 30 мая 2007 года ему бы исполнилось 95 лет. И я, его «крестница» (он самый первый дал мне рекомендацию в Союз писателей СССР, причём предложил это сам — я не осмелилась бы и попросить), считаю своим долгом рассказать об этом незаурядном человеке, ибо встреч у нас было немало — в Ярославле, Москве, Вязниках. Познакомились мы с ним в 1980 году на празднике поэзии в Карабихе. Нас представили друг другу, он меня расспрашивал о жизни, семье. Я сказала, что работала в той же школе, где он начинал учиться, — школа № 1 Ростова Ярославского.

— Да, я начинал там учиться, когда она была ещё гимназией.

Помнится, я страшно удивилась — он выглядел очень молодожаво (к слову сказать, школа № 1 — опять гимназия).

Потом Лев Иванович, говоря кому-то обо мне, сказал:

— Это моя учительница.

Второй раз мы встретились с Ошаниным два года спустя в ресторане ЦДЛ (Центрального дома литераторов) в Москве. Мы обедали впятером: Андрей Дементьев — тогдашний редактор «Юности», Алексей Пьянов — его заместитель, Юрий Папоров — писатель, более известный как муж Валентины Толкуновой, Нурали Кабул — узбекский писатель, главный редактор журнала «Искусство советского Узбекистана», но, вероятно, почитаемый, как зять Рашидова и очень денежный человек. Потом к нам подседа Римма Казакова.

Вдруг входит Лев Ошанин и сразу же направляется к нашему столику. Я его спрашиваю:

— Лев Иванович, вы меня помните? Я — ваша землячка, в Карабихе вместе выступали.

— Конечно, помню, — ответил он.

Так как за нашим столиком мест не было, он сел за следующий, и наши стулья оказались тесными соседями. Кстати, запомнился его фирменный напиток – коктейль из 50 г. водки и 150 г. мандаринового сока. Сделав заказ, он повернулся ко мне:

– Как – Галина? (Кстати, когда была премьера песни на мои стихи, которую исполнял Кобзон, меня тоже объявили Галиной).

– Нет, Ирина.

– Ах, да, Ирина Барина.

– Вы даже фамилию запомнили? – удивилась я.

– Конечно.

– Мы поговорили о том, о сём, и он подарил мне книжку с дарственной надписью: «Милой землячке Иринушке Бариновой по-братски». И дата – 4 июня 1982 года. Предупредил: «Только никому не показывайте, а то другие попросят, а у меня одна». Вручил свою визитную карточку: «Звоните, если что».

В том же году я прошла конкурс в литературный институт. Позвонила ему, чтобы заручиться его поддержкой – он всё-таки профессор литинститута, но его не было ни дома, ни на даче. Правда, и помощь не потребовалась: моя конкурсная работа была оценена на «отлично», сочинение и устный экзамен по русскому языку и литературе тоже получили пятёрки.

Потом, когда я училась, позвонила Ошанину, и он мне назначил встречу возле литинститута. Тогда же я встретила поэтессу Ирину Хролову (недавно узнала, что она умерла), которая училась в семинаре Льва Ошанина, а мы в своё время жили в одном номере гостиницы (в 1977 г.) в Костроме, где в ту пору проходил зональный семинар молодых авторов Нечерноземья. Вышло так, что с мэтром мы встретились одновременно. Про Ирину он сказал, что она очень талантлива.

– Так вы обе Ирины? – радостно спросил он. – Тогда я загадаю желание, – и покрутился между нами, как молодой.

Ирина попросилась прийти к нему, а мне он сказал:

– Если что-то будет нужно – звоните.

Я была страшно разочарована – никакого интереса к себе не почувствовала. И это: «Если что-то будет нужно...». Да мне никогда и ни от кого ничего не было нужно, потому что просить не умею. Видит Бог, какое испытала облегчение, не застав его дома накануне экзаменов.

Конечно, я уже никогда не звонила Льву Ошанину.

Потом мы ещё два-три встречались в институте, но всякий раз он меня не узнавал. Последняя встреча, однако, имела свои последствия. Это было уже накануне выпускных экзаменов.

– Здравствуйте, Лев Иванович, – поприветствовала я его.

– Здравствуйте, – он меня задержал. – Где-то я вас видел.

– Мы с вами в Карабихе вместе выступали.

– Помню, помню...

– Да не помните, Лев Иванович.

– Нет, помню. Лицо очень знакомое. Как ваша фамилия?

– Барина. Ирина Барина.

– Помню, конечно. Вот я приглашаю вас на свой творческий вечер в Останкино. Придёте? – и дал два приглашительных билета.

– Конечно, приду.

– Правда, придёте? Приходите обязательно.

Вечер состоялся 21 июня 1987 года. Впечатлений – масса. Было трудно поверить, что этому человеку – 75, настолько он был бодр, энергичен, громогласен, память – потрясающая. Он всё читал наизусть, причём не только своё, в част-

ности, Гумилёва. Начал он со стихотворения о городе Навои, в котором поднимал проблему о переименовании старых городов и улиц.

-Когда меня спрашивают, где я родился, – сказал он, – я отвечаю: «В Рыбинске, Щербакове, Андропове».

Зачитал письмо от писателей Набережных Челнов: «Лев Иванович, помните, когда вы были у нас, то говорили: «Ребята, у вашего города такое красивое название, не давайте его переименовывать, а то умрёт какой-нибудь Иванов, и станет ваш город Ивановым».

Спустя месяц город стал Брежневым.

– Жители города, – продолжал Лев Иванович, – обратились в Президиум Верховного Совета с просьбой, чтобы городу вернули прежнее имя.

На вечере новую песню на стихи Ошанина пел Оскар Фельцман. Выступила и я. Как ни странно, моё выступление телевидение показало в полном объёме, хотя сама я кое-что вырезала бы.

Вскоре (об этом я узнала от председателя нашей писательской организации Ю. Бородкина) Ошанин, как заместитель некрасовского комитета, позвонил Бородкину, чтобы меня непременно включили в число выступающих на празднике в Карабихе. Я, конечно, была ошеломлена таким вниманием. Но на праздник я не поехала, решив, что такой мелкой сошке (я в ту пору не была даже членом Союза писателей) среди литературных корифеев делать нечего. Как же я изумилась, когда узнала, что ведущий праздника Лев Ошанин сказал:

– У нас должна выступать молодая ярославская поэтесса Ирина Баринова, но она почему-то не приехала. Возможно, она где-то здесь, тогда я прошу её пройти на эстраду.

А я-то, дура, сидела в это время дома.

Мы встретились в очередной раз в Вязниках Владимирской области, где ежегодно проходят праздники поэзии и пес-

---

ни Алексея Фатьянова, и где непременно ведущим всегда был Лев Ошанин. Я впервые попала на этот праздник, и впервые к его проведению, помимо Союза писателей, подключился Союз композиторов. Праздник шёл четыре часа под почти не прекращающимся дождём. Снимало Центральное телевидение. Зрителей было – масса. Ни один не ушёл с «Солнечной поляночки», хотя солнечной она и не была тогда. Но больше всего меня поразил Лев Ошанин. Все четыре часа, не надев пиджака, вёл он этот праздник, по-прежнему громогласный, остроумный, лёгкий на импровизацию. Мне он польстил, сказав, что моё выступление было самым блестящим. Правда, моё «блестящее» выступление телевидение не показало, зато показало, как я танцую с певцом Геннадием Каменным под проигрыш песни «В городском саду играет...». Так что выступала я в качестве танцовщицы.

Потом Лев Иванович предложил мне место в своей «Волге» до Москвы, где намеревался дать рекомендацию в Союз писателей. Надо сказать, что мне и надо было в Москву, где меня ждали муж и сын, с которыми мы на следующий день отбывали во Владивосток. Так что предложение Льва Ивановича я приняла с благодарностью.

– А как ваша жена на меня среагирует?

– Я не женат.

– А что за женщина вас на всех вечерах сопровождает?

– Это моя дочь – писательница Татьяна Успенская.

(Потом он, правда, наверстал упущенное и успел жениться даже дважды. Обоих женщин мне пришлось увидеть).

Он быстренько отпечатал рекомендацию в Союз, подарил свою новую книгу, мы обменялись адресами, и я отбыла во Владивосток. Там я решила воспроизвести запись о нём – то, что вы уже прочитали, исключая встречу в Вязниках. И вот какой ответ я получила: «Спасибо, Иринушка, за милое послание, в котором вы меня так проработали. Неужели, правда, вас ни разу не узнал? Может, прикиды-

вался? Хотя, честно говоря, не верю своим глазам (он очень плохо видел – И.Б.) и каждый раз боюсь ошибиться. Поздравляю вас с тем, что вы можете сказать: *Город Золотого Рога, Здравствуй город-капитан!* Тогда, в апреле 41-го, он очень меня задел. Я ехал в самое острое место на свете (самураи шевелились, а с немцами был мирный договор) и вдруг попал в глубочайший тыл. А отпустили меня только в августе, когда я закончил договорную работу для ансамбля ТОФ. Так что у меня было время наглядеться. Жил я над Рогом, подо мной была танцплощадка – сплошные белые ромашки под окном. Рад был встретиться с вами в Вязниках. Желая звонких стихов и всего, чего захочется. Как пойдут дела с Союзом писателей – расскажите. И вообще, пописывайте. Целую лапки. Ваш Лев Ошанин. 16 сентября, 88».

Потом были ещё две встречи, и опять же – в Вязниках.

Первая – в 1991 году, как раз накануне пресловутого путча. В пятницу, когда все съехались, Лев Иванович пригласил нас, ярославцев, меня и тогдашнего директора Верхне-Волжского книжного издательства Ивана Яковлевича Юрьева, в гости. Были родственники Фатьянова, ещё кто-то, но больше всего мне запомнился наш знаменитый бард Александр Городницкий. Возможно, потому что сидели рядом и как-то быстро нашли общий язык. Лев Иванович был уже со своей третьей женой Маргаритой, она была его моложе более чем на сорок лет, очень некрасивая, но, вроде бы, добрая. Лев Иванович ходил тогда уже с палочкой, но оптимизм его по-прежнему был неиссякаем.

Последняя встреча случилась в год его смерти. Он был уже не тот молодчик, что прежде, ходил, тяжело опираясь на палку, вести весь праздник ему было явно не по силам, поэтому его, как правило, заменял московский поэт Александр Бобров. Впервые я увидела Льва Ошанина старым, хотя был он с новой, четвёртой женой, которая была старше, но гораз-

до эффективнее предыдущей. Когда я приехала в Ярославль, то сказала одной знакомой, что Лев Иванович скоро умрёт.

– Что, вы заметили печать смерти на его лице?

– Именно так. Печать смерти.

В этом же году Льва Ошанина не стало.

И всё-таки прожил он почти 85 лет, прожил ярко, насыщено – дай Бог каждому, оставил после себя огромное литературное наследие, сотни песен, многие из которых поются до сих пор, и добрую память о себе в сердцах людей.

ЗАЧЕМ НИЧТО НЕ ВЕЧНО?

С поэтом Николаем Старшиновым я впервые встрети-лась тогда же, когда и с Вилем Липатовым – в 1997 году – на зональном семинаре молодых литераторов Нечерноземья.

Все уже знали, что он не только пишет стихи, но и коллекционирует частушки, преимущественно матерные. Помню, сидя рядом в автобусе, который вёз нас в Кострому (мы жили в молодёжном лагере под Костромой), я его спросила:

– Николай Константинович, спойте какую-нибудь частушку.

– Да вы что? – ответил он. – Если я спою, у вас уши завянут.

– Но коллекционировал он не только частушки. Долгое время он редактировал альманах «Поэзия» и собирал перлы разных графоманов. Вот ими он поделился. Три из них я запомнила на всю жизнь:

*Наша Родина прекрасна,
И цветёт, как маков цвет.*

*Окромя явленья счастья,
Никаких явлений нет.*

Другой назывался «На смерть любимой» и начинался так:
«Ты умерла. Ну, что ж, бывает...»

В третьем были такие строки:

«Если я без царя в голове,

Значит, там у меня – коммунизм!»

А ещё Николай Константинович был заядлым рыболовом. Когда вечером вся литературная братия шла пьянствовать, он, давно не пьющий, уходил рыбачить, благо, лагерь был на берегу Волги. Помню преуморительную картинку: является Николай Старшинов с рыбалки, на нём самый настоящий рыбацкий костюм, сапоги с голенищем по самое некуда, а в руках на леске одна-единственная малюсенькая рыбёха. И уж так не вязался этот удов с его внушительным костюмом, что мы все со смеху покатались.

Николай Старшинов преподавал в литинституте, где училась и я. Ох, как завидовала я его студентам. Более заинтересованного, равнодушного Учителя трудно было найти. Таких, как он, мастеров, к сожалению, в институте было меньшинство, многие просто отработывали зарплату. О том, каков этот учитель, я потом узнала сама, хотя никогда у него и не училась. Но об этом чуть позже.

Тесно общаться с ним мне пришлось, когда он с дочерью Леной приехал в Ярославль на вечера памяти Юлии Друниной. Вечера эти были организованы по инициативе нашей прославленной землячки-актрисы, разведчицы Софьи Петровны Аверичевой. Софье Петровне, конечно же, была очень близка поэзия фронтовички Ю. Друниной.

Друнина и Старшинов после фронта пришли в Литинститут, где познакомились и поженились.

Вечера, помню, проходили в зенитно-ракетном училище, в Знаменской башне у Рэма Юстинова, в общественно-культурном центре, 24 – 25 апреля 1992 года.

Надо сказать, что для Николая Старшинова эта любовь была трагической, потому что через много лет супружеской жизни Юлия Друнина полюбила Алексея Каплера, который был чуть не вдвое старше её, и ушла к нему. Реагировал

Старшинов годами беспробудного пьянства и чуть ли не смертью. А когда наконец всё это прошло, и любовь стала только воспоминанием, он говорил о своей бывшей жене с большой теплотой. Почему-то чаще всего он любил вспоминать такой эпизод: когда они с Юлей ещё не были женаты, она привела его к себе домой и решила хотя бы чем-нибудь накормить. Время было голодное, послевоенное. Она вытатила какой-то бульон – мутно-серый, несолёный, но голодный Старшинов с удовольствием уплёл и это. И лишь спустя годы, когда они уже были женаты, Юлия призналась, что тот бульон был водой из-под картошки в мундире.

– Юлия Друнина, – вспоминал Старшинов, – была мало приспособлена к быту, но хорошо готовила.

Слушая его, я думала: а есть ли вообще поэтессы, приспособленные к быту? А что касается кулинарии – это тоже дело творческое.

– Ещё, – вспоминал Старшинов, – Юля никогда не ходила по редакциям. Отдаст кому-нибудь рукопись: «Занеси и моё».

А ведь как бы, думала я, она могла бы использовать свои внешние данные. Некоторые, совершенно посредственные, но смазливые поэтессы пользовались своим козырем безошибочно.

Много у нас тогда было разговоров всяких и разных, жаль, не записала всё по горячим следам, а надо было.

Расставаясь, я подарила Николаю Старшинову свою недавно вышедшую книжку «Осенний снег», в ответ получила его книжку и пространное письмо. Что меня потрясло, так то, что прочитал он книжку от корки до корки и ответил на следующий же день по приезду в Москву. Как же это редко бывает с коллегами по поэтическому цеху. Дарятся книжки друг другу с трогательными автографами и остаются непрочитанными. А от Николая Старшинова я получила отзыв, в котором он делал критические замечания, и они мне очень помогли в даль-

нейшей работе. Один-единственный заочный урок литературного мастерства дал мне больше, чем вся учёба в литинституте. Хочу воспроизвести начало и конец этого послания.

«Уважаемая Ирина Евгеньевна. Ира! Времени у меня очень немного, поэтому я, чтобы не откладывать дело в долгий ящик, сразу прочитал Вашу книжечку. А то потом накопится много других дел, книжек, и я не прочту и не напишу Вам о ней. Возможно, Вам и совсем не нужны мои соображения по поводу Вашей книжки. И я мог бы, конечно, написать три строки: «Книгу прочитал, в целом понравилась. Удачи Вам». Правда ведь, очень мило и безобидно? И всё-таки я решил написать Вам по-другому, поскольку Вы человек одарённый, и мне будет жалко, если Вы не используете те возможности, которые у Вас есть, и пойдёте по облегчённому пути.

Уверен, что Вы получаете немало комплиментов, стихи Ваши нравятся, их слушают и аплодируют. И действительно, мне по-настоящему нравятся «Осенние встречи», «Я, наверно, тревоги не скрою...», «Не виня, не прощая...» и другие. Но, Ира... У Вас немало и таких стихов, которые назидательны, рассчитаны на жалость. Я имею в виду, в частности, стихи «Ты», «Вошёл в квартиру, как чужой», «Под плевки пьянчужек праздных» и другие. Вот Вы любите М. Цветаеву. Разве у неё есть стихи с нравоучением? С морализированием? А у Есенина? А у Ахматовой? А у Пастернака? Да нету таких. Никогда настоящий поэт этим не занимался. Морализировали кто? С. Щипачёв! Э. Асадов!

Ты порой целуешь ту, порою эту
В папиросном голубом дыму.
И любовь, как мелкую монету,
Раздаёшь, не знаешь сам – кому...
...Любовью дорожить умеете,
С годами – дорожить вдвойне.
Любовь – не вздох на скамейке
И не прогулки при луне...

Такое суждение ловеласа. Ай-яй-яй! А ведь сам Щипачёв был бабник, ни одной юбки не пропускал. Вон к Друниной лез, к Казаковой, ко всем. Его даже из Литинститута выгнали, потому что он всех девчонок своего семинара перепортил. А мораль читает. Видите ли, «любовь – не вздохи на скамейке», а что? Стояшие у станка?

А Асадов ещё чище. Его жена Лида, которая водила его за ручку в Литинститут, записывала лекции, читала их ему перед экзаменами, всю жизнь страдала от того, что он неделями пропадал у других женщин. А ведь моралист номер один. В конце концов он от неё удрал к чтице его стихов Разумовской, пожил с ней три года, а потом вернулся к жене. А в стихах только и делает, что читает другим мораль. И ведь это нравится широкому читателю. Его книги нарасхват. Слава Богу, что поэты-профессионалы считают его графоманом. Так оно и есть. Неискренность всегда обнаруживается при достаточном вкусе. Не потрафляйте читателю с примитивным вкусом, не идите у него на поводу».

Далее идёт уже сама литературная учёба, что для широкого читателя интереса не представляет. А затем, ругая меня за обилие глагольных рифм, Николай Старшинов призывает на помощь свой излюбленный жанр – частушку.

«То ли дело рифма:

Коля, Коля, ты отколя?

Коля из Саратова.

Коля, Коля, что с тобою?

Кошка исцарапала.

Да такая рифма на всю жизнь запомнится, а с нею и всё четверостишье. А такая частушка:

Я гуляю, как собака,

Только без ошейника.

Не бросайтесь вы, девчата,

Под меня, мошенника.

Или ещё:

Эх, кум Пронька,
Гармонь тронь-ка.
А я, кума Фенька,
Попляшу маленько!

Здесь всё звенит, всё само запоминается благодаря блестящим рифмам... Ира, стремитесь расковаться в области чувств, а не втиснуть их в какое-то назидание. Подумайте о звучании стиха и о таких, казалось бы, мелочах, как рифма. Но в поэзии всё и состоит из мелочей, которые делают в целом погоду. Впрочем, Вы можете со мной и не соглашаться, это Ваше дело. Но я хочу Вам добра. Поздравляю Вас с майскими праздниками, в том числе с Вашим Днём рождения, т.к. из Ваших стихов я вычитал – «майской ранью я криком возвестила о себе». Так ведь? Будьте здоровы, счастливы, удачливы. 26 апреля 1992 г. Н. Старшинов».

Когда я увидела дату на письме, оторопела: выходит, что в поезде, который вёз Николая Константиновича с Леной до Москвы, он прочитал мою книжку, а приехав, тут же написал столь пространное письмо.

Вот это я понимаю! Учитель!

Вместе с письмом и книгой Николай Старшинов прислал мне своё последнее, как я поняла, стихотворение. Я даже не знаю, опубликовано оно где-нибудь или нет. Последняя строфа (а там всего две строфы) как-то сразу врезалась в память:

*Уедем за город весной,
Я не с тобой, ты не со мной,
Уедем за город весной
Бездумно и беспечно.
Ничто не вечно под луной,
Ничто не вечно под луной,
Ничто не вечно под луной.
Зачем ничто не вечно?*

«СТИХОВ БОЛЬШЕ ПИСАТЬ НЕ БУДУ»

В 1977 году я познакомилась с Вилем Липатовым. Тогда я была делегирована на зональный семинар молодых авторов Нечерноземья в Кострому, который собрал представителей 18 областей. Я была в ту пору начинающей поэтессой из Ростова Великого, а Липатов маститым писателем, известным всем если не по книгам, то по фильмам «Деревенский детектив», «Анискин и Фантомас», «Инженер Прончатов», а позднее – «И это всё о нём», «Игорь Саввович». Виль Липатов вместе с Михаилом Шевченко осуществляли общее руководство семинаром, будучи секретарями Союза писателей РСФСР. Но я-то была рядовой «семинаристка», поэтому наше знакомство и дальнейшее общение можно считать чисто случайным.

Произошло это так: когда мы собрались на первое пленарное заседание (я сидела рядом со своими земляками Борисом Сударушкиным, Сергеем Хомутовым и ивановским прозаиком Владимиром Мазуриным), к нам подошла какая-то женщина и попросила: «Ребята, выйдите, пожалуйста, на улицу сфотографироваться для газеты с Вилем Липатовым». Мы, естественно, вышли. Рядом с Липатовым стоял Игорь Дедков – замечательный критик, ныне уже покойный. Виль Липатов в чёрной кожаной куртке, с чёрными усами и усмешливым прищуром узковатых глаз выглядел весьма симпатично. Однако чувствовали мы себя скованно, и, чтобы это не было заметно на снимке, фоторепортёр сказал: «Давайте, поговорите о чём-нибудь». Естественно, кому же начинать разговор, как не именитому писателю. Он и начал, но начал весьма неожиданно: «Ну, что ж, давайте поговорим. Вот я, например, не женат. Мне 50 лет, а я не женат». Все разулыбались, разговор быстро стал непринуждённым, и снимки, на которых мы выглядели весьма естественно, вскоре появились в костромской газете и в «Литературной России».

Когда же мы возвращались в зал заседаний, я сказала Липатову (молодая была, смелая): «Давайте продолжим разговор, я, например, тоже не замужем».

– Очень интересно, – отозвался он, – только давайте после окончания семинара его продолжим.

– После семинара у меня настроения не будет.

– Почему?

– А я уже знаю, что меня бить будут.

– Да вы что? Раз сюда попали, это уже о многом говорит.

– А когда мы входили в зал, я взяла его под руку и сказала:

– Пусть все завидуют, что я с самим Вилем Липатовым иду.

Как я и ожидала, досталось мне и от руководителей семинара, и от его участников. Человека три вступились за меня, горемычную, но мне от этого легче не было. Я так переживала, что действительно стало не до шуточек и пустых разговоров. Однако Виль Владимирович не забыл обо мне и, встретив как-то, спросил:

– Как дела?

– Я же говорила, что ругать будут. Так и случилось. Больше никогда стихов писать не буду.

– Да что вы говорите?! Знаете, сколько меня в жизни били!

(Как-то, рассказывая об этом эпизоде двум московским литераторам, услышала в ответ: «Да его всю жизнь били».)

Финалом нашего семинара был большой литературный вечер в Костроме, в котором приняли участие Виль Липатов, Михаил Шевченко, Вадим Кузнецов, Юрий Селезнёв и все остальные руководители, а кроме того – шесть человек «семинаристов». Среди них неожиданно оказалась и я. Потом узнала, что этому порадели секретари Союза писателей Виль Липатов и Михаил Шевченко. Но выступить я не хо-

тела. «Как же так, – думала, – кого-то на все лады расхваливали – их нет, а я, всеми разруганная, вдруг буду перед ними же выступать». И я ушла в зал. Вдруг прибежал Николай Машовец – в ту пору работник ЦК ВЛКСМ, затем директор издательства «Молодая гвардия».

- Ира, пойдёте на сцену.
- Не пойду, – упиралась я.
- Пойдёте, пойдёте, будете украшать президиум.

Что мне оставалось делать? Выглядеть ломакой? Пришла, сделала вымученную улыбку и сказала, что меня привели украшать президиум. И вот я сижу на сцене. Слева от меня – Вадим Кузнецов, поэт, который мне очень нравился, и от которого досталось по первое число, справа – Виль Липатов. спрашивает:

- Как настроение?
- Видите, колени ходуном ходят.
- Да перестаньте! Ещё столько выступлений впереди!

(Каким провидцем он оказался!)

- Больше никогда выступать не буду!
- Бросьте, даже слушать не хочу!

Когда же выступила, сказал:

- И чего вы боялись? Уж далеко не хуже других!

А потом настал его черёд выступать, и он рассказал, над чем работает в данный момент: «Михаил Иванович Жаров, который сыграл главную роль в «Деревенском детективе», жить не может без работы, поэтому пришлось для него написать продолжение – «Анискин и Фантомас». Надо будет – ещё напишу. Михаил Иванович без работы не останется. Сейчас снимается фильм по моей повести «И это всё о нём».

Виль Владимирович держался очень естественно, просто, мило шутил, и на его долю выпало самое большое количество аплодисментов. А уж какой букет ему вручили! Он же, приняв его, повернулся и преподнёс цветы мне. Потом, следуя его примеру, все мужчины начали отдавать мне свои

букеты. Я вышла с вечера с огромной охапкой цветов и в слезах: было стыдно, что мне оказано внимание, которого я вовсе не заслужила. Когда мы уже разъезжались, Виль Липатов разыскал меня, наговорил много добрых слов и пожелал творческих успехов.

– Я никогда-никогда больше не буду писать стихов.

– Ну, знаете, – почти зло сказал он, – значит, вы и не поэтесса никакая.

И, резко повернувшись, зашагал прочь. Мне стало так стыдно. Но стихи я, и правда, перестала писать. На полгода. Перешла на прозу. А потом опять вернулась к поэзии – куда денешься. В 1979 году я была участницей 7-го Всесоюзного совещания молодых писателей. И там меня уже хвалили. Обо мне даже написала «Комсомольская правда».

Зная, что Виль Липатов руководит одним из прозаических семинаров, пошла его разыскивать, чтобы поблагодарить за моральную поддержку, которую он оказал мне два года назад. Но узнала, что он тяжело болен и лежит в больнице.

Вскоре он умер.

<i>Воздух поэзии</i>	3
<i>Биографические вехи</i>	6
<i>Боль моя – Россия</i>	18
<i>Белые птицы любви</i>	32
<i>Запомнилась мне женщина одна</i>	44
<i>Творцы и музы</i>	62
<i>Календарь</i>	68
<i>От любви</i>	84
<i>Жизнь после смерти</i>	118
<i>Встреча. Рассказы</i>	126
<i>Попытка мемуаров</i>	194

Автор благодарит за материальную поддержку в издании этого сборника Ярославское региональное отделение Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) и персонально ее лидера Смирнова С.Ю.

Издательство

• ЛИЯ •

Литературно-художественное издание

БАРИНОВА

Ирина Евгеньевна

БОЖЬЕ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Стихи и проза

В авторской редакции

Набор и корректура – Браун В.А.
Компьютерная верстка – Михнова Е.Ю.
Художественный редактор – Набатов А.П.

Подписано в печать 20.11.07. Формат 70x108 ¹/₃₂
Печ. л. 14. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Издательство «ЛИЯ», г. Ярославль.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97